

Томас Мертон

СЕМЕНА СОЗЕРЦАНИЯ

ISBN 5-87507-276-8

Переводчики благодарны монсьёру Уильяму Шеннону,
основателю и первому президенту
Международного общества Томаса Мертона,
за гранты, позволившие выполнить перевод.

Составитель:
Андрей Кириленков

Перевод выполнен по изданию:
Thomas Merton. *New Seeds of Contemplation.*
New Directions, NY, 1972

Оригинал-макет и верстка:
Сергей Иванов

Обложка:
Любовь Ордынская

Томас Мертон (1915–1968) — всемирно известный духовный писатель, монах-траппист, священник. «Семена созерцания» — одна из его лучших книг о духовной жизни. Как писал он сам, «если подобные книги и достигают цели, то человек над этим не властен. Попробуйте читать её, возводя ум к Богу, потому что она написана в Его присутствии. Если вам это удастся, она увлечёт вас и вы, быть может, получите пользу — уже не стараниями автора, а по милости Божией. Если же — нет, то вы по крайней мере узнаете что-нибудь для себя новое».

- © 1961 by The Abbey of Gethsemany
Переведено и опубликовано с официального согласия
New Directions Publishing Corporation, New York
- © Перевод: Андрей Кириленков, Наталия Трауберг,
Ольга Раевская-Хьюз, Регина Дериева, 2005,
- © Оформление: Общедоступный Православный Университет, 2005

Оглавление

Джим Форест. Предисловие к русскому изданию (А.К.) ¹	7
Предисловие автора ко второму изданию (А.К.)	II
От автора (А.К.)	14
1. Что такое созерцание? (Р.-Х.)	19
2. А это — не созерцание (Р.-Х.)	23
3. Семена созерцания (А.К.)	29
4. Всё сущее свято (А.К.)	34
5. Вещи в их самобытности (А.К.)	40
6. Молись о том, чтобы найти себя (Н.Т.)	46
7. Единение и разъединённость (Н.Т.)	54
8. Уединение — не отъединённость (Р.-Х.)	57
9. Мы — один человек (А.К.)	65
10. Тело с сокрушёнными костями (Р.-Х.)	70
11. Учитесь одиночеству (Н.Т.)	78
12. Чистое сердце (Н.Т.)	81
13. Нравственное богословие лукавого (А.К.) ..	85
14. Честность (Н.Т.)	91
15. Сентенции (Н.Т.)	95
16. Корень войны — страх (А.К.)	101
17. Ад — это ненависть (А.К.)	109
18. Вера (Н.Т.)	112
19. От веры к мудрости (А.К.)	115

¹ В скобках указан переводчик соответствующего раздела книги:
А.К. — Андрей Кириленков, Р.-Х. — Ольга Раевская-Хьюз,
Н.Т. — Наталия Трауберг, Р.Д. — Регина Дериева.

20. Традиция и революция (А.К.)	123
21. Тайна Христа (А.К.)	129
22. Жизнь во Христе (А.К.)	136
23. Жена, облечённая в солнце (А.К.)	143
24. Кто не со Мною, тот против Меня (Н.Т.)	150
25. Смирение против уныния (А.К.)	153
26. Свобода в послушании (А.К.)	161
27. Что такое свобода? (А.К.)	167
28. Отрешённость (А.К.)	170
29. Умная молитва (А.К.)	178
30. Помехи (А.К.)	183
31. Дар ведения (А.К.)	186
32. Ночь чувств (А.К.)	193
33. Путь через пустыню (А.К.)	197
34. Ложное пламя (Н.Т.)	201
35. Отречение (А.К.)	204
36. Внутренняя нищета (А.К.)	213
37. Делясь плодами созерцания (А.К.)	218
38. Чистая любовь (А.К.)	224
39. Вселенский танец (Н.Т.)	236

Приложения

Стихи Томаса Мертон (Р.Д.)	242
Каноник А. М. Олчин. Поклонение Богу всего сотворённого. Томас Мертон и восточные отцы (А.К.)	253
Каноник А. М. Олчин. «Наша жизнь — могущественная Пятидесятница». Томас Мертон и русское православие (А.К.)	273
Основные сочинения Томаса Мертон	294

Джим Форест¹

Предисловие к русскому изданию

Книга, которую вы держите в руках, примечательна тем, что только её одну Томас Мертон писал в два приёма. «Семена созерцания» были опубликованы в 1949 году, а «Новые семена созерцания» — в 1962 г. Первоначальный вариант был хорош и популярен. Его охотно переиздавали и переводили на разные языки. Однако сам Мертон был им недоволен. Он считал, что текст получился холодным, и опасался, что его примут за «руководство для начинающего созерцателя». Руководств он, конечно, не писал — хотел лишь поделиться тем опытом, который обрёл на нескончаемом пути к тайне Бога.

Вторая книга почти целиком вобрала в себя первую. Мертон слегка подправил старые главы, дополнил их и написал три новые: две о созерцании (что это такое и чем оно не может быть) и одну заключительную («Вселенский танец» многие считают одним из лучших его эссе). И ещё одно: во второй книге Мертон обращался ко всем христианам, а не только к католикам. С годами он всё

¹ Джим Форест (Jim Forest) — ныне здравствующий многолетний и бес-
сменный председатель Православного Братства во имя мира ([http://
www.incommunion.org](http://www.incommunion.org)), главный редактор братского журнала «In
Communion», духовный писатель, публицист, автор биографии Мер-
тона «Живущий в премудрости» («Living with Wisdom») (по-русски
издана в 2000 г. издательством «Истина и жизнь»). Дж. Форест лично
знал Мертон, встречался и переписывался с ним; он обратился ко
Христу отчасти под влиянием автобиографии Мертон «The Seven
Storey Mountain» («Семирусная гора»). (здесь и далее, если это особо
не оговорено — прим. пер.).

больше чтит разные христианские традиции, и прежде всего — православную.

Моя дружба с Мертоном началась как раз в то время, когда он писал «Новые семена созерцания». Вернувшись со службы в американском военном флоте, я вступил в общину, содержащую приют для бездомных под названием «Дом св. Иосифа». Приют размещался в нижнем Манхэттене — районе, где царила отчаянная нищета, многие не имели крыши над головой и просто спивались. Мы кормили бедняков несколько раз в день, одевали их, как могли, и давали ночлег, насколько позволяло место.

Сверх того мы издавали ежемесячный журнал под названием «Католический рабочий», — небольшой, но очень популярный, если судить по стотысячным тиражам. Наверное это был самый необычный из выходивших тогда католических журналов Америки. Его взгляды на общественную жизнь были созвучны взглядам ранней Церкви. Войну он считал массовым убийством, а земное гражданство — менее важным, чем гражданство в Царстве Божием. Потребительское общество он призывал к добровольной нищете. Издатели журнала активно протестовали против насилия и за это даже попадали в тюрьму.

Общину основала Дороти Дэй. Она же издавала журнал. Холодная война не пугала Дороти: она часто говорила о том, как много для неё значит Россия, которую она всегда называла «Святой матушкой Русью». Вера и служение Дороти сформировались в значительной степени под влиянием Фёдора Достоевского. В конце своей жизни она наконец-то смогла побывать в России. Главным событием её поездки стала молитва на могиле этого великого писателя.

Дороти Дэй переписывалась с Мертоном довольно долго, однако была удивлена, когда получила от него главу из «Новых семян созерцания». Называлась глава: «Корень войны — страх». Мертон просил напечатать её в «Католическом рабочем».

Мы не поверили своему счастью. Мертон был одним из самых известных авторов в тогдашней Америке. Он жил

как простой монах в монастыре, расположенном в стороне от больших дорог, в деревенском штате Кентукки, но его книги читали во многих странах, причём далеко не одни только католики. Вышедшая в 1947 году автобиография Мертона «Семярусная гора» сразу стала бестселлером. Очень уж необычной оказалась история о молодом человеке, который родился в семье художников, рано потерял обоих родителей, перепробовал все модные тогда светские идеи, то обретал веру, то снова её терял, — который, ещё будучи студентом, принял крещение и через несколько лет поступил в траппистский монастырь ради покаянных подвигов и безмолвия. «Семярусная гора» изменила жизнь многих людей и породила такой интерес к её автору, что все его последующие книги были нарасхват в магазинах и библиотеках.

Перечитывая «Новые семена созерцания», я вижу, что глава «Корень войны — страх» всё ещё задевает меня за живое. Несколько лет я прослужил в армии, но не предполагал, что страх имеет какое-то отношение к войне. Теперь же не проходит и месяца, чтобы я не задумался о том, как много он значит в нашей жизни. Неизжитые страхи толкают к войне целые страны и влияют на каждого из нас. Повинуясь им, мы решаем, что изучать и что делать, чем пожертвовать и что оставить, с кем дружить, а кого сторониться, кого защищать, а кого бросать на произвол судьбы, — как нам вообще жить.

В 1961 году эту главу напечатали в «Католическом рабочем», и я послал её своему отцу, который был когда-то католиком и даже подумывал о священстве, а потом сделался марксистом. Тот ответил, что уважает Мертона, но в данном случае с ним не согласен. Корень войны, сказал тогда отец, — это плохая экономика. Правда, спустя несколько лет он, к моему удивлению, прислал мне письмо, сообщая, что, как ему теперь кажется, корень плохой экономики — страх.

В «Семенах созерцания» нет пустых и безадресных рассуждений. Мертон, как и всегда, просто и лаконично

пишет о своём опыте, помогая читателю лучше понять, что в жизни реально, а что мнимо.

Мертон был бы счастлив, если бы узнал, что «Семена созерцания» выходят на русском языке. Он жил во времена, когда Россию и Америку разделял железный занавес, однако русская литература и религиозная традиция сильно на него повлияли. В конце 50-х он обменялся несколькими письмами с Борисом Пастернаком. Краткая переписка двух великих людей была очень важна для обоих.

Поправки, сделанные Мертоном в первом издании книги, молчаливо свидетельствуют об уважении к христианским традициям, отличным от его собственной. Последние годы своей жизни он провёл в скиту, который был задуман как место для встреч с не-католиками. В то время о подобном диалоге мало кто помышлял, потому что христиан разных конфессий разделяли барьеры, казавшиеся непреодолимыми. Впрочем, Мертона интересовал не только христианский мир, но и иудеи, буддисты, индуисты, мусульмане. Незадолго до своей кончины, будучи на монашеской конференции в Азии, он общался с людьми, представлявшими разные школы буддизма и индуизма.

Мертон питал особую симпатию к православному богословию. Он очень внимательно читал книги о. Александра Шмемана, Павла Евдокимова, Оливье Клемана и глубоко чтит православную Церковь (редчайшее явление среди католиков того времени!). В его духовной жизни важную роль сыграли Иисусова молитва и писания св. Феофана Затворника. В семнадцать лет, обходя древние храмы Рима, Мертон открыл для себя икону. В 1968 году (это был последний год его жизни) в скитской часовне стояло семь икон ручного письма. Одну из них он взял с собой в поездку, во время которой погиб.

14 мая 2004 г.

Alkmaar, The Netherlands

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Перед вами не просто старая книга¹ в очередной редакции, а во многих отношениях — совершенно новая книга. Она целиком вобрала в себя прежние «Семена созерцания», если не считать нескольких выброшенных оттуда фраз. Первоначальный текст был немного отредактирован и существенно дополнен. В нём появились новые главы, а почти каждая из старых стала заметно длиннее. Автор, однако, совсем не хотел превращать маленькую книгу в большую. Он стремился лишь развить сказанное им прежде, имея на то достаточно веские основания.

В первой редакции книга появилась двенадцать с лишним лет назад, когда автор ничего не знал о трудностях и нуждах окружавших его людей. Он писал, находясь в своего рода изоляции, — один на один с собственным опытом созерцательной жизни. (Возможно, подобные тексты только так и пишутся.) Вторая редакция тоже была плодом одиночества, но уже вобравшего в себя одиночество и внутренние борения его братьев по монастырю, равно как и тех, кто остался за его стенами и даже — за стенами Церкви...

¹ «Старая книга» — это первое издание, которое называлось «Семена созерцания». Второе издание называется, в дословном переводе, «Новые семена созерцания», что нужно понимать не как «новые семена», а как «новая книга» под старым названием.

Глядя в новом свете на прежний текст, автор во многом усомнился, и не в последнюю очередь — в самом слове «созерцание», в известном смысле очень коварном¹. В одних оно вселяет большие и, как правило, призрачные надежды, завораживает, как магическое заклинание; других воодушевляет, что ничем не лучше.

Но главный изъян этого слова в том, что оно наводит на мысль о каком-то объективном качестве, вожделенном духовном товаре, снадобье, избавляющем от тягот и страданий. Как будто созерцание — это одна из вершин, которую нужно покорить за время земной жизни.

Читая книгу в её первой редакции, многие почему-то думали, что она научит их тому, как стать созерцателями. Но подобным вещам не учат, и автор это хо-

¹ Греческое *hesychia* (тишина, покой) или латинское *quies* Мертон считал более подходящим словом. «Термин “созерцание”, *theoria*, совсем почти не встречается в *apophthegmata* [Apophthegmata Patrum, изречения отцов-пустынников. — Прим. пер.] ... хотя отцы и “видят славу Божию” и имеют пророческие видения. Но есть другой термин, более простой и одновременно более глубокий и общий, который охватывает весь спектр духовности пустынников. Это термин — “покой”, *hesychia* по-гречески, *quies* по-латыни. Это покой, если хотите, по существу “созерцательный”, но не только. В своём глубинном смысле он подразумевает совершенное богосыновство, единство с Богом и полное самоотречение, и согласие — в вере и любви — со словом Божиим и Его волей... Тишина самоочевидна, а в *quies*, как мы видели, — истинная цель уединённой жизни: покой и “чистота сердца”, которые приходят тогда, когда человек свободен от забот о мирском, от жизни, посвящённой утверждению своего социального “я”, равно как и от всех иллюзий, которые эта жизнь порождает... В пустыне монах отрывается от своего иллюзорного “я”, “умирает” для мирского эмпирического бытия, чтобы целиком подчинить себя неотмирной реальности, о которой говорят по-разному, но к которой лучше всего подходит простое библейское “воля Божия”. Через это отречение от себя и своей воли, через “смерть” земного, светного “я” монах восстанавливает в себе образ Божий, уподобляется Богу и становится зеркалом, отражающим Божественный свет.» — Thomas Merton. “The Spiritual Father in the Desert Tradition”. (Опубликовано в вышедшем уже после смерти автора сборнике эссе: Thomas Merton. “Contemplation in a World of Action”. NY, 1971.)

рошо понимал. Не пишут же книг под названием «Как стать ангелом?»

И всё-таки, откажись автор от слова «созерцание», ему пришлось бы переписать всё заново, а он этого не хотел. Он не тронул основных понятий, но там, где это необходимо, пояснил, что имеет в виду. Кроме того он добавил две главы общего свойства, которые читателю предстоит теперь осилить.

Вопреки всем ожиданиям, старую книгу прочли многие. Неважно, сколько людей прочтёт новую, — лишь бы она дошла до тех, кому она действительно нужна. Книга, в сущности, не для всех. Она не для всех верующих и не для одних только католиков, хотя, скажем прямо, о сложных вещах автор говорит языком католического богословия.

Многие верующие сочтут эту книгу пустой, потому что их духовность какого-то иного свойства. Надеюсь, они снисходительно отложат её в сторону. Зато кому-то из тех, кто формально не принадлежит ни к одной из христианских конфессий, она, быть может, придётся по душе. Буду рад, если это случится, потому что я перед этими людьми в большем долгу, чем перед кем бы то ни было.

1962 г.

¹ Гвидо II Кардузани (Guido the Carthusian, † 1133) — монах-картузиец, автор трактата «О созерцании». В трактате он рассуждает о созерцании как о единении с Богом, о том, как достичь этой цели, то есть о созерцании. Он рассуждает о созерцании как о единении с Богом, о том, как достичь этой цели, то есть о созерцании. Он рассуждает о созерцании как о единении с Богом, о том, как достичь этой цели, то есть о созерцании.

ОТ АВТОРА

Подобные книги пишутся в монастыре как бы сами собой. В этом, наверное, одна из причин того, почему их сравнительно мало. Люди слишком подавлены страстями и физическим насилием, чтобы думать о внутренней жизни и её смысле. Но поскольку внутренняя жизнь и созерцание нужны нам больше всего на свете (я говорю только о созерцании, рождающемся из любви к Богу), то и книги, подобные этой, должны бы сегодня стать желанной пищей для всех, а не для одних только монахов. Потому-то, думаю, этот томик довольно разрозненных, часто обрывочных мыслей о внутренней жизни не нуждается в какой-то особой защите или оправдании, даже если все уже порядком отвыкли от чего-то похожего.

В христианской традиции подобных книг было немало. Вспомним, к примеру, «Мысли» Паскаля, «Предостережения и советы» св. Иоанна Креста, «Медитации» Гвиго Картузианца¹ или «Подражание Христу» Фомы Кемпийского. Перечисляя эти имена, автор не ставит себя в один ряд с великими (на это он никогда бы не решился). Он лишь напоминает, что его скромные заметки — не такая уж новость.

¹ Гвиго II Картузианец (Guigo the Carthusian, † 1183) — монах-картузианец, несколько лет был настоятелем монастыря Великая Шартреза. Ему принадлежит труд «Медитации» в форме молитвенного чтения Священного Писания.

Попавшие в эту книгу мысли приходят в голову любому монаху-цистерцианцу*. Рождались они порой в самый неподходящий момент, а ложились на бумагу, когда предоставлялся случай, часто беспорядочно и непоследовательно. Автор не рассчитывал охватить все стороны духовной жизни и опирался на то, что всем хорошо известно, — на евангельское учение, бенедиктинский устав, аскетическую традицию. Местами книга перекликается с писаниями цистерцианцев XII века, в особенности Бернарда Клервоского, больше других повлиявшего на духовность созерцательного ордена, к которому принадлежит и сам автор. Тот же, кто знаком с текстами св. Иоанна Креста, поймёт, что сказанное автором о созерцательной молитве созвучно опыту испанских кармелитов. Иными словами, эта книга не революционна и не оригинальна. Автор искренне надеется на то, что в ней нет ничего доселе неслыханного в христианской традиции.

Собственно, такую книгу мог бы написать любой монах. Любой созерцатель, какого бы он ни был душевного склада, думает о похожих вещах. Единственная её цель — рассказать о полноте благодатной христианской жизни, которая важна всем, а не одним только монахам.

В художественном отношении книга тоже ни на что не претендует. Кто-то другой написал бы, наверное, лучше. Впрочем, кто написал, тот написал, и не так важно, кто это сделал, — ведь если подобные книги и достигают цели, то человек над этим не властен. Попробуйте читать её, возводя ум к Богу, потому что она написана в Его присутствии. Если вам это удастся, она

*За последние двенадцать лет я много раз слышал от своих братьев, что это не так и что подобные мысли бесполезны. Возможно, они правы (прим. автора).

увлечет вас и вы, быть может, получите пользу — уже не стараниями автора, а по милости Божией. Если же нет, то вы по крайней мере узнаете что-нибудь для себя нового.

TU QUI SEDES IN
TENEBRIS
SPE TUA GAUDE:
ORTA STELLA MATUTINA,
SOL NON TARDABIT.

Пребывающий во тьме,
возликуй в надежде:
заря забрезжила,
взойдет и солнце.

1. ЧТО ТАКОЕ СОЗЕРЦАНИЕ?

Созерцание — это высшее выражение умственной и духовной жизни человека. Это сама духовная жизнь — трезвенная, деятельная, вполне сознающая саму себя. Это духовное изумление; произвольный трепет перед Божественной основой жизни и бытия; благодарность за жизнь, сознание, душу. Это ясное понимание того, что и жизнь, и душа происходят из невидимого, неотмирного, неиссякаемого Источника. Созерцание — это прежде всего осознание реальности этого Источника. Оно *знает* Источник сокровенно, необъяснимо, но с достоверностью, превышающей разум и простую веру. В сущности, созерцание — это духовное зрение, к которому разум и вера стремятся, ощущая свою неполноту. Но созерцание — не просто зрение. Оно видит, «не видя», и знает, «не зная». Это особая глубина веры и знания, невыразимая в образах, словах и понятиях. Слова и символы намекают на неё, но сами по себе ничего не значат. В созерцании знают, «не зная», или, лучше сказать, — знают *по ту сторону* знания и незнания.

Созерцание чем-то схоже с поэзией, музыкой, искусством, хотя и превосходит всё это, равно как и философию, и умозрительное богословие. Оно венчает, возносит, завершает любой опыт, попутно как бы отменяя и отрицая его. Созерцание выше знания и интуиции, выше систем и доказательств, выше рассуждений и диалога, выше нас самих. Чтобы войти в его пределы, надо в каком-то смысле умереть, или лучше — приобщиться к высшей жизни. Это будет смерть

ради жизни, превосходящей всё, что мы знаем и ценим как жизнь, мысль, опыт, радость, бытие.

Говорят, будто созерцание отменяет и делает ненужным всю прочую интуицию и опыт — в искусстве, философии, богословии, богослужении, в обыденных проявлениях любви и веры. Созерцание должно быть совместимо со всем этим, да оно и в самом деле таково, потому что в высшей степени завершает всё это. Иначе и быть не может: ведь когда начинается созерцание, всякий иной опыт мгновенно отступает, «умирает», чтобы родиться вновь — уже для высшей жизни.

Другими словами, созерцание стремится познать неотмирного, невыразимого Бога, ощутить Его близость. Оно знает Бога, словно касаясь Его, — вернее, словно Он Сам невидимо-коснулся созерцания... Да, нас касается Тот, у Кого нет рук, Кто есть чистое Существование и источник всего сущего! Значит, созерцание — это нежданный дар ведения, осознание Сущего во всём сущем. Это живое ощущение того, что наше ограниченное бытие укоренено в Бытии бесконечном, а наша переходящая жизнь получена нами от Бога как свободный дар любви. Используя образ «прикосновения», мы говорим об этой экзистенциальной связи.

Созерцание — это и ответ на зов. Не имеющий голоса, но Говорящий во всём сущем говорит в глубине нас самих, поскольку мы — Его слово и должны ответить Ему, отозваться, как эхо, в каком-то смысле вместить и выразить Его. Созерцание — именно такое эхо, ответное движение сокровенных глубин нашего духа, где наша жизнь теряет голос, вторя величию и милости Сокрытого и Живого. Через нас Бог отвечает Самому Себе, и Его ответ — божественная жизнь, творчество, обновляющее весь мир. Мы становимся Его эхом, Его ответом. Творя нас, Бог как бы задал вопрос. Пробу-

див нас к созерцанию — ответил на него. Значит, сами мы — и вопрос, и ответ.

У СОЗЕРЦАТЕЛЬНОЙ жизни два уровня. Первый — это осознание вопроса, а второй — осознание ответа. Они далеко отстоят друг от друга, но сходятся в одной точке. Вопрос — это уже ответ, а сами мы — и то и другое. Пока мы в пути, мы этого не видим; дойдя же до цели, мы сознаём, что ответ со-природен вопросу, а не инороден ему, что всё собрано в одном достоверном опыте: «Аз Есмь».

Созерцание, о котором я говорю, — не философия. Это не статичное знание метафизических сущностей, понятых как нечто духовное, вечное и неизменное. Это не постижение отвлечённых идей, а религиозное восприятие Бога через жизнь в Нём, или, как сказано в Новом Завете, через «сыновство». «Все, водимые Духом Божиим, суть Сыны Божии... Сей Самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии» (Рим. 8:14-16). «Тем же, которые приняли Его, дал власть быть чадами Божиими» (Ин. 1:2). Итак, созерцание, о котором я говорю, это духовный и неотмирный дар, который не получают самостоятельно, усилием ума или саморазвитием. Это не плод самовнушения, сосредоточенности на своём внутреннем мире. Это вообще не плод наших усилий, а дар Бога, который по Своей милости тайно и сокровенно творит нас, просвещая ум и сердце, пробуждая нас к осознанию, что мы — слово, проречённое в Его Едином Слове, и что Его творческий Дух (*Creator Spiritus*) обитает в нас и мы — в Нём; что мы живём во Христе и Он в нас; что наша природная жизнь завершена, вознесена, преображена Святым Духом во Христе. Созерцание — это понимание, познание, в каком-то смысле *опыт*; это то, во что так

или иначе верит каждый христианин и о чём апостол говорил: «уже не я живу, но живёт во мне Христос» (Гал. 2:20).

Созерцание, как мы видим, выше формальных истин о Боге, выше сердечных размышлений о предметах веры. Это пробуждение, озарение, интуитивное постижение, в котором любовь достоверно познаёт творческое и действенное вмешательство Бога в нашу повседневную жизнь. Созерцание не мыслит о Боге, не заключает Его в идею и не держит Его там, как узника, к которому всегда можно вернуться. Напротив, Бог Сам отводит созерцание в Своё Царство, в Свою тайну и свободу. Созерцание — это чистое и целомудренное знание, где мало идей и ещё меньше умозаключений; это знание, которое в своей нищете и чистоте следует за Словом, за Христом, «куда бы Он ни пошёл»¹.

¹ «Некто сказал Ему: Господи! я пойду за Тобой, куда бы Ты ни пошёл» (Лк. 9:57).

2. А ЭТО — НЕ СОЗЕРЦАНИЕ

Единственный путь к созерцанию — это опыт. Не испытав прорыва, пробуждения в новое бытие, мы ничего не поймём. Этому нельзя научить. Об этом нельзя даже связно рассказать. Всё, чем мы можем воспользоваться, — это намёк, символ, ассоциация, образ. Чем объективней, научней наши мерки, тем меньше в них истинного содержания. Созерцательный опыт необъясним, а его наукообразные определения просто чудовищны. Пытаясь рассуждать о нём, мы мыслим как психологи, но адекватной *психологии* созерцания не существует. Говоря о «реакциях» и «чувствах», мы помещаем созерцание туда, где его нет, — в поверхностное, рефлектирующее сознание. Иными словами — во внешнее «я», которое в истинном созерцании «умирает», отбрасывается, как запачканная одежда.

Внешнее «я» не созерцает и не может созерцать. Существует неразрешимое противоречие между глубинным, неотмирным «я», пробуждающимся только в созерцании, и поверхностным, внешним «я», которое обычно отождествляют с первым лицом единственного числа. Это последнее — не наше настоящее «я». Будем помнить об этом. «Индивидуальность», эмпирическое «я» нельзя путать с сокровенной, таинственной личностью, которая предстаёт перед лицом Божиим. «Я», действующее в этом мире, думающее и говорящее о себе, наблюдающее за своими поступками, — это не истинное «я», единое с Богом во Христе. Это в лучшем случае наряд, маска, личина для таинственного и не-

ведомого «я», которое большинство из нас обретают лишь после смерти*. Внешнее, поверхностное «я» не вечно и не духовно. Ему суждено бесследно растаять подобно тому, как тает дым, поднимаясь вверх от печной трубы. Оно хрупко и мимолётно. Именно в созерцании мы познаём, что это «я» — не мы сами. Созерцание — это пробуждение неведомого «я», не подвластного наблюдению или рефлексии и не способного рассуждать о самом себе. Оно не может произнести «я» вслед за своим дерзким и самонадеянным двойником, ибо оно по природе своей сокровенно и безымянно. О нём ничего не знает общество, где люди только и делают, что толкуют друг о друге или о самих себе. Ему есть, что сказать, но о себе оно не проронит и слова.

Нет ничего более чуждого созерцанию, чем Декартово *cogito ergo sum* — «я мыслю, значит, я существую», этой декларации человека, оторгнутого от своих духовных глубин и обречённого искать утешения в *доказательстве собственного бытия* (!). Делая ставку на мысль, мы удаляемся от своей сути, низводим себя до понятия, лишаемся прямого и непосредственного переживания собственной тайны. Хуже того: мы низводим до понятия Бога, отпадаем от Божественной реальности, доступной интуиции, а не слову. Принимая себя за объективно существующее, мы сознаём себя как чуждую себе «вещь» и доказываем, что она существует. «Значит, и я — нечто», — убеждаем мы себя. В довершение всех бед мы и бесконечного, неотмирного Бога делаем «вещью», «объектом», похожим на прочие конечные и ограниченные конструкции ума!

Напротив, созерцание опытно постигает реальность как нечто *субъективное* — но не как «моё» (что означало

* «Ад» можно представить себе как вечное отчуждение от истинного бытия, истинного «я», которое существует в Боге (прим. автора).

бы «принадлежащее внешнему “я”»), а как личную экзистенциальную тайну. Оно следует не за умозаключениями, а за пробуждённой интуицией, за свободным и личным бытием, сознающим свои собственные экзистенциальные глубины и открытым тайне Бога.

Для созерцателя нет *cogito* («я мыслю») и нет *ergo* («значит»). Для него существует только *SUM*, АЗ ЕСМЬ, — не пустое притязание индивида на окончательную реальность, а смиренное осознание собственной тайны как личности, в которой обитает Бог, бесконечно благой и самовластный.

Созерцание — удел не одних только пассивных и тихих натур. Это не просто медлительность, любовь к праздности и душевному комфорту. Созерцатель — не тот, кто сидит и мыслит, и уж тем более не тот, кто впери́л в пространство отсутствующий взгляд. Созерцание — нечто гораздо большее, чем вдумчивость и рефлексия, хотя не стоит пренебрегать ни тем, ни другим в нашей пустой и суетной жизни. Часто именно вдумчивость приближает к созерцанию.

Созерцание — это не молитвенный настрой, не мир и утешение, которые мы получаем за богослужением, хотя и молитва, и богослужение — великое благо. Они готовят к созерцанию, но не заменяют его. Созерцательная интуиция не связана с темпераментом. Бывает, она намечается у людей тихого нрава, но их природная безмятежность часто избавляет их от внутренних борений, мешая пережить переворот, приводящий к духовному пробуждению.

Бывает, напротив, что и деятельные, горячие натуры пробуждаются к созерцанию, причём иногда внезапно и почти без усилий. Но чаще горячие головы со всем к нему не расположены, а если чего и добиваются, то с огромным трудом. Лучше бы им не помышлять о

высшем, потому что их неразумное, часто бесцельное рвение вредит им самим, доводя их порой до полного изнеможения. Эти люди живут воображением, страстью, покорением вершин; они изматывают себя, стремясь к созерцанию как к вожделенному объекту — богатству, общественному положению, профессорской или епископской кафедре. Но созерцание — это не предмет расчётливых стремлений. Его не добиваются, строя разумные планы. Созерцание — это живая вода духа, которой мы жаждем, как загнанная лань жаждет воды в пустыне¹.

НЕ мы решаем пробудиться, но Бог решает разбудить нас.

СОЗЕРЦАНИЕ — не транс, не экстаз, не слышание неизреченных глаголов, не видение света. Это не чувственный огонь и не сладость религиозного восторга, не исступление, не «захватывающее» и освобождающее мистическое безумие. Всё это похоже на созерцание, потому что отключает обычное сознание и самоконтроль. Однако действует здесь не наше глубинное «я», а чувства и плотское бессознательное, дионисийские силы «id»². Похожие состояния иногда сопровождают глубокий и истинный религиозный опыт, но это уже другая тема.

СОЗЕРЦАНИЕ — это и не пророческий дар, не способность читать в сердцах людей. Такие дары иногда приходят вместе с созерцанием, но и они не важны. Было бы ошибкой смешивать одно с другим.

¹ «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!» (Пс. 41:2).

² Подсознание в психоанализе.

Люди по-разному убегают от своего эмпирического, внешнего «я», воображая, будто достигли созерцания. Одних захватывает и избавляет от самих себя коллективное исступление, других — показное величие тоталитарного режима. Уверенные в собственной правоте, преданные партийцы забывают о совести, прощая себе любое злодейство во имя Класса, Нации, Партии, Расы, Секты. Люди перестают сознавать свою нужду в истинной духовности и принимают ложную мистику Нации или Класса, которая тем и опасна, что создаёт видимость насыщения. Культ Масового Общества завораживает и порабощает тех, кто отчуждён от себя и от Бога и не способен переживать ничего по-настоящему духовного. Фальшивый энтузиазм и есть «опиум для народа». Он убивает в людях всё сокровенное и личное, усыпляет их совесть и сердце, превращает свободных и разумных существ в послушное орудие для облечённых властью политиканов.

Пусть никто не надеется убежать в созерцание от конфликта, скорби и сомнений. Глубокая, невыразимая достоверность созерцательного опыта рождает в душе трагическую муку и поднимает вопросы, ранящие в самое сердце и кровоточащие, как открытая рана. Каждый шаг вглубь рождает сомнение, противостоящее, впрочем, не искренней вере, а притворной, — вере, привыкшей «держаться по ветру». Мы часто живём ею и даже путаем её со своей «религией», но именно ей придётся держать ответ, пройти через муку и непонимание огнём. Свет невидимой истины, озаряющий нас во мраке созерцания, понуждает нас подвергнуть сомнению и наконец отвергнуть все предрассудки и условности, которые мы принимали за догму. Не ясно ли теперь, что истинное созерца-

ние не уживётся с самодовольством и чопорной предубеждённостью? Созерцание — не просто пассивное согласие, *status quo*, как многие думают, и не духовная анестезия, не обезболивающий укол. Это пожар, обращающий в пепел изношенные слова, штампы, лозунги, идеи. Порой оно не щадит и того, что казалось святым. Созерцание — это страшное сокрушение и сожжение идолов, очищение святилища, где ничто рукотворное не займёт больше места, которому Бог повелел быть пустым, — центра, внутреннего алтаря, — того, что просто «есть».

Наконец, созерцатель мучительно сознаёт, что *больше не знает, что есть Бог*. И хорошо, если он понимает, какое это для него благо: ведь Бог — не «что», не «вещь». Вот неотъемлемая черта созерцательного опыта: для него нет такого «что», которое можно было бы назвать Богом; для него нет такой «вещи», как Бог, ибо Он — не «что» и не «вещь», а чистое «Кто»*. Он — «Ты еси», перед лицом которого начинает сознавать себя наше глубинное «я». Он — «Аз Есмь», которому мы изнутри себя вторим эхом: «и аз есмь».

* Это не значит, что у человека нет адекватных представлений о Божественной природе. Просто в созерцании важны не абстракции, а прямая интуиция, вырастающая из любви к Богу как *Лигности*, а не «природе», «вещи», которую изучают и которой стремятся обладать (*прим. автора*).

3. СЕМЕНА СОЗЕРЦАНИЯ

Каждое событие, каждый миг земной жизни человека что-нибудь сеет в его душе. Невидимые зародыши духа покоятся в его уме и воле подобно тому, как в земле покоятся разнесённые ветром семена трав. Обычно человек не готов их принять, поэтому большинство из них гибнет. Эти семена прорастают только на доброй почве простоты, любви и свободы.

Мысль эта не нова. Давным-давно Христос в притче о сеятеле сказал: «Семя есть слово Божие». И напрасно мы всё сводим к Евангелию, которое проповедуют за воскресным богослужением (если его ещё проповедают!) «Слово» Божие и «семя» новой жизни — это в каком-то смысле любое проявление воли Божией. Значит, и окружающая нас, постоянно меняющаяся действительность могла бы побуждать нас к непрерывной беседе с Богом. Я имею в виду диалог любви, согласия человеческой воли и воли Божией, а не непрерывный «разговор» или легковесную многословную молитву, которую иногда поощряют в женских монастырях.

В самые разные моменты нашей жизни воля Божия проявляет себя в зове личной любви, а не во внешнем, безличном законе. Невозможно любить Бога-надзирателя. Расхожее представление о Его воле как о какой-то загадочной, враждебной, неумолимой силе зачастую отвращает от веры и ввергает в уныние, лишает внутренних сил. Впрочем, кто знает, — не рождается ли само это представление унынием, столь тяжким, что заражённые им страшатся посмотреть ему в

лицо. Произвол властного и бессердечного отца сеет семена ненависти, а не любви. И если Бог таков, то возможна ли сокровенная, личная, таинственная встреча с Ним в созерцании? Лучше уж уйти от Него подальше и навсегда скрыться от Его лица. Как много значат наши представления о Боге! Однако и самое ясное, совершенное из них не скажет нам, каков Он на самом деле. Наши идеи больше говорят о нас самих, чем о Нём.

Осознаем же, что во всякой жизненной ситуации Бог ищет нас и нашего блага. Его непостижимая любовь ищет нашего пробуждения. А поскольку в этом пробуждении умирает наше внешнее «я», то и присутствие Божие пугает нас ровно в той мере, в какой мы неотделимы от своего «я», зависимы от него. Правильно поняв диалектику жизни и смерти, мы научимся рисковать по вере и выбирать то, что освобождает нас от нашего «эго» и открывает дверь к новому бытию, новой реальности.

Разум, полный расхожих идей, и воля, опутанная страстями, никогда не примут семян неведомой истины и высшего желания. Пока я люблю рабство, во мне не взойдут семена свободы. Пока я полон суетных желаний, я не смогу желать Бога. Бог не взрастит во мне Своей свободы, потому что я — узник, который не хочет на волю. Я люблю свой плен и сам заключаю себя в тюрьму, желая того, что сам ненавижу. Я ожесточил своё сердце против истинной любви. Значит, я должен учиться отменять знакомое, привычное и принимать новое, неизведанное; я должен «потерять себя», чтобы потом найти себя, доверившись Божией любви. Если бы я искал Бога, то каждый миг, каждое событие сеяли бы в моей воле семена Его жизни. Со временем они проросли бы, дав невиданные всходы.

Ведь это Божия любовь греет меня солнечным теплом и посылает холодный дождь. Это она питает меня хлебом и изнуряет постом. Она посылает зиму, когда я ёжусь от холода, и летнюю жару, когда тружусь, обливаясь потом. Бог, и никто иной, дышит на меня лёгким ветром с реки и прохладой из леса. Его любовь простирает надо мной ветви клёна, а когда мы, привязав мулов к дереву, отдыхаем на краю пшеничного поля, именно она посылает мальчика с родниковой водой.

Это Божия любовь говорит со мной в птицах и ручьях, а среди городского шума доносит весть о Божием суде. Его воля сеет во мне свои семена.

И если бы они укоренились в моей свободе, если бы во мне взошла воля Божия, я стал бы любовью, которая есть Бог, а моей жатвой была бы радость и Его слава.

Вместе с несчётным множеством других свободных существ я рос бы на огромном, готовом к жатве золотом поле, славящем Бога. Если же для меня существуют лишь жара и стужа, пища и голод, тяготы и болезнь, красота и удовольствие, успех и поражение, благо и бедствия, которые я заслужил, творя свою волю, то я найду пустоту, а не счастье. Я буду пуст и голоден, потому что моя пища — это воля Того, Кто сотворил меня и устроил мир так, чтобы через него даровать мне Себя.

Удовольствия, успех, здоровье, жизнь, деньги, покой, добродетель, мудрость — всё это не должно заботить меня. Равно как и боль, поражение, болезнь, смерть. Что бы ни происходило, моим единственным желанием и радостью должна быть мысль: «Бог так благоволил, так явил Свою любовь. Всё принимая, я смогу вернуть Ему Его любовь, а с ней и самого себя. Отдавая себя Богу, я найду Его, а Он — жизнь вечная».

Радостно принимая и творя волю Божию, я открываю сердце для любви Божией, потому что моя воля

теперь — то же, что Его любовь, а сам я уподобляюсь Тому, Кто есть любовь. Всё принимая от Бога, я получаю Его радость, — не потому, что мир таков, а потому, что таков Бог и Его любовь, которая восхотела даровать мне радость во всём.

КАК узнать волю Божию? Даже если ни одна из известных заповедей или что-нибудь иное явно не понуждает меня поступить так или иначе, подсказка бывает вписана в сами события. Всякая справедливость, истина, любовь, милость — от Бога. Значит, принять Его волю — это не лгать себе, говорить или хотя бы искать правду. Слушаться Бога — это откликаться на Его волю, явленную в нужде ближнего, или хотя бы уважать права ближнего, поскольку они — выражение любви и воли Божией. И не холодный, безжалостный закон понуждает меня это делать. Сам Бог зовёт меня, как Своего сына, разделить с Ним заботу о брате. Безразличный к ближним не будет ходить во свете созерцания, потому что сбился с пути, отвернулся от истины, сострадания, а значит, и от Бога.

Воля Божия — и в нашем долге. Если мне велено вскопать сад или смастерить стол, то, охотно берясь за дело, я слушаюсь Бога. Я заодно с Ним, если тружусь на совесть, с любовью и рассуждением. Когда я стану орудием Бога, действующего через меня, дело не будет мешать созерцанию, даже занимая меня целиком. Напротив, оно будет очищать и умиротворять меня, располагая душу к молитве.

Нельзя посвятить Богу то, что сделано в спешке и без сердца, по жадности, неуёмному рвению или из страха. Богу это не нужно, хотя Он иногда попускает трудиться в поте лица — по нашим ли грехам или грехам общества, в котором мы живём. Тогда мы долж-

ны терпеть, извлекая пользу из неизбежного. Только не будем путать разумный, здоровый труд и тяжкую работу.

Как бы то ни было, мы должны искать *logos*, истину во всяком долге, деле и в самом данном нам Богом естестве. Послушание и преданность воле Божией — не в безразличии к ценностям, которые Бог всеял в жизнь человека и его труд. Не нужно путать бесчувственность и отрешённость. Созерцатель должен быть отрешён. Но если он безразличен к тому, чем живёт общество, ближние и он сам, то его созерцание порочно в самых его истоках.

4. ВСЁ СУЩЕЕ СВЯТО

Отрешённость нужна нам не потому, что «вещи» и Бог противоречат друг другу, как если бы Бог был одной из них, а Его творения соперничали с Ним на равных. И соединимся мы с Богом не тогда, когда отрешимся от вещей, а тогда, когда отрешимся *от самих себя*, чтобы видеть вещи в Боге и пользоваться ими в Нём и для Него. Вот истина, которую совершенно не понимают многие искренне праведные и аскетически настроенные люди. Ни в чём из сотворённого Богом нет зла, и ничто исходящее от Него не может помешать нам соединиться с Ним. Помешать может только наше «я», то упрямство, с которым мы утверждаем свою частную, плотскую, себялюбивую волю. Соотнося всё со своим внешним, ложным «я», мы отпадаем от реальности и от Бога; наше ложное «я» становится нашим богом, и мы начинаем любить всё только ради себя самих. Пользуясь вещами, мы — если можно так выразиться — поклоняемся идолу, нашему воображаемому «я». Так мы извращаем и растлеваем вещи; точнее — вносим грех и порчу в наше отношение к ним. Мы не их делаем злыми, а присваивая их, всё крепче привязываемся к своему призрачному «я».

Тот, кто пытается найти выход, приписывая зло благому творению Божию, пребывает в чудовищной иллюзии. Такой человек подобен Адаму, свалившему всё на Еву, или Еве, обвинившей змея. «Меня искусила женщина. Меня соблазнили вино, пища. Женщина — пагуба, вино — отравка, пища — смерть. Не-

навижу всё, проклиная. Этим я и угоден Богу...» Вот мысли и отношение ребёнка, дикаря, идолопоклонника, который магией и заговорами пытается оградить своё себялюбие и задобрить живущего в его сердце ненасытного идола. Принять это за служение Богу — худший самообман, делающий из человека фанатика, не способного ни к восприятию истины, ни к искренней любви.

Веря в своё эго как в «святыню», такой фанатик всё остальное считает скверной.

НЕПРАВДА, что святые и великие созерцатели никогда не любили творения, не понимали и не ценили мир с его звуками, красотой и живущими в нём людьми. Они любили всех и всё.

Не думаете ли вы, что, любя Бога, они одновременно ненавидели вещи, повсюду говорящие о Нём и Его отражающие?

Вы скажете, что святые были заняты только Богом и ничего вокруг не замечали. Неужели они бродили с каменными лицами, не слушая ближних и не сопереживая им в радости и горе?

Святые потому и видели творение, потому и ценили его по-настоящему, что были заняты только Богом. Они любили всех, потому что больше всего на свете любили Его.

ПРИНЯТО почему-то думать, что святые совершенно безразличны к творению; что всякое проявление природной живости, всякое удовольствие — это грех, потакание «падшему естеству», а быть «не от мира сего» значит прятать свою непосредственность за клише и формальными упоминаниями о Боге. Клише нужны, чтобы держаться от всего подальше, притупить соб-

ственное восприятие и изгнать из себя чувство вины. Или наоборот — чтобы взрастить его? Интересно, не любовь ли к вине породила такую мораль? Люди воображают, будто святой только и делает, что сражается с виной. Он и холодной воды не выпьет без жеста раскаяния. Утолить жажду для него — смертный грех, а отозваться на красоту, добро, шутку — преступление. Удовольствие он получает лишь от молитвы и внутреннего делания¹.

На самом деле святой любит всё сотворённое, наслаждается им, обращается с вещами просто и естественно, не привлекая внимания к собственным подвигам и избегая искусственной строгости. Кротость и умиление не сочатся из его пор (словно он весь стянута какими-то духовными узами), а рождаются из его чуткости к свету истины и воле Божией. Когда святой говорит о мире, он не упоминает Бога явно, но воздаёт Ему несравненно большую славу и пробуждает в людях большую любовь к Нему, чем те, кто тщится связать Бога и Его творения в блёклых сравнениях и бессильных метафорах. Слушая этих последних, невольно думаешь о том, как ущербна их вера.

Святой знает, что этот мир добр, как и всё, сотворённое Богом. Прочие же считают тварное нечистым или совсем об этом не думают, интересуясь только собой.

Взгляд святого делает святой всякую красоту. Его руки освящают к славе Божией всё, чего ни коснутся. Святой не знает греха и потому ни от чего не отворачивается и никого не осуждает. Он знает милость Божию и своё земное служение — нести эту милость людям.

¹ Внутреннее делание — перевод словосочетания «Interior acts of piety».

КОГДА мы едины с Божией любовью, мы всем обладаем в Боге, чтобы всё принести Ему во Христе, Его Сыне. Ибо всё принадлежит детям Божиим, мы — Христовы, а Христос — Божий². Во славе Божией мы обретем покой, который выше всего наслаждения и боли, всей радости и печали, всякого иного блага и беды; во всем сущем мы любим только волю Божию, а не само сущее. Так мы приносим творение в жертву хвалы.

Ради этого Бог сотворил мир.

ЕДИНСТВЕННАЯ истинная радость на земле — вырваться из темницы ложного «я» и соединиться в любви с Жизнью, которая обитает и поёт в сердцевине всего сотворённого и в глубине наших душ. В любви Божией мы обладаем творением, наслаждаемся им, обретая в нём Бога; всё, что мы видим и слышим, чего касаемся, не оскверняет нас, а очищает, сеет в нас семена созерцания, неба.

Если мы ещё не совершенны, творение не радует нас, а ранит. Пока мы не полюбим Бога всем сердцем, мир будет причинять нам боль. И горе нам, если мы не ощущаем её и не понимаем, что она значит.

Пока мы не любим Бога, мир для нас полон противоречий. Творения то привлекают нас к Богу, то уводят от Него; они то вдохновляют нас, то опустошают. Мы то находим в них Бога, то совершенно теряем Его из вида.

Едва начав радоваться миру, мы познаём печаль. Едва начав наслаждаться, — ощущаем горечь.

Будучи несовершенны, мы находим в творениях гармонию небес и муку ада, радость благословения и горечь потери, проклятия.

² «Вы же — Христовы, а Христос — Божий» (1 Кор. 3:23).

Гармония исходит от Бога, принадлежит Ему, отражает Его. Только она реальна. Муку же рождают наши беспорядочные желания. Мы всё время ищем в творениях то, чего в них нет, какой-то полноты, которой они не могут дать. Вместо того чтобы через творения поклоняться Богу, мы поклоняемся через них самим себе.

Но служить своему ложному «я» — значит служить небытию. Это и есть ад.

Ложное «я» нельзя приравнять к телу. Тело не порочно и не призрачно. Оно — реальность, дарованная Богом и потому святая. Мы вправе говорить (хотя и символически), что оно — «храм Божий»¹, подразумевая, что Его истина и совершенное бытие запечатлены в теле и составляют тайну нашего собственного бытия. И пусть никто не дерзает гнушаться или злоупотреблять тем, что Бог ему вверил. Никто пусть не оскверняет своё природное единство, деля его на душу и тело, словно душа — это добро, а тело — зло. Душа и тело включены в единую реальность сокровенного внутреннего человека. Если их разделить, исчезнет личность, живое единство, сотворённое по образу и подобию Бога. «Брачный союз» души и тела — одна из черт образа Божиего в человеке, и невозможно, оставшись в здравом уме, разлучить то, что сочетал Бог².

Нельзя считать, что всё наше «я» — это душа, равно как нельзя считать, что всё оно — тело. Первое заблуждение превращает нас в ангелов, второе — опускает ниже предназначенного нам Богом. И то и другое — грех. (Обычно говорят, что второе заблуждение превра-

¹ «Разве вы не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живёт в вас?» (1 Кор. 3:16).

² «Что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мк. 10:9).

щает человека в животное, но это не совсем так.) На свете немало уважаемых и даже добропорядочных людей, для которых не существует иной реальности, кроме тела и его отношения к прочим «вещам». Эти люди живут пятью чувствами, поэтому их «я» — иллюзия, рождённая чувственным опытом, и ничего более. Они винят тело во всех грехах и ошибках, но виноваты они сами. Это они не хотят расстаться с иллюзией и считают самообман безопасней, чем отклик на тайный зов Бога, предлагающего им рискнуть и, положившись на веру, покинуть надёжно защищённый оплот пяти телесных чувств.

5. ВЕЩИ В ИХ САМОБЫТНОСТИ

Дерево прославляет Бога, оставаясь собой. Бог задумал его деревом, и, оставаясь собой, оно повинуетсЯ Ему, осмелюсь сказать — «соглашается» с Его творческой любовью. Оно выражает идею, которая пребывает в Боге и причастна Его сущности. Значит, будучи деревом, оно уже подражает Богу.

Чем больше дерево похоже на самого себя, тем больше оно похоже на Бога. Если бы оно перечило Божию замыслу, пытаясь походить на что-то ещё, то и не подражало бы Богу, не прославляло Его.

Двух одинаковых творений не бывает, но в их непохожести друг на друга кроется не изъян, а совершенство. Каждое из творений самобытно, хотя и воплощает какой-то идеальный тип. Это вот дерево прославляет Бога, вытягивая под землей корни и раскидывая ветви так, как никакое другое ни до, ни после него.

Неужели вы думаете, что всё в этом мире — неудачная попытка воспроизвести отвлечённую идею, что Творец так и не воплотил до конца Свой замысел на этой земле? Если вы правы, то творение возвещает не славу Творца, а Его неудачу.

Итак, каждая вещь с её природой и сущностью, индивидуальными чертами и свойствами, в её неприкосновенной самобытности прославляет Бога, будучи именно тем, чем Он повелел ей быть здесь и теперь, в обстоятельствах, предписанных Его бесконечной Любовью и Мастерством (Аг).

В ОЧАХ Божиих всё живое и неживое, звери, цветы — вся природа — святы благодаря их формам и индивидуальным чертам.

Внутренняя основа вещей — это их святость, отпечаток Премудрости Бога, Его присутствие (reality) в них.

Неуклюжая прелесть жеребёнка, скачущего по полю в апрельский день, — это святость, принесённая Богу Его же творческой Премудростью, весть о Его славе.

Кизил, растущий под моим окном, — святой. Маленький желтый цветок на обочине — тоже святой, глядящий прямо в лицо Богу.

Древесный лист свят своим очертанием, особым рисунком прожилок, а форель и окунь в пруду прославлены за их красоту и проворство.

Расположившиеся между холмами озера — святые. И океан — святой, непрестанно восхваляющий Бога своим величественным танцем.

Мрачный скалистый утёс — ещё один святой Божий. Другого такого нет. Он неповторим, и ничто в целом мире не подражало и не будет подражать Богу так, как он. В этом — его святость.

А КАК же вы или я?

Нам, в отличие от деревьев или животных, мало просто следовать своей природе, мало быть всего лишь людьми. Наша святость больше, чем обыкновенная человечность. Если мы только люди, народ, мы не станем святыми, не сможем подражать Богу, а значит, не принесём Ему должного поклонения.

Верно, впрочем, что моя святость в том, чтобы найти своё «я», а ваша — в том, чтобы найти ваше. Верно, что в конечном счёте ваша святость никогда не будет моей, а моя — никогда не будет вашей (разве только — в общении любви и благодати).

— Для меня быть святым — это быть самим собой. Значит, моё спасение зависит от того, узнаю ли я, кто я такой, открою ли своё истинное «я».

Деревьям и животным это не нужно. Бог не спрашивал у них, кем их сделать, и они этим счастливы.

С нами же — всё иначе. Бог дал нам свободу стать, кем захотим. Мы можем быть собой или не быть, как нам угодно. Мы вольны выбирать, быть нам реальными или мнимыми, настоящими или фальшивыми, носить какую-нибудь маску или нет. Мы даже можем, если захотим, никогда не показывать своего лица, — только за всё придётся платить. Причина рождает следствие, и если мы лжём себе и другим, то вряд ли найдём истину и реальность, когда того захотим. Что странного, если истина ускользает от нас, когда мы наконец решили её заполучить? Мы столько лет провели во лжи!

НАШЕ призвание — не просто *быть*, а творить вместе с Богом себя и свою судьбу. Мы — свободные существа и дети Божии. Иначе говоря, мы должны не влачить существование, а выбирая истину, деятельно приобщаться творческой свободе Бога, менять свою жизнь и жизнь своих ближних. Или, ещё лучше, — вместе с Богом *творить* свою истинную самобытность. Мы можем увильнуть от этой ответственности, живя легкомысленно и притворно, время от времени умиляясь своей свободой и творческой настроенностью. Это очень легко, да и все вокруг, кажется, довольны. Но рано или поздно с нас взыщется сполна. Искать свою самобытность в Боге или, говоря языком Библии, «совершать своё спасение»¹ — это труд, требующий жертв,

¹ «Со страхом и трепетом совершайте своё спасение» (Флп. 2:12).

муки и слёз. Это и неустанное внимание к реальности, и великое доверие Богу, сокровенно являющему Себя в тайне каждой жизненной ситуации.

Невозможно предугадать, какой плод принесёт этот труд, — ведь тайна моей самобытности сокрыта в Боге. Только Он может сделать меня самим собой, а вернее, тем, кем я буду, когда наконец обрету полноту бытия. И пока я не захочу быть собой, пока не захочу найти себя с Богом и в Боге, я ничего не добьюсь. Но и захотев этого, я столкнусь с тайной, которую не откроет мне никто, кроме Него. Чтобы приступить к этой тайне, нужна вера. А чтобы увидеть свой путь, понять, чего от меня хочет Бог, нужен иной дар, великий и драгоценный, — дар созерцания.

В каждый миг моей жизни Бог по Своей воле возвращает в моей свободе семена моей самобытности, реальности, святости, моего счастья.

Погубить их — значит погубить всё: жизнь, душу, свою самобытность, самого себя.

Не приняв, не полюбив и не исполнив волю Божию, я откажусь от полноты бытия.

Если я не стану тем, кем задуман, если останусь тенью, то буду вечно противоречить сам себе. Я буду одновременно и чем-то, и ничем: жизнью, которая хочет жить, но мертва, и смертью, которая хочет умереть, но не может, потому что еще не начала жить.

Я РОЖДЁН во грехе, потому что вошёл в этот мир с ложным «я». Я появился на свет в маске, вошёл в этот мир под знаком противоречия. Я — не тот, кем мне назначено быть, а отрицание самого себя. Я начал быть, но остался в небытии, потому что с самого начала был тенью.

Проще говоря, если я возомнил себя кем-то, перестав быть просто сыном своей матери, я настолько да-

лѣк от своего предназначения, что есть я или меня нет — всё равно. В самом деле, лучше бы мне не родиться.

За каждым из нас стоит призрак — наше ложное «я».

Это тот, кем я хочу быть, но кто не приспособлен к существованию, потому что Бог ничего о нём не знает. Не слишком ли много самостоятельности — быть неизвестным Богу?

Ложное, частное «я» хочет существовать вне Божией воли и любви, вне реальности и жизни. Такое «я» — не более чем иллюзия.

Мы плохо видим собственные иллюзии, в особенности те, что касаются нас самих, рождены вместе с нами и держат нас в плену греха. Для большинства людей в этом мире нет ничего реальнее, чем их ложное, не способное к существованию «я». Жизнь, отданная культуре этой тени, зовѣтся греховной.

Грех начинается с посылки, что ложное «я», или совокупность себялюбивых желаний, — это последняя реальность, ради которой всё и существует. Мы тратим себя, гоняясь за удовольствиями, опытом, властью, славой, знанием, любовью, — лишь бы прикрыть свою наготу, превратить ничтожество в нечто реальное. Мы облакаемся в удовольствия, славу — лишь бы стать осязаемыми, как будто мы — невидимка, который одеваются, чтобы его заметили.

Подо всем тем, во что я одет, нет ничего. Я пуст. Моя постройка из честолюбивых замыслов и наслаждений стоит на песке. Я слился со случайным и обреченным на гибель. Когда же мои одежды истлеют, не станет и меня. Только мои нагота, бессодержательность, пустота будут говорить мне, что я — своя собственная ошибка.

ГЛАВНА МОЕЙ САМОБЫТНОСТИ СОКРЫТА В БОЖИЕЙ ЛЮБВИ И МИЛОСТИ.

Но то, что существует в Боге, действительно тождественно Ему, потому что Его бесконечная простота не знает различий и разделений. Значит, найти себя можно только в Нём.

В конечном счѣте я стану самим собой, только соединившись с Тем, в Ком сокрыта причина и полнота моего бытия.

Моё существование, счастье, мой покой зависят только от того, найду ли я себя, найдя Бога. Если я найду Бога, я найду и себя, а если я найду своё истинное «я», то найду и Его.

Казалось бы, так всё просто, но в действительности всё безмерно трудно. Более того, всё это совершенно невозможно, если я предоставлен сам себе. Сколько бы я ни знал о бытии и природе Бога, я не соединюсь с Ним. Ни разум, ни какая-то иная способность не приблизят меня к Нему, не откроют мне, каков Он на самом деле и каков я в Нём.

Никто из людей не добьѣтся этого в одиночку.

И никто из людей, ничто во всей вселенной не поможет нам в этом.

Найти Бога может помочь только Сам Бог.

6. Молись о том, чтобы найти себя

Есть точка, в которой встречаются Бога, прикоснувшись Его бесконечной реальности. Это «обиталище» Бога, Его святилище, место, в котором моё условное существование непосредственно зависит от Его любви. Во мне самом это символическая вершина бытия, в которой мой Творец поддерживает моё существование.

Бог произносит меня как слово, в котором заключена частица Его замысла.

Слову не дано постичь голоса, которым его произнесли.

Но если я буду верен идее, которую возлагает во мне Бог, если буду верен замыслу, который я призван воплотить, Его реальность наполнит меня и повсюду во мне будет только Бог, а меня — не будет. Я потеряюсь в Боге, а значит — обрету себя. Я буду «спасён».

Как жаль, что эта прекрасная христианская метафора так истрепалась, что теперь в ней резонно видят избитый штамп. Она превратилась в вялый синоним «благочестия», расплывчатый образ, не дотягивающий даже до этики. На самом же деле никакая этика не сопоставима со «спасением», которое восходит к последним основам человеческого бытия. Идея «спасения» отражает бесконечное внимание Бога к человеку, к его сокровенной сути; любовь Бога ко всему, что от Него в человеке, Его сыне. Милостью Божией «спасается» не

только человеческая природа, но, что гораздо важнее, человеческая *личность*, нечто уникальное, невозместимое, невыразимое, — иными словами — наше истинное «я». Это истинное, сокровенное «я» надо извлечь из хаоса и смуты, из пучины обыденного, невзрачного, банального, низменного и эфемерного; извлечь, как извлекают жемчужину с морского дна.

Мы должны быть спасены из пучины лжи и страстей, которая именуется «миром», а самое главное — из бездн недоразумений и нелепостей, в которую увлекает нас наше мирское «я». Личность нужно спасти от индивидуальности; свободного сына Божиего — от угодливого раба фантазий, страстей и условностей; творческое и таинственное «я» — от расточительного, сластолюбивого и разрушительного «эго», которому только и дело, что примерять всё новые маски.

«Погибнуть» значит остаться во власти капризов и претензий наносного эго, которое неизбежно рассеется как дым. «Спасти» значит вернуться к нетленному и вечному бытию и жить в Боге.

Кто из вас может войти в себя и обрести в себе Бога, произносящего вас как слово?

«Обрести Бога» — безмерно больше, чем просто отречься от вещей, очиститься от желаний и образов.

Если вы действительно изгоните из души все желания и помыслы, то, быть может, вы замкнётесь в самой своей сердцевине, сосредоточившись на одной воображаемой точке, в которой Бог полагает начало вашей жизни. Но Самого Бога вы не найдёте и там. Никакие человеческие ухищрения не помогут вам соприкоснуться с Ним непосредственно. Что бы вы ни делали, вы будете знать о Нём не больше, чем неподвижный камень знает о земле, если только Господь не

возгласит Себя в вас, не произнесёт в средоточии вашей души Своё имя.

Путь человека к Богу — это в некотором роде путь Бога к человеку. Мы не можем взойти на небеса в поисках Бога. Нам не дано знать, где эти «небеса» и что они такое. Бог Сам спускается с них и находит нас. Из глубин Своей бесконечной, вездесущей реальности Он обращает на нас Свой взор, под которым обновляется всё наше существо. Только тогда мы обретаем новый ум, способный постигать Бога. Мы знаем Бога ровно настолько, насколько Он знает нас, а наше созерцание — это созерцание Богом Самого Себя.

Мы становимся созерцателями лишь тогда, когда Бог открывает в нас Самого Себя.

В этот миг точка соприкосновения с Ним становится раскрытыми вратами. Мы проходим сквозь сердцевину своей ничтожности и вступаем в бесконечную реальность, в которой пробуждаемся ото сна, обретая своё истинное «я».

Верно, что Бог познаёт Себя во всём сущем. Он видит Свои творения, потому они и существуют, потому они и благи по природе. Благость каждого творения — это запечатлённая в нём любовь Божия. Ценность каждого творения — та ценность, которую придаёт ему Господь. И каждое творение отражает в себе Бога в той мере, в какой Он видит его и любит.

Своим пониманием и любовью, Своей властью и заботой Бог присутствует в каждой вещи. Но это ещё не значит, что творения сознают Его и понимают. Знают и любят Господа только те, кому Он уделит толику знания о Себе и часть Своей любви к Себе Самому.

Чтобы знать и любить Бога таким, как Он есть, нужно вместить Его по-новому — не только в Его творчес-

кой силе, но и в Его милости, не только в Его величии, но и в малости, до которой Он низводит Себя, изливаясь в нашу пустоту, чтобы наполнить нас до Своей полноты. Через бесконечную пропасть, отделяющую Его от душ, сотворённых для любви к Нему, Бог перебрасывает мост, уделяя каждой из них от Своей неотмирной жизни. Отец, обитающий в глубинах всего сущего и во мне, посылает мне Своё Слово и Свой Дух. Принимая их, я вовлекаюсь в Его жизнь и познаю Бога в Его же любви, соединяюсь с Ним в Его Сыне.

С этой встречей я начинаю познавать и совершенствовать свою собственную сущность, потому что Сам Господь, в котором заключена её тайна, теперь живёт во мне уже не только как мой Творец, но и как моё новое, истинное «я». *Vivo, iam non ego, vivit vero in me Christus* («Не я живу, но живёт во мне Христос»¹).

Первая из таких встреч — крещение. Но пока мы не способны к сознательным проявлениям любви, крещение остаётся нераскрытым. Бог нисходит к нам всякий раз, когда мы совершаем свободный выбор, и жизнь превращается в череду решений, каждым из которых мы либо служим ложному «я», питающемуся иллюзорными страстями и себялюбивыми желаниями, либо повинемся чистой и бескорыстной Божией милости.

Повинуясь Божией воле и милости, «нисходящим» во мне в событиях моей жизни, взывающим к моему внутреннему «я» и пробуждающим во мне веру, я прорываюсь сквозь обыденное мировосприятие, сквозь себя, и предстаю перед сокровенным величием. Это величие, это Божественное присутствие может казаться мне чем-то объективным, «лежащим вне меня». Не

случайно древним святым и пророкам Бог являлся *воочию* — то светлым сиянием, то в облике ангела или мужа, то в терновом кусте, горящем и не сгорающем, то как блистающая слава, восседающая на херувимах. Только так они могли воздать должное той величайшей реальности, с которой им дано соприкоснуться. На самом деле величие это *незримо* и заключено внутри нас. Это — Слово и Дух, исходящие от Отца в глубины нашего существа, чтобы всё оно наполнилось даром славы и откликнулось на него хвалой и восторгом.

Это и есть «милость Божия», являемая нам в тайных встречах, когда Господь вручает нам Себя и пробуждает в нас истинных сынов и наследников Своего Царства. Царство это — внутри нас, и о пришествии его мы всякий раз молимся, читая молитву Господню. В откровении Божией милости и величия нам доступна и тайна нашей личности, нашего истинного «я». Всякий раз, когда мы узнаём сошедшие в нас Лица Божии и говорим: «Да!», мы внутренне пробуждаемся в мгновенном озарении. Лишь в те минуты, когда мы соглашаемся «принять» в себя славу Божию без оговорок и изъятий, мы по-настоящему становимся самими собой. Мы действительно становимся самими собой, когда добровольно и радостно принимаем эти встречи, лучшие из даров, которые Бог приносит Своим детям. Всё прочее — не более чем иллюзия.

Пока я здесь, на земле, мой ум и воля не очень ясно воспринимают нисхождения Слова и Духа. Мне нелегко воспринять Божественный свет.

Хотя моя природа сама по себе и блага, всё во мне питает иллюзию, противоборствующую заключённому во мне Царству. Хотя мои естественные поступки и добры, они только естественны и каждый из них старается приковать моё внимание к тому, кто не я и кем

и не могу быть, к ложному «я» во мне, персонажу, которого Бог не знает. Дело в том, что я рождён в себялюбии, эгоцентричен от рождения. Это и есть первоначальный грех.

Даже когда я пытаюсь угодить Богу, я невольно угождаю Его врагу, своему тщеславию. Изъян таится и в пылкой любви к совершенству, и в стремлении к добродетели, святости. Даже желание созерцать Бога может оказаться нечистым, если мы забудем, что истинное созерцание несовместимо с эгоизмом, что для него необходимо стать тем, кого Христос назвал «нищими духом» и «чистыми сердцем».

Конечно, Бог живёт и в тех, кто Его не сознаёт. Но разве осмелюсь я утверждать, что обрёл Его и себя в Нём, если я никогда о Нём не ведал и не помышлял, никогда не стремился познать Его и найти, никогда не желал, чтобы Он вошёл в мою душу? Что проку, прочтя несколько готовых молитв, тут же отвернуться от Бога и устремить свою волю и разум к тварному, к целям, которые безмерно от Него далеки? Пусть даже душа моя оправдана; если мой разум Ему не принадлежит, то и сам я Ему не принадлежу. Если любовь моя не обращена к Нему всецело, а рассеяна по Его творению, значит, я сам низвёл бытие Божие во мне до чистой формальности, отказался от Его животворного влияния.

Господи, оправдай меня и зажги огнём мою волю. Озари мой разум, хотя бы это и значило, что чувствую моим Ты предстанешь мраком; наполни сердце Твоей беспредельной Жизнью! Да не узрят очи мои в этом мире ничего, кроме Твоей славы; руки мои да не коснутся ничего, что не служит Тебе. Да не вкусит язык мой хлеба, если он не укрепит меня для восхваления Твоей великой милости! Я буду внимать гласу Твоему,

а в пении псалмов — сотворённым Тобою созвучиям. От овчего руна и льна полевого достанет мне тепла, дабы мог я жить, служа Тебе. Прочее же — отдам нищим. Даруй мне обратить всё сущее к единой цели: обрести радость, воздавая Тебе хвалу.

Более всего храни меня от греха. Храни меня от греха смертного, преисподней для души моей. Храни меня от вожделения, слепоты и отравы сердца моего. Храни меня от похотей — углей, опаляющих плоть человека. Храни меня от сребролюбия, ибо в нём — ненависть; от жадности и честолюбия, ибо они душат меня. Храни меня от суетного честолюбия и тщетного труда, которым писатель или художник губят себя ради гордыни, денег и славы, а монах падает под лавиной своего неукротимого рвения. Уврачуй во мне смрадную рану алчности и желаний, через которую истекает кровь жизни. Раздави змия зависти, отравляющего любовь и убивающего всякую радость.

Развяжи мои руки и очисти моё сердце от праздности. Освободи меня от лени, рядящейся в одежды трудолюбия, когда трудиться не надо, и от трусости, велящей мне из страха утраты делать то, чего я делать не должен.

Одари меня силой ожидать Тебя в покое и безмолвии. Даруй мне смирение, в котором я нахожу покой; избавь меня от гордыни, тягчайшего бремени. Обними моё сердце и мою душу простотой любви. Заполни мою жизнь одной мыслью о любви и одним желанием любить не ради заслуг и совершенства, не для добродетелей и святости, а ради Тебя.

Ничто, кроме Тебя одного, не утолит любовь и не станет ей наградою.

Итак, вот что такое по-настоящему «искать Бога»: отречься от иллюзий и услад, мирских забот и жела-

ний, неугодных Богу трудов и тщеславия; очистить ум от заблуждений и быть свободным для исполнения воли Божией; хранить безмолвие в сердце и внимать голосу Бога; блюсти разум от образов тварного мира, чтобы втайне коснуться Бога своей любовью; любить всех людей, как самого себя; отринув раздоры и соперничество, пребывать в смирении и покое; отворотиться от споров и сбросить с себя тяжкий груз оценки, цензора, осуждения; не держаться за собственные мнения; иметь волю, всегда готовую уйти в сокровенную глубину и оттуда вовлечь все мои душевные силы в безмолвное ожидание пришествия Господня, в тихую и непринуждённую сосредоточенность на моей зависимости от Него; собрать всего себя, всё, что я получил, претерпел, сделал, и, чтобы исполнить Божию волю, смиренно препоручить всё это Богу в совершенной любви, слепой вере, чистом доверии Ему.

А потом ждать в покое и пустоте, предав забвению всё сущее.

*Bonum est praestolari cum silentio salutare Dei.*¹

¹ «Хорошо ждать в безмолвии спасения Божиего» (лат.).

7. ЕДИНЕНИЕ И РАЗЪЕДИНЁННОСТЬ

Чтобы я стал собой, должен прекратить своё существование тот, кем я всегда хотел быть. Чтобы найти себя, я должен выйти из себя. Чтобы жить, я должен умереть.

Всё дело в том, что я родился в себялюбии, и мои естественные попытки стать настоящим только уведят меня с пути, поскольку в основе их — неправда.

Те, кто ничего не знает о Боге и чья жизнь вращается исключительно вокруг них одних, думают, что найдут себя, утверждая в борьбе со всем миром свои желания, амбиции, аппетиты. Они пытаются стать реальными, навязывая себя другим, урывая свой кусок и всячески подчеркивая, что другие — менее важны или не важны совсем.

Только такой способ они и могут себе представить: отгородись от всех, выдели себя. Им неизвестно, что наша реальность — не в разъединённости, а в единении, потому что мы «члены друг другу».

Человек, отделённый от других, — не личность, а «индивид».

У меня есть то, чего у вас нет. Я — не такой, как вы. Я ухватил то, что вам не досталось; добился того, что вы упустили. Вот и страдайте, мне-то хорошо. Вас ругают, меня — хвалят, вы умираете — я живу, вы ничтожны, а я велик, и чем вы ничтожней, тем я важнее. Измеряя, насколько мы выше прочих, мы иногда можем забыть, насколько кто-то выше нас, как нас обо-

гнали, как кого-то хвалят и даже как будет кто-то жить, когда мы умрём...

Но человек, отделённый от других, и так уже умер. Он не находит себя, потому что заблудился, утратил реальность. Тот, кем он себя считает, — лишь дурной сон. Когда умрёт его тело, он узнает, что жизнь его давно кончилась, поскольку Бог, бесконечно реальный и объемлющий Своим взором всё истинно сущее, скажет ему: «Я не знаю тебя».

СЕЙЧАС я думаю о болезни, называемой «духовная гордость». Я думаю об особой нереальности, проникающей в сердца и съедающей святость, пока та не созрела. Этот червь есть у всех верующих. Сделав то, что Бог считает хорошим, они хотят всю заслугу приписать себе. Они разрушают свои добродетели, считая их своими и наделяя своё мнимое «я» достоинствами, которыми обладает один только Бог. Кому не хочется, пусть и втайне, быть лучше всех? Кто может творить добро, не ощущая, что он — не какой-то грешник этого падшего мира?

Особенно опасна такая болезнь, когда ей удаётся сойти за смирение. Если гордый считает себя смиренным, дело его плохо.

Вот кто-то много потрудился, претерпел мучения и, милостью Божией, обрёл силу и жертвенность. Теперь ему всё даётся легко, и совесть его спокойна. Но прежде чем он найдёт настоящий мир, появится довольство, а там и восхищение собой.

Радостно делая трудные дела, он слышит шёпот: «Ты свят». Да и другие считают его не похожим на остальных. Одни его хвалят, другие — избегают; что ж, это — дань грешников! Приятное чувство разгорается, а жар снедающего пламени очень похож на жар любви

к Богу. Раздувают его те же добродетели, которые питали пламя добрых дел. Человек сгорает от восторга перед самим собой, думая при этом: «Вот он, огонь Божией любви!»

Свою гордость он принимает за действие Святого Духа.

Жар или хотя бы тепло становятся знаком, поверкой его жизни. Услаждаясь делами, за которые он себя хвалит, он много молится или уходит в затвор, пишет книги, строит храмы, устраивает всякие сообщества. Когда же он что-то сделал, удовлетворение кажется ему помазанием Духа.

Тайный голос услады поет в его сердце: «*Non sum sicut caeteri homines*»¹.

Стоит пойти этим путём, и довольство собой под видом служения Богу может довести до любого зла. Человек так себе нравится, что больше не выносит советов, тем более — повелений. Когда кто-то противится его воле, он смиренно складывает ручки, но в сердце своем говорит: «Меня гонят невежды. Куда им понять того, кто ведом Духом! Святых всегда мучают».

Ну а если он мученик, он еще раз в десять упрямей.

Просто ужасно, когда такой человек мнит себя пророком, посланником Божиим, или тем, кому суждено изменить мир... Он может разрушить веру и сделать ненавистным для людей имя Божие.

СЛОВОМ, мы должны искать себя не только в Боге, но и в ближнем.

Я никогда себя не найду, отделившись от других, словно я — какой-то особенный.

¹ «Я не таков, как прочие люди» (лат.; Лк. 18:11).

8. УЕДИНЕНИЕ — НЕ ОТЪЕДИНЁННОСТЬ

Некоторые затворники, наверное, думают, что, убежав от всех, они станут святыми. Но добровольное одиночество оправдано лишь тогда, когда помогает любить не только Бога, но и ближних. Если вы уйдёте в пустыню, чтобы избавиться от неприятных вам людей, вы не найдёте ни мира, ни уединения, а скорее всего, останетесь один на один с легионом бесов.

Человек сотворён по образу Единого Бога, поэтому ему свойственно стремиться к целостности и одиночеству. Человеку нужно бывать одному. Однако целостность и одиночество — это не метафизическая отъединённость от всего и всех. Того, кто изолирует сам себя, желая насладиться мнимой независимостью себялюбивого внешнего «я», ожидает не целостность, а распад. Его разрывают страсти; окончательно запутавшись, он теряет всякую связь с реальностью. Уединение не может быть диалогом самолюбленного «я» с самим собой. Самосозерцание — это тщетная попытка утвердить конечное «я» в вечности, сделать его независимым от всех прочих существ. Какое безумие! Но заметьте, страдающих им отшельников не так уж много. Гораздо больше тех, кто, не помышляя об одиночестве, утверждает своё превосходство и властвует над другими. Последнее — более распространённый грех.

Нужда в истинном уединении — вещь сложная и опасная, но это настоящая нужда. Особенно сильно она ошутима сегодня, когда коллективное начало стремится

ся поглотить человека, растворить его в бесформенной и безликой толпе. Соблазн наших дней — это стремление уравнивать «любовь» и «конформизм», раболепство перед массовым сознанием или организацией. И напрасно бунтуют против этого чудачи, любой ценой пытающиеся быть непохожими на других. Они лишь порождают новую скуку — скучное сумасбродство вместо скучной рутины.

Истинное одиночество — жилище личности, ложное — прибежище индивидуальности. Личность соткана из любви, из заложенной в человека заботы обо всём, что сотворил и возлюбил Бог. Сейчас об этом мало кто помнит, но чтобы сохранить в себе жалость, нужно хоть какое-то одиночество. Нужда ближнего не трогает тех, кто стал винтиком общественного механизма. Как легко скрыться от ближних, растворившись в толпе!

Идите в пустыню для того, чтобы найти людей в Боге, а не для того, чтобы убежать от них.

Физическое одиночество таит свои опасности, но не будем их преувеличивать. Великий соблазн современного человека — не уединение, а масса таких же как он; не уход в горы или пустыню (дай Бог, чтобы люди соблазнились только этим!), а бегство в толпу, это огромное и бесформенное море безответственности. В самом деле, нет опаснее одиночества, чем одиночество человека, затерявшегося в толпе и не знающего, что он один. Такой человек бесполезен для других; он никогда не решится на истинное уединение, не возьмёт на себя это иго. Массовое общество лишило его чувства долга, но не дало свободы. Оно породило в нём гнетущую безотчётную тревогу и безмянный страх, подчинило вожделению и вражде, которые наполняют толпу, как вода море.

Жить среди людей — ещё не значит жить в общении. Кто может быть бессловесней человека из толпы? Отшельнику же, напротив, есть что сказать. Он немногословен, но сказанное им всегда ново, важно, неповторимо. Он говорит своё, поэтому, будучи всегда краток, делится с людьми чем-то личным. Он реален сам и всегда даёт нечто реальное.

Когда люди живут скученно, без настоящего общения, им кажется, что их связывает что-то большое и настоящее. В действительности же их ничего не связывает, кроме бессмысленных лозунгов и затверженных штампов. Они так отупели, что слушают, но не слышат, откликаются на призывы, не думая. Пустые, звонкие речи, нескончаемый рёв машин и громкоговорителей делают невозможным настоящее общение. Люди в толпе отделены друг от друга толстой корой нечувствия. Они не способны сопереживать, слушать, думать. Они не действуют — ими помыкают. Они не говорят, а производят звуки, реагируя на соответствующий раздражитель. Они не думают, а выделяют штампы.

Сама по себе одинокая жизнь не разъединяет людей, а совместная — не сближает. Сообщество может сделать человека личностью, а может и развратить. Всё зависит от того, куда он попал, — в настоящую общину или в толпу. Чтобы сохранить человеческий облик, нам необходимо общение, диалог. Но если нас связывают только шум и развлечения, мы безнадежно теряем друг друга, незаметно отпадая от реальности и от самих себя. Грех не в том, что мы уверены, будто мы не такие как все, а в том, что думаем, будто, став как все, мы оправдаем любой грех. И как ни скверно надменное превозношение, ещё сквернее самодовольство тех, кто совершенно не ценит себя и лишён даже поверхностного «я». Такой человек — не личность и даже не

индивид. Он — просто атом, как бы его ни восхваляли за смирение, самопожертвование, послушание или преданность идее. Атомизированное существование даёт какое-то подобие мира, хотя на самом деле оно только уводит от неотступной боли. Оно действует, как наркоз. В нём нет покоя любви, самораскрытия, служения, а есть только бегство в безответственность.

ИСТИННОЕ одиночество всегда внутреннее. Однако не заняв правильного места среди людей, мы никогда его не найдём. Мы не узнаем настоящего мира, пока хотим выделиться талантом, хорошими манерами, праведностью или чем-то ещё, — пока мы так или иначе считаем себя выше других. Уединение — не отъединённость.

Таланты и добродетели Бог даёт нам не только для нас самих. Мы — члены друг друга, поэтому то, что дано одному, дано и для всего тела. Ноги ведь моют не для того, чтобы они выглядели красивее лица.

Святость не отделяет человека от ближних и не ставит его выше других. Напротив, она приближает его к людям, в каком-то смысле ставит его ниже всех. Святость даётся человеку, чтобы он помогал другим, служил им, — как врач или сестра милосердия, которые лучше больных тем, что здоровы и умеют лечить, и которые служат им, отдавая своё здоровье и умение.

Святость — не в даре восхищать людей, а в *даре восхищаться ими*; в зрячей жалости, находящей доброе даже в страшных преступниках. Она избавляет от бремена судить других и учит выявлять в людях добро — состраданием, любовью, прощением. Святой не считает себя лучше грешников, ибо понимает, что он — один из них, а милость Божия нужна всем!

В СМирЕНИИ — величайшая свобода. Мир уходит из нашего сердца, когда мы защищаем своё воображаемое «я», считая его чем-то важным. Сравнивая эту тень с тенями других людей, мы теряем радость. Иначе и быть не может: ведь мы пускаем в оборот нереальное, а в том, что само не существует, нет и радости.

Принимая себя всерьёз и воображая, будто наша праведность какая-то особенная (просто потому, что она — наша), мы попадаем в темницу тщеславия. Наши лучшие поступки ослепляют нас и вводят в заблуждение, а чтобы как-то защититься, мы начинаем подмечать чужие грехи и ошибки. Чем весомее мы сами и наши дела в наших собственных глазах, тем старательнее мы утверждаемся, осуждая других. Как невыносимы и несчастны праведники, мнящие, будто их счастье — быть праведнее других!

Когда смирение освободит нас от привязанности к своим трудам, своей репутации, мы поймём, что совершенная радость доступна лишь тем, кто окончательно забыл о себе. Только не обращая внимание на собственные дела, репутацию, превосходство, мы станем наконец свободны и будем служить Богу чисто, ради Него Одного.

Тот, кто не обнажён и не нищ в собственной душе, подсознательно действует во славу свою, а не во славу Божию. Он хочет быть добродетельным не потому, что любит волю Божию, а потому, что любит умиляться собственной праведностью. Но в течение дня он будет допускать промах за промахом и в конце концов разозлится и потеряет терпение. Нетерпеливость его и выдаст.

Вот, он задумал поразить всех и не представляет себя без нимба над головой. Когда же будни напомнят

ему, что он мал и зауряден, ему станет стыдно, однако гордость не даст ему принять истину, которая не удивила бы здравого человека.

Бывает, что и профессиональные ревнители благочестия тратят время впустую, соревнуясь друг с другом; они не находят ничего, кроме печали.

Иисус не раз упрекал апостолов, споривших между собой и выгадывавших себе первые места в Его Царстве. Двое из них, Иаков и Иоанн, хотели всех обойти и воссесть по правую и по левую Его руку. В житиях не редкость, когда святые не согласны друг с другом. Пётр, скажем, не всегда соглашался с Павлом. Святые порой были людьми трудными, невыносимыми в быту. Тот, кто в это не верит, видимо, думает, что святой никогда не имел изъянов и ничего в себе не исправлял. Но даже те, кто достиг настоящих вершин, бывают — по попущению Божию — в чём-то ущербны, несовершенны, невежественны или странны, а их святость бывает сокрыта от окружающих и от них самих. Если бы всё всегда было явным, святые не прошли бы школы гонений, упрёков, унижения и не стали бы совершенны.

Будьте довольны, что вы ещё в начале пути, хотя и поняли, что святость — единственное, ради чего стоит жить. Позвольте Богу вести себя по неведомым тропам. Странствуйте во мраке, где невозможно сравнить себя с кем-то ещё. В конце концов вы поймёте, что святость — во всём, а Бог — повсюду вокруг вас. Оставив всякое желание соперничать с другими, вы проснётесь и узнаете, что радость о Господе везде, что вы способны ликовать, видя праведность и доброту других. Бог засияет для вас в душах окружающих вас людей, и вы не сможете больше их осуждать. Даже в великих грешниках вы увидите добро и ценные качества, которых ник-

то не видит. Что же до вас самих, если вы ещё будете думать о себе, то вы не дерзнёте сравнивать себя с кем бы то ни было. Вам будет страшно об этом подумать, но страдать и сетовать вы не будете. Вы примете свою незначительность как должное, потеряете всякий интерес к своему внешнему «я».

Бог есть любовь¹, и если я сотворён по образу Божию, то любовь — причина моего бытия.

Любовь — моя внутренняя суть. Самоотвержение — моё истинное «я». Любовь — моя истинная натура, моё имя.

То, что я делаю, думаю или говорю не из любви к Богу, не даёт мне мира, покоя, радости, полноты.

Чтобы найти любовь, я должен войти во святилище, где она скрыта, — в тайну Божию; я должен быть свят, как Бог свят, совершен, как Он совершен.

Смею ли я так думать? Не безумие ли это? Безумие, если вообразить, будто знаешь, что такое святость и совершенство Божии и как им подражать. Значит, прежде всего надо уразуметь, что святость Бога бесконечно таинственна, непостижима и превосходит самые высокие понятия о ней, самые точные человеческие определения.

Бог во Христе «истошил» Себя, поэтому и «святости» становятся, только сделавшись чем-то, чего никто не понимает, чем-то таинственным, сокровенным, противоречивым. Бог стал человеком и жил среди грешников. Его предали смерти как богохульника, как посягнувшего на Бога и Его святость. Разве не в этом случае обвинили Христа? И Бог был распят, потому что не дотронул до человеческих представлений о святос-

¹ Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4:16).

ти... Бог оказался не вполне, неправильно свят, не так свят, как того ждали. Христос не был Богом для Своих гонителей. Поистине, Он был покинут даже Самим Собой. Отец как бы отрёкся от Сына, Божественная власть и милость как бы обессилели.

Умирая на кресте, Христос возвестил о непонятой людьми святости Бога. Он окончательно отверг, уничтожил человеческие представления о совершенстве. Божия премудрость стала безумием для людей; Его сила была принята за немощь, святость — за порок. Но в Евангелии сказано: «Высокое у людей — мерзость пред Богом» (Лк. 16:15). «Мои мысли — не ваши мысли», — говорит Господь (Ис. 55:8).

Итак, если хотите найти путь к святости, откажитесь от своего пути и от своей мудрости. Истощите себя, как истощил Себя Бог. Отрекитесь от себя, превратитесь в «ничто» и начните жить не в себе, а в Нём. Живите силой и светом, которых будто бы нет. Живите пустотой, которая по-настоящему пуста, но в любой момент может вас поддержать.

Своими силами, своим стремлением, соперничая с другими, мы ничего не добьёмся. Оставим же все известные и понятные нам пути.

В нас самих нет любви, и если Любовь не соединит нас с Собой, мы никогда ею не станем. Посылая в нас Свою Любовь, Самого Себя, Бог действует и любит в нас и во всём, что мы делаем. Он преображает нас и дарит нам самих себя. Затерявшись в Нём, мы находим своё истинное «я».

Это и будет святость.

9. МЫ — ОДИН ЧЕЛОВЕК

Вот одна из антиномий духовной жизни: человек не может сойти в глубинное средоточие своего «я» и оттуда подняться к Богу, если полностью не отречётся от себя; если не истощит и не отдаст себя другим в чистоте бескорыстной любви.

Едва ли не самая пагубная для созерцания иллюзия — воображать, будто найти Бога можно, заперевшись в собственной душе, усилием воли собрав своё внимание в одну точку, отогнав от себя внешнюю реальность, отрезав себя от мира и от людей, спрятавшись в собственный разум, как черепаха в панцирь.

К счастью, большинство из тех, кто идёт этим путём, так никуда и не приходит, потому что самовнушение прямо противоположно созерцанию. Мы обладаем Богом лишь тогда, когда Он заполняет наши внутренние силы Своим светом, согревает нас Своим неотмирным огнём. Невозможно «обладать» Им, пока Он не завладеет нами. Тот же, кто дурманит себя, отмахиваясь от всего живого, станет толстокожим, а не духовным. Надеясь раздуть огонь, он бросает в него лед вместо хвороста.

Чем ближе я к Богу, тем ближе я ко всем тем, кто стремится к Нему. Его любовь живёт во всех нас. Его Дух — наша Единая Жизнь, общая наша Жизнь и Жизнь Бога. Мы любим друг друга и Бога той же Любовью, какой Он любит нас и Самого Себя. Эта любовь — Сам Бог.

Христос молился, чтобы люди были едины, как Он и Отец едины в Святом Духе¹. Когда вы и я станем теми, кем нам предназначено быть, мы увидим, что не только любим друг друга совершенной любовью, но и живём во Христе, а Он — в нас; что все мы — Единый Христос. Наконец, мы увидим, что это Он любит в нас.

Совершенное созерцание — это не небо для индивидов, каждый из которых по-своему ощущает присутствие Бога, а океан Любви, омывающий Единое Тело всех избранных, всех ангелов и святых, чей опыт был бы неполон, не делись они этим опытом с душами и духами, не достигшими ещё их ведения и радости.

Моя радость на небесах и моё созерцание будут полнее, если вы разделите их со мной. И чем больше нас будет, тем полнее будет наша общая радость. Созерцание так или иначе ущербно, если принадлежит только нам одним. Мы не вкусим сполна славы Божией, пока этот безграничный дар не изольётся через нас и не затопит всё небо; пока мы не увидим Бога во всех небожителях и не поймём, что Он — наша общая Жизнь и мы едины в Нём.

То же, хотя и прикровенно, совершается на земле. Мы сознаём наше единство лишь во мраке веры, но видим, что, соединяясь с Богом, мы соединяемся и друг со другом; что безмолвие созерцания — это глубокое, богатое и нескончаемое общение не только с Богом, но и с людьми. Созерцатель не замкнут в себе, а свободен от своего внешнего, себялюбивого «я», потому что смирен и чист сердцем. В нём нет ни одного скольконибудь серьёзного препятствия для простой и смиренной любви к людям.

¹ «Соблюди их во имя Твоё, тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едины, как и Мы» (Ин. 17:11).

Когда мы наедине с Богом, мы одновременно и друг с другом; мы одни в духовном мраке, хотя и ощущаем присутствие многих. И когда мы — по воле и милости Божией — выходим друг ко другу в работе, делах, общении, нас много в Боге, но каждый из нас одинок.

Когда мы наедине с собой, мы вместе. Когда мы в сообществе (истинном сообществе, построенном на любви, а не в городе или толпе), мы наедине с Богом, потому что и в моей, и в вашей душе я нахожу Христа, нашу Жизнь. Он находит Себя в нашей взаимной любви, а все мы вместе обретаем Рай, разделяя Его любовь к Отцу в Ипостаси Духа.

Моё истинное «я» осуществится в Мистическом Христе, когда Он и Его Дух смогут через меня так любить вас, всех людей, Бога Отца, как это возможно только через меня.

Любовь исходит от Бога и собирает нас к Нему, чтобы через всех нас снова излиться в Бога потоком Его бесконечной милости.

Мы — двери и окна, через которые Бог освещает Свой собственный дом.

Когда во мне есть Любовь Божия, через меня Бог может любить вас, а вы — Его. Если бы я отвернулся от Любви Божией к вам, вашей любви к Богу и Его любви к Самому Себе в вас и во мне, я не дал бы ей проявиться во мне так, как она никогда не проявится в ком-то другом.

Любовь Божия переходит от меня к вам. И если Бог не живёт во мне, для вас закрыт ещё один её источник. Но и от вас ко мне переходит Любовь, которую я не получил бы никак иначе. Когда мы оба открыты Богу, мы воздаём Ему великую славу. Его Любовь открывается так, как никогда до нас не открывалась, — в двух новых радостях, которых не было бы без Бога.

Вы, я, все мы, давайте жить в этой радости и в этой любви, в любви ко Христу и созерцании. Только так мы обретём себя и друг друга такими, каковы мы на самом деле. В этой любви мы наконец-то станем настоящими. В ней мы истинно приобщимся жизни Бога, Единого в Трёх Лицах.

Бог, существующий в общении Трёх Лиц, бесконечно далёк от всякого себялюбия. Он не замкнут в Своей природе, а существует как Отец, Сын и Дух Святой. Его нет вне единства Трёх Лиц. Бог — не Три Лица и ещё природа, не четыре сущности! Он — Три Лица и Единый Бог, бесконечное одиночество (одна природа) и совершенное общение (Три Лица), одна бесконечная Любовь в общении Трёх.

Бог Троица — это общение, в котором Его бесконечное бытие, Его Любовь, всегда неизменны и новы, совершенны и всеохватны, постоянно зарождаются и никогда не угасают, абсолютны, вечны, полны.

Бесконечная Любовь Божия всегда рождается в Отце, полна в Сыне и совершенна в Святом Духе. Она постоянно обновляется и никогда не успокаивается в своём вечном источнике. Следуя за ней от Лица к Лицу, мы никогда не увидим, чтобы она застыла, никогда не загоним её в угол, не свяжем и не остановим на одном из Лиц, словно Оно присвоило Себе весь плод любви. Единая Любовь Трёх Лиц — это неизъяснимый дар, который никогда не иссякнет. Его нельзя просто взять, а можно только принять чистым сердцем, чтобы потом бескорыстно поделиться им с другими.

Божественная Жизнь и Блаженство потому и бесконечны, совершенны, неистощимы, что Любовь Божия никогда не заканчивается на одном самодостаточном «я», способном поглотить её и оборвать её течение. В Боге не может быть никакой самости, ибо Три «Я»

Бога — это три непрестанные самоотдачи, призывающие радостью о Даре Единой Жизни.

Общение Трёх Лиц — это совершенное созерцание. Назначение же человека и его радость — это участие в Их Жизни. Придёт день, и мы будем жить целиком в Боге и друг в друге, как живут друг в друге Лица Божии.

10. Тело с сокрушёнными костями¹

Вы, я, каждый из нас, созданы для того, чтобы найти себя в Мистическом Христе, в котором все мы дополняем друг друга «в мужа совершенного, в меру возраста полноты Христовой»².

Когда все мы достигнем совершенства в любви, или иначе — созерцания Бога в Его славе, мы, навеки оставаясь разными, соединимся в Одно так, что каждый из нас будет находить себя во всех остальных и Бог будет нашей общей реальностью и жизнью. *Omnia in omnibus Deus*³.

Бог — это Огонь поядающий⁴. Только Он, переплавив нас как золото, может удалить с нас окалину себялюбивого «я» и ввести в полноту совершенного единства, которое будет вечно отражать Его Троиединую Жизнь.

До тех пор пока мы не позволим любви Божией поглотить нас целиком и сплавить в одно в Боге, золото, что внутри нас, будет погребено под толщей камней и грязи, подо всем тем, что отделяет нас друг от друга.

¹ A Body of Broken Bones. Дословно — «тело с переломанными костями», но для перевода выбрано знакомое по тексту Писания слово «сокрушёнными»: «кость Его да не сокрушится» (Ин. 19:36).

² Еф. 4:13.

³ Бог всё во всё (лат.) «Когда же всё покорит Ему, тогда и Сам Сын покорится Покорившему всё Ему, да будет Бог всё во всё» (1 Кор. 15:28).

⁴ «Бог наш есть огонь поядающий» (Евр. 12:29). «Поднялся дым от гнева Его и из уст Его огонь поядающий» (Пс. 18:8).

До тех пор пока любовь Божия не очистит нас и не преобразит в Бога⁵ единением чистой святости, мы будем обречены на разделение и распри, а всякое единство будет шатким, обременительным, недолговечным. Каждый раз оно будет стоить больших трудов и принести много горя.

ХРИСТА разделяют на части повсюду, на протяжении всей человеческой истории, иногда даже люди верующие, даже святые.

Физическое тело Христа было распято Пилатом и фарисеями; мистическое — из века в век пытается и четвертует человеческая злоба. Это мучительное разделение мы сами совершаем и порожаем в своих себялюбивых и падких на грех душах.

По всему лицу земли множатся распри, вызванные людской похотью и стремлением к наживе. Обиды отрывают людей друг от друга и в конце концов разжигают страшные войны. Убийства, резня, революции, ненависть, казни, телесные и душевные пытки, сожжённые города, миллионы умирающих от голода, истреблённые народы, наконец эта безумная атомная война: Христа истязают и рвут на части; в людях убивают Бога.

Мировая история с её ужасами и разрушением лишь отражает те разрывы, которые тиранят души людей, — даже святых.

⁵ To transform into God. Это несколько необычное для русского читателя выражение Мертон использует довольно часто. Оно заимствовано у св. Иоанна Креста. «Как дерево не преобразится в огонь, если ему не хватит хотя бы одного градуса тепла, так душа не преобразится в Бога, если в ней есть хотя бы одно несовершенство, даже меньшее, чем добровольное влечение, ибо, скажем далее, в Ночи веры душа имеет только одну волю. И если эта воля обременена и занята чем-либо, душа не останется свободной, одинокой и чистой, какой она должна быть для *Божественного преображения*» (Святой Хуан де ла Крус. Восхождение на гору Кармель. М., 2004. Кн. 1, гл. 11, § 6. Пер. с исп. Л. Винаровой).

Даже люди невинные, те, кто являет Христа своим милосердием и всем сердцем стремится любить ближнего, обособлены и отделены друг от друга. Хотя они уже едины во Христе, их единство скрыто от них самих и касается только самых тайников души.

Разум этих людей, их мудрость, желания, характеры, способности, предпочтения, идеалы ещё томятся в заточении у самости, не просветлённой чистой любовью.

Пока мы живём на этой земле, любовь, соединяя нас, причиняет страдание, — она собирает тело с сокрушёнными костями. Даже святые с трудом уживаются друг с другом.

Но на боль разделения люди отвечают двояко: одни — любовью, а другие — ненавистью.

Ненависть не хочет ни жертв, ни скорби. Она отказывается платить за вправку костей и терпеть боль воссоединения.

Ненависть, рождённая беспомощностью и одиночеством, мучает каждого из слабых, потерянных, одиноких членов человеческого рода. Она — знак и выражение одиночества, никчёмности, ущербности. А поскольку все мы одиноки и никчёмны, все мы ненавидим сами себя. Одни, понимая это, пытаются себя наказать, но против этой болезни наказание бессильно. Пока мы чувствуем себя оторванными от других, беспомощными, ущербными, одинокими, мы ничего не можем с нею поделать. Другие, не понимая, что творится у них внутри, начинают ненавидеть всех вокруг. Это особый род ненависти — гордой, уверенной в себе, напористой, жестокой, самодовольной, всегда направленной вовне, на чужую никчёмность. Она упивается своей силой и своими успехами, но не сознаёт, что пожирает того, кто ненавидит, а не его жертву. Ненавидящий неуклонно разрушает сам себя.

Даже торжествуя физически, он торжествует на развалинах духа.

Тот, кто услаждается ненавистью, упрямо отказывается верить, что он одинок и никчёмен. Его питает и оправдывает бог войны, идол, мстительный и разрушительный дух. Человеческий род однажды уже избавлен был от этих кровожадных демонов — великим трудом и тяжкой мукой. Сам Бог умер за людей, предав Себя на крест, претерпев страшные мучения из жалости к собственному творению. Победив смерть, Бог открыл людям глаза на силу Своей любви, которая не спрашивает о достоинстве; любви, побеждающей ненависть и отменяющей смерть. Но люди снова отвергли откровение Божией милости и вернулись к бесам, жадным до человеческой плоти и крови. Гораздо легче угодить идолам, которые питаются поклонением фанатичной толпы. Чтобы служить богам ненависти, надо дать ослепить себя коллективной страсти. Чтобы служить Богу Любви, надо быть свободным; надо взять на себя страшное иго и любить *вопреки недостойнству* — своему или своего ближнего.

Корень всякой ненависти — гложущее, мучительное ощущение недостойнства. Тот, кто ненавидит сильно и со спокойной совестью, самодоволен и слеп. Он не видит собственных изъянов, зато ловко подмечает их в ближнем. Тот же, кто сознаёт, что равно недостойны и он сам, и его ближние, искушается ненавистью более тонкой и мучительной: ему отвратительны все и всё, потому что всё недостойно, нечисто, грешно. Такая вялая ненависть — не что иное, как вялая любовь. Будучи не в силах любить, человек понимает, что никуда не годится, но в то же время видит, что и *все остальные* — не лучше. Он, наверное, потому и не любит, что считает себя недостойным любви.

А чего лишены мы сами, того хотим лишить и всех остальных.

Начало борьбы с ненавистью, главный христианский ответ на неё — не заповедь о любви, а та, что предшествует ей, делая её понятной и исполнимой. Я имею в виду *заповедь о вере*. Христианская любовь вырастает не из желания любить, а из *веры в то, что нас любят*, что мы *любимы Богом*, хотя и недостойны, а точнее — независимо от того, достойны мы или нет.

В истинном христианском понимании Божией любви представление о достоинстве теряет всякий смысл. Откровение Божией милости делает смехотворной саму проблему, неся настоящее освобождение человеческому духу. Никто и никогда сам по себе не достоин любви, которой его любит Бог. Пока мы этого не поймём, пока не станем свободны по милости Божией — мы обречены ненавидеть.

Гуманизм тут бессилён. Полагая, что мы ни к кому не питаем ненависти, будучи милосердны и добры по природе, мы обманываем сами себя. Ненависть просто тлеет в нас под золой самодовольного оптимизма. Мы, наверное, потому и мирны со всеми, что считаем себя достойными. А вернее — не в силах спросить самих себя, достойны мы или нет. Если милость Божия освободит нас, сам вопрос потеряет смысл.

Ненавидящий пытается устранить разделение, уничтожая всех, кто с ним не заодно. Он ищет мира, не принимая в расчёт никого, кроме себя.

Любовь залечивает любые раны, принимая боль воссоединения.

Если хотите знать, что понимают под «волей Божией», вот верный признак. Воля Божия во всём, что способствует единению в любви. Если угодно, назовите это

основным принципом естественного права. «Поступай с другими так, как хочешь, чтобы они поступали с тобой, и не делай другим того, чего не хочешь себе». Иными словами — признавай в каждом человеке ту же природу, те же нужды, права, то же назначение, какие имеешь сам. Или совсем уж просто — обращай с другими, как с людьми; не веди себя так, словно ты человек, а все остальные — звери или бездушные предметы.

Воля Божия и есть естественное право, требующее от меня, чтобы я обращался с другими, как с людьми. Неважно, нравится мне эта формула или нет. Очевидно одно: упрямо отвергая этот основополагающий принцип, я сам не смогу жить по-человечески.

Но я не могу обращаться с другими, как с людьми, если я им не сострадаю, если не понимаю, что их боль схожа с моей. Воля Божия в том и состоит, чтобы я научился жалеть ближних, делить с ними их радости, боль, мысли, нужды, стремления. И неважно, принадлежат ли они к тому же классу, цеху, той же расе, стране, что и я, или они — выходцы из враждебного лагеря. Учась жалости, я повинуюсь Богу, поступая иначе — нарушаю Его волю. Третьего не дано.

Поскольку такова воля Божия для каждого из нас и поскольку созерцание — это дар, посылаемый только тем, кто ей повинуется, — не научившись жалости, мы так и останемся ни с чем.

Ведь христианство — это не учение и не система, а Христос, живущий в нас и соединяющий нас друг с другом Своей Жизнью. «Я в них, и Ты во Мне; да будут совершенны воедино... Славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино»¹. *In hoc cognoscent omnes quia mei estis discipuli, si dilectionem habueritis ad*

¹ Ин. 17:22-23.

invicem. «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою»¹.

«Не любящий брата пребывает в смерти»².

Если для вас созерцание — всего лишь лекарство от горестей, бегство от муки, страдания, с которыми сопряжено воссоединение с ближним в Христовом милосердии, вы ещё ничего не поняли и никогда не найдёте Бога в своём созерцании. Только восстанавливая во Христе своё единство с братьями, мы находим и познаём Бога. Только так Его жизнь начинает проникать в наши души, Его любовь овладевает нами и мы узнаём, каков наш Бог, ощущая на себе Его милость, освобождающую нас из темницы нашего эго.

Есть только одно истинное бегство из мира: это бегство от разобщённости и отчуждения, а не от конфликтов, муки, страданий. Это переход к единству и миру в любви к людям.

Христос не хотел молиться о «мире» и говорил, что Его ученики — в нём, но не принадлежат ему. Что это за «мир»? Это мятежный град живущих для себя и потому отделённых друг от друга нескончаемой враждой, вечной спутницей ада. Это град воюющих за обладание тленными вещами, за блага и наслаждения, которых никогда не хватит на всех.

Если вы захотите убежать из мира, просто покинув этот град и спрятавшись в уединении, вы возьмёте его с собой. Если же вы позволите Богу освободить себя от эгоизма и начнёте жить только по любви, то сможете быть совершенно «не от мира сего», даже оставаясь в самой гуще событий.

¹ Ин. 13:35.

² 1 Ин. 3:14.

Бегство из мира — не что иное как бегство от самоугождения. Запершись наедине со своим эгоизмом, человек становится добычей зла, которое сведёт его с ума или сделает одержимым.

Вот почему так опасно уходить от людей просто из желания побыть одному.

II. УЧИТЕСЬ ОДИНОЧЕСТВУ

Физическое одиночество, внешнее молчание, сосредоточенность нравственно необходимы всякому, кто стремится к созерцательной жизни. Но, как и всё на свете, это лишь средства, и если мы не поймём цели, мы неверно их употребим.

Мы уходим в пустыню не для того, чтобы бежать от людей, а для того, чтобы поистине найти их; мы бросаем их не для того, чтобы от них отделаться, а для того, чтобы получить им помощь. Но и это — лишь вторичная цель.

Главная же цель, включающая все прочие, — любовь к Богу.

Разве можно говорить и действовать так, словно внешнее одиночество ничего не значит во внутренней жизни? Только тот, кто никогда не был по-настоящему одинок, беспечно заявляет, что это совсем не важно и что главное — одиночество в сердце. Одно должно приводить к другому.

Однако истинное одиночество — не внешнее, не отсутствие людей и звуков, а бездна, открывающаяся в сердцевине души.

Эту бездну не может заполнить ничто в этом мире.

Путь к внутреннему одиночеству только один — через голод, жажду, горести, нищету, молитву. Нашедший его чист, словно опустошён смертью.

Такому человеку больше некуда идти. Он прошёл за горизонт и оказался в стране, чей центр — везде, а периферия — нигде. Сюда попадают, стоя тихо, а не мечась в пространстве.

Именно в этом одиночестве начинается главное действие. Здесь мы открываем, что можно делать, не двигаясь; трудиться, не теряя покоя; видеть во тьме; сверх всякого ожидания обретать полноту, простирающуюся в вечность.

Одиночество это — везде, но чтобы найти его, нужны и пространство, и география, и удалённость от городов человеческих.

Должна быть комната или хоть угол, где никто не помешает нам и нас не заметит. Мы должны отделить себя от мира, освободиться, распустить все нити, которые связывают нас через зрение, слух, мысль с другими людьми.

«Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, который втайне...»¹

Как только вы нашли такое место, будьте им довольны и не смущайтесь, если здравый повод велит вам оттуда уйти. Любите его, возвращайтесь поскорее, не меняйте его всуе.

Городские церкви нередко тихи и покойны. Это пещеры молчания, где можно укрыться от несносной бойкости делового мира. Иногда в церкви больше одиночества, чем дома, где нас дёргают и отвлекают (обижаться тут не надо, часто это требования любви). В тихих церквях мы безымянны, никто не тронет нас, кроме незнакомцев в свете свечей да плохих икон. Безвкусица и убожество церковей даруют порой большее одиночество, хотя вообще-то церковь не должна быть безвкусной. Но раз там темно, велика ли разница?

Да, нам очень нужны тихие, тёмные церкви, в которых можно укрыться; места, где можно встать на ко-

¹ Мф. 6:6. себя свободным. На самом же деле он от...

лени; дома Божии, полные Его молчаливого присутствия. Даже если не знаешь, как молиться, там можно посидеть и подышать. Должно же быть место, где легко дышится, а мы всюду жадно хватаем воздух. Должно быть место, где беспечно думается; где забываешь суету, нисходишь в молчание и поклоняешься Отцу втайне.

Где нет тайны, там нет и созерцания.

Мы уже говорили о том, что необходимое созерцательно одиночество — прежде всего внутреннее, духовное. Можно жить в его глубоком покое среди мирской суеты. Однако этим нередко злоупотребляют. Многие ревностные христиане вечно заняты и, в сущности, не хотят остаться без людей. На словах они признают, что внешнее одиночество полезно, но считают, что гораздо лучше сохранять в заботах и суете одиночество внутреннее. В действительности же их поглощают дела и души привязанности; внутреннее одиночество им просто недоступно — они боятся его и всячески избегают. Мало того, они втягивают, кого могут, в свою бессмысленную суетню. Им нет равных, когда надо выдумать бесполезное дело. Они устраивают встречи, собрания, банкеты, конференции, лекции; печатают циркуляры, пишут письма, часами говорят по телефону, чтобы собрать сотню людей в прокуренном зале; потом они бурно спорят, кому-то аплодируют, наконец, хлопнув друга друга по спине, бодро расходятся, твёрдо зная, что они то послужили Царству Божию.

12. ЧИСТОЕ СЕРДЦЕ

Внутреннего одиночества не обретёшь, если осознанно не постараться избавиться от забот, желаний и привязанности к здешней, мирской и временной жизни.

Старайтесь, как можете, избежать людской суеты и деловитости. Держитесь подальше от мест, где собираются, чтобы обманывать и обижать друг друга, использовать, подкапывать, высмеивать с фальшиво дружеским видом. Скажите спасибо, если до вас не докричались их радио. Не слушайте их противных песен, не читайте рекламу.

Конечно, созерцание не требует самодовольной безразличности к привычкам и радостям обычных людей. Однако тот, кто ищет в уединении света и освобождения, тот, кто ищет духовной свободы, не может отдаться на волю делячества, потребительства и рекламы. Без каких-нибудь безвредных удовольствий человек не проживёт, но те удовольствия, которые теперь притворяются потребностями, — совсем другое дело. Бывают естественные радости; бывают и неестественные, навязанные пресыщенной душе беспардонным торговцем.

Поймём же и примем простейшую нравственную истину: нельзя жить здоровой и пристойной жизнью, не отказавшись хоть от каких-то естественных желаний. Тот, кто ест и пьёт, когда хочет, курит, сколько хочет, идёт на поводу любопытства или вожделения, может считать себя свободным. На самом же деле он отрёкся

от духовной свободы и стал рабом плотских похотей. Разумом и волей уже владеет не он, а его желания, и через них — те, кто их удовлетворяет. Он покупает этот сорт виски, а не другой, и думает, что у него есть свобода выбора. На самом же деле он следует неумолимому ритуалу — бережно берёт бутылку, несёт её домой, открывает, наливает себе и друзьям, смотрит телевизор, пьянеет, порет чушь, звереет, орёт, дерётся и валится спать, питая отвращение к себе и к миру. Всё это для него — своего рода религиозное действие, без которого, по его мнению, он не живёт полноценной жизнью, не «осуществляет себя». Грешит ли он? Скорее — дурит, полагая, что он весел, жив, реален, тогда как похоти расплющили его наподобие тени.

Словом, без самообуздания нет и созерцательной жизни. Приучайтесь жить без прихотей, переходящих в привычку и держащих в плену стольких нынешних людей. Я не хочу сказать, что надо совершенно отказаться от вина или табака; суть в другом — им не надо подчиняться. Именно на этом уровне можно приучиться к простейшим запретам, без которых молитвенная жизнь — пустая иллюзия.

Не мне судить о телевидении, я никогда его не видел, но многие достойные люди согласны в том, что оно всё хуже, глупее, пошлее. Можно сказать, что оно стало суррогатом созерцания: отдавая себя во власть вульгарным образам, мы нисходим в до-природную бездельность, а не восходим к деятельному неделанию мудрости и любви. Те, кто серьёзно относится к внутренней жизни, должны пользоваться телевизором с исключительной осторожностью.

Пусть взор ваш будет чистым, разум — мирным, слух — спокойным. Дышите воздухом Божиим, трудясь под Его небесами.

Если же вам пришлось жить в городе, работать в городе, ездить в метро, есть какую-то гадость среди серых, мрачных людей, под звуки неприятного голоса, сообщающего сомнительные новости, примите всё это от Бога, зная, что Он сеет в вашей душе семена одиночества. Ужасаясь и мучаясь, вы потянетесь к целительной тишине, а пока — не теряйте жалости к тем, кто о ней не помнит. Вы хоть ждёте от неё радости и мира, они — не ждут ничего.

Если вы хотите бежать от суеты потому, что вам всё противно, ни мира, ни радости вы не обретёте. Если вы ищете одиночества, потому что оно вам нравится, вы не убежите от мирского себялюбия и не обретёте внутренней свободы, которая привела бы вас к одиночеству истинному.

Помните: такое одиночество тесно связано с целомудрием. Чистота — не отказ от «жизни пола», а правильное к ней отношение. Все великие религиозные традиции ограничивают её браком, а внутри брака — нормой, нормальностью.

Умение ограничивать себя здесь особенно важно, потому что из всех естественных желаний это — самое нежное. Необузданно удовлетворяя его, мы становимся совершенно слепыми к внутреннему свету.

Тяга к другому полу — совсем не зло; это естественное благо, благословлённое Богом и вводящее в тайну Божией любви и милости к людям. Отношения полов сами по себе — не зло, но необузданная тяга к «любвым утехам» (особенно вне брака) — одна из самых частых и несчастных слабостей. Она так обычна, что почти все считают её обязательной, а воздержание и даже сдержанность — невозможными. Что ж, им остаётся её принять!

Вряд ли кто будет спорить, что болезненное чувство вины никак не поможет людям обуздать свою страстность. И всё же самоконтроль не только желателен, но и достижим, а вот достичь без него созерцания невозможно. Он потребует усилий, трезвости, терпения, смирения, доверия милости Божией; но сама борьба за целомудрие научит полагаться на высшую духовную силу, а это в свою очередь подготовит нас к внутренней молитве. Заметим, что целомудрие невозможно, если не ограничить себя во многом другом. Придётся соблюдать пост, жить умеренно и разумно, учиться скромности, кротости, отвергать любопытство, словом — учиться добродетели.

Целомудрие водворяет в нас духовное одиночество, мир, покой, ясность, кротость, радость, располагает к богомыслию и созерцанию.

13. НРАВСТВЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ ЛУКАВОГО

У лукавого есть целая богословская система, особая философия, которая докажет всякому, готовому слушать, что творение — это зло; что люди злы; что Бог сотворил зло и хочет, чтобы оно досаждало людям. Согласно лукавому, Бог радуется, когда человек страдает, да и вся вселенная стонает и мучается по произволению и замыслу Творца.

Воистину, гласит это учение, Бог Отец испытал наслаждение, предав на смерть Сына, а Бог Сын для того и пришёл на землю, чтобы Отец Его наказал. У обоих только и дел, что преследовать и наказывать верующих. Более того, Бог и мир-то творил, зная, что человек согрешит; быть может, мир для того и сотворён, чтобы человек грешил, а Бог вершил Своё правосудие?

У лукавого получается, что первым сотворён ад, а всё прочее, так или иначе — ради него. Приверженцы такого учения буквально одержимы злом. Считая, что мир недостаточно грешен, они множат запреты и правила, всё вокруг увивая тернием, лишь бы человек согрешил и был наказан. Пусть раны его кровоточат с раннего утра до поздней ночи, — но и кровь не искупит его грехов! Крест для них — уже не символ милости (их богословию не до милости), а торжество Правосудия. Словно Христос сказал: «Я пришёл не упразднить Закон, но чтобы он Меня упразднил». Со-

гласно лукавому, настоящее исполнение Закона — не любовь, а наказание. Закон должен поглотить всё, даже Бога. Вот поистине богословие кары, ненависти, мести! Приняв его, человек радуется наказанию. Он схитрил, наладив отношения с Законом и Законодателем, и надеется, что будет помилован. Зато другим он не спустит. Он только и думает, что о настоящем и грядущем возмездии: да торжествует Закон! да сгинет милость!

Таков главный признак адского богословия, ибо в аду есть всё, кроме милости. Именно поэтому в нём нет Бога. Где Он, там всегда милость.

Дьявольское богословие выбирают те, кому милость больше не нужна. То ли они уже совершенны, то ли просто договорились с Законом, — только Бог ими доволен (мрачна же их радость!) Угодили они и лукавому. Какая удача — успеть и там, и тут!

Тот, кто слушает лукавого, вникает в его учение и услаждается им, — тот загипнотизирован злом. Такой человек смакует грех, страдание, проклятие, кару, суд, возмездие, конец света и мнит себя очень духовным. Его успокаивает спрятанная в подсознании мысль, что в ад пойдёт кто угодно, только не он. Откуда он знает, что избежит суда? Этого он не скажет; просто сошлётся на приятное чувство, возникающее у него при мысли о гибели, уготованной, в сущности, всем, кроме него.

Своё самодовольство он зовёт «верой». Оно-то и рождает в нём странную убеждённость, что он спасён.

ЛУКАВЫЙ приобретает много учеников, бичуя грех. Он внушает людям, что грех — великое зло, и порождает в них комплекс вины, который будто бы «угоден

Богу», а потом оставляет их всю жизнь размышлять над вопиющей греховностью ближних и их неминуемой гибелью.

ЛУКАВЫЙ начинает своё богословие с положения: «Удовольствие — это грех» и постепенно подводит к тому, что всякий грех — удовольствие.

«Удовольствие практически неизбежно, — нашёптывает он потом, — а поскольку вам свойственно стремиться к нему, то все ваши природные склонности греховны, а человеческая природа зла сама по себе». Люди, согласно лукавому, грешат уже тем, что их всегда тянет к приятному.

Наконец, чтобы окончательно погубить человечество, лукавый прибавляет: «То, чего нельзя избежать, — вообще не грех». Теперь про грех можно забыть (к чему эти устаревшие понятия?) и жить ради вечных удовольствий. Люди так и поступают. Попирая нравственный закон, они превращают в зло добрые по природе удовольствия, впустую жертвуют собой ради греха и несчастья.

НЕКОТОРЫЕ проповедники потому так страстно клеймят зло, что только думают о грехе и возмездии. Сами того не сознавая, они ненавидят ближних. Им кажется, что мир их не ценит, и жаждут свести с ним счёты.

ЛУКАВЫЙ бесстрашно возвещает волю Божию, только бы ему не мешали делать это по-своему.

Рассуждает он примерно так: «Бог хочет, чтобы вы поступали правильно. Но вас же к чему-то влечёт? Это приятно; это согревает, подсказывает, как поступать. Если кто вздумает мешать, понуждая вас сделать не-

что, не дающее вам привычного покоя и утешения, процитируйте Писание, скажите, что надо больше слушаться Бога, чем людей. А потом творите свою волю — лишь бы не ушло внутреннее тепло».

ЛУКАВЫЙ, в сущности, придумал не богословие, а магию. Он твердит о «вере», но отрывает её от Бога, являющего Себя как милость. Вера для лукавого — это душевная «сила», подгоняющая реальность под человеческие прихоти. Это напористость, особая таинственная энергия, рождающаяся из «глубоких убеждений». Обрушив её колдовскую мощь на Бога, можно склонить Его волю к своей, превратить Его в средство для достижения собственных целей. За надлежащую мзду любой шарлатан сделает из вас шамана, а из Бога — слугу. Страшный в Своём праве Бог уступит вашим чарам и даст Себя приручить. Он оценит ваш напор и вознаградит вас за ваши потуги. Вы станете знамениты, потому что у вас — «вера». Вы разбогатеете, потому что у вас — «вера». Враги сложат оружие и сдадутся, потому что у вас — «вера». Дела ваши пойдут прекрасно; вы начнёте делать деньги буквально из ничего и всех кругом очаруете. Ещё бы, у вас — «вера»!

Но и тут есть своя скрытая диалектика.

Мы слышим, что вера может всё, и, закрыв глаза, стремимся вызвать в себе «душевную силу». «Мы верим. Мы верим.»

Но ничего не происходит.

Тогда мы снова закрываем глаза и снова вызываем душевную силу. Лукавый это любит и охотно нам помогает. Вот она просто хлещет из нас.

И снова ничего не происходит.

Так мы упорствуем, пока наше занятие не вызовет у нас отвращение. Мы устаём «порождать энергию»,

устаём от «веры», не способной изменить реальность. Мы видим, что тревога и противоречия терзают нас с прежней силой; что мы всё так же нерешительны и не знаем, как быть с лежащей на нас ответственностью. Магия «веры» теряет силу. Мы сомневаемся, доволен ли нами Бог и довольны ли мы сами собой. (Впрочем, некоторые так упорны в своей вере, что себя в обиду не дают.)

Теперь, питая ненависть к вере, а тем самым и к Богу, мы вполне годимся для тоталитарных движений, которые подберут нас и осчастливят войной, преследованием «низших рас» или классовых врагов; одним словом — рьяным притеснением всех, кто не похож на нас.

ЕЩЁ одна черта дьявольского богословия — тяга к преувеличениям. Оно ищет различия между вещами, добром и злом, правотой и ошибкой, а потом раздувает их до предела. Оно заставляет забыть, что все мы в той или иной мере виновны, что мы должны носить бремена друг друга¹, прощать, терпеливо, с любовью и пониманием принимать ближних, помогая им найти истину. Дьявольское богословие учит быть абсолютно правым и не даёт ни мира, ни единства, ибо каждый хочет быть безупречно прав или по крайней мере встать на сторону правого. Но чтобы доказать свою правоту, они должны покарать или устранить ошибающихся. Эти последние в свою очередь убеждены, что правы... и т. д.

Наконец, как и следовало ожидать, дьявольское богословие превозносит... самого лукавого. Очень скоро становится ясно, что он — сердце системы. Он пра-

¹ «Носите бремена друг друга и таким образом исполните закон Христов» (Гал. 6:2).

вит бал и помыкает всеми, кроме нас самих. Но ведь он и с нами не прочь свести счеты. У него всё для этого есть, поскольку, как оказалось, по силе он не уступает Богу, а то и превосходит Его...

Одним словом, богословие лукавого сводится к тому, что лукавый и есть бог.

14. ЧЕСТНОСТЬ

Многие поэты — не поэты по той же самой причине, по какой многие верующие — не святые: им не удалось стать *собой*. Они пренебрегли Божиим замыслом и не поняли, куда их ведут жизненные обстоятельства.

Эти люди тщетно тратят годы, чтобы стать другим поэтом, другим монахом. По разным глупым причинам они решили подражать тем, кто давно умер и жил в совершенно иных условиях.

Они истощают душу и тело, напрасно пытаясь прожить чужую жизнь, написать чужие стихи или обрести чужую духовность.

За стремлением подражать кому попало иногда кроется могучий эгоизм. Люди торопливо копируют тех, кто уже прославился, надеясь возвеличить самих себя. Они просто лениятся придумать что-нибудь получше.

Спешка губит святых не меньше чем поэтов. Они хотят быстрых успехов и так торопятся, что не успевают побыть самими собой. Мало того, совсем утратив разум, они считают, что в самой суете есть что-то честное.

ПОСМОТРИТЕ на великих святых. Смирение и честность сочетаются в них, точнее — это одно и то же. Святой отличается от других именно смирением.

Когда речь идет о внешней стороне жизни, смиренному человеку достаточно того, что есть у всех. Но это не значит, что смирение в том, чтобы *быть как все*. Напротив, смиренный — точно такой, какой он перед

Богом, а поскольку все люди разные, он не похож ни на кого. В здешней, будничной жизни он не утверждает свое своеобразие, не настаивает на своих мнениях, пристрастиях или вкусах — «мне нравится это», «я думаю так», «я делаю так-то». Свообразие его таится в глубинах души.

Истинно смиренный человек не спорит из-за манер, обычаев и привычек. Святым всё равно, что люди едят, что пьют, во что одеваются, что вешают на стену в своих домах. Они не приспособляются к окружающей среде, но и не бунтуют, потому что и то и другое наполняет душу смятением и шумом. Смиренный не обращает внимания на второстепенное и берёт из мира только то, что приближает к Богу.

Он хорошо понимает, что полезное для него бывает бесполезно для другого, а ведущее к святости одних — губительно для него самого. Смирение вырабатывает в человеке духовную чуткость, тихий нрав, такт, рассудительность, — словом, то, без чего не бывает здоровой праведности.

Подставлять вместо себя кого-то другого — ничуть не смиренно. Тогда получится, что Бог знает хуже нас, кто мы и какими нам быть. Придешь ли домой, если ты пошел в чужой город? Достигнешь ли совершенства, живя чужой жизнью? Святость нельзя украсть. Совершайте своё спасение во мраке, где вы совершенно одни...

Словом, чтобы быть самим собой, тем человеком или художником, которого задумал Бог, нужно небольшое смирение.

Тут и надо понять, что ваша честность — лишь гордыня. Это очень трудно: ведь вы не можете знать, верны вы себе или просто ограждаете мнимую личность, созданную вашим тщеславием.

Лучше всего учиться смирению так: быть собой, но не упорствовать, не противопоставлять свое мнимое мнимым «я» других людей.

СОВЕРШЕНСТВО — не костюм, его не купишь: зашел в магазин, примерил один, другой, третий и через пять минут вышел нарядным. Почему же тогда некоторые идут с такой мыслью в монастырь?

Люди рады первому, что им предложат, и ходят в нужном костюме всю жизнь.

Они читают благочестивые книги, не давая себе труда разобраться, подходят ли те к их жизни. Они стремятся приобрести как можно больше внешних признаков, украшая себя тем, что связано для них со святостью, хотя скроено не по их мерке и не для их жизни.

Если они потрудились как следует, их духовный костюм вызывает большие восторги. Словно удачливые актеры, они обретают коммерческий успех. Тогда их дело плохо. Нет, они — не злодеи: они — не на своем месте, и потому их силы уходят впустую. Они довольны своей придуманной святостью, совершенством, которое соткало их собственное воображение.

Иногда ложная святость — всего лишь плод лести. Стремясь оправдать свои предрассудки и нравственную ущербность, люди наряжают кого-нибудь в «совершенство» и думают, что у них «всё в порядке», Бог ими очень доволен, а значит — менять ничего не надо. Тот, кто считает иначе, неправ. Имея «образец святости», легко исключить всех, кто «не свят», а попросту — отбил от коллектива.

Точно так же обстоят дела в искусстве. «Лучший» поэт — тот, кто угодил современным ему предрассудкам. Мы строго следим за своими стандартами и тех,

кто осмелился занять иной слог, просто не будем слушать. Мы не смеем читать их: ведь если об этом узнают, нам несдобровать, нас извергнут.

Легко прослыть святым или гением, приспособившись к нужной группе людей, имея умное и наглое подобострашие, особую смесь честолюбия, упрямства и изворотливости, тонкий слух, позволяющий различать малейшие колебания моды. Тебя будут хулить, но ты будешь потирать руки, потому что хулят чужаки. Быть может, тобой не будут восхищаться твои друзья, но ведь они знают, к чему ты клонишь, и соблюдают правила игры. Они тебя раскусили. И вот — ты канонизирован, став воплощением их самодовольства.

Люди обычно не знают, что им делать с настоящим святым. В самом деле, то ли он спятил, то ли возгордился: ведь это гордыня — быть понятным одному только Богу. Да и привычные нормы «совершенства» как будто не для него. Он просто не дотягивает до того, о чём пишут в книгах.

Иногда его дело так плохо, что его не может вытерпеть ни один монастырь. Его изгоняют в мир, как Бенедикта Иосифа Лабра, который хотел быть траппистом или картузианцем, а стал бродягой и умер на улице в Риме.

Однако единственный человек, который со времён Возрождения жил именно как цистерцианец или картузианец, — это святой Бенедикт Иосиф, чтимый теперь всей Церковью.

15. СЕНТЕНЦИИ

НАДЕЯСЬ, мы рискуем сорваться. Что ж, значит, примем этот риск.

ЕСТЬ люди, которые, боясь ошибки, ничего не делают. Не подражайте им.

Слова о «добродетели» больше не действуют. Люди не хотят быть хорошими. Но если вы скажете, что для Фомы Аквинского добродетель — это «привычка практического разума», они, может быть, призадумаются. Как же, приятно стать умным! Что-то такое получаешь...

НАШ разум — как ворона. Подбирает то, что блестят, а в гнёздах повернуться негде от мусора.

БЕСАМ очень нравится душа, которая выходит из дома и дрожит под дождём только потому, что в доме — сухо.

Я ПЛОХО знаю, что творится в мире, но иногда случайно увидишь что-нибудь, прочтёшь и подумаешь, что люди живут в переполненных пепельницах. Спасибо им, я не слышу, что они поют.

ЕСЛИ писатель по осторожности пишет только то, что не разругают, он никогда не напишет того, что можно читать. Хотите кому-то помочь — пишите о том, что некоторым не понравится.

Без сомнения нет и веры. Нельзя верить в Бога, пока не спросишь, авторитетно ли то или иное поверье, даже по виду религиозное. Вера — не слепое согласие с поверием, «пред-рассудком», а решение, которое мы ясно и осознанно принимаем в свете недоказуемой истины. Если же мы что-то *перенимаем*, это еще не вера.

«ВЕРА», кормящая своеволие и самодовольство, часто свидетельствует о сомнениях. Истинная вера не заботится о духовном комфорте. Мы можем обрести мир, но ему предшествует борьба. Попытка её избежать — искушение для истинной веры.

ПАМЯТЬ испорчена и разъедена множеством воспоминаний. Чтобы она была верной и чистой, многое надо забыть. И потом, память — не память, если она связана только с прошлым и не воспринимает настоящее, не ощущает саму себя. Тот, кто помнит происшествия и факты, но не живёт «здесь и сейчас», страдает амнезией.

Мы уверены, что былые беды повторятся, — и они повторяются. Мы не рискуем начать такую жизнь, где они просто забыты. Нам кажется, что в новой жизни и беды будут новые, поэтому лучше остаться при тех, знакомых. Вот мы и вцепляемся в «наше» зло, обновляем его что ни день, пока не сольёмся с ним настолько, что поменять ничего не можем.

Попадались вам люди, которые пишут вывески: «Христос спасает!» или «Приготовьтесь к встрече с Богом!»? Мне — не попадались, но я часто пытаюсь их представить и думаю, что же у них в душе. Странно,

да? Они пишут о Боге, а я думаю *о них*. А может, «их Христос» мешает думать о Христе настоящем? Они *навязывают* нам своего Христа, на самом деле — себя, свою проекцию. То они грозят судом, то обещают милость. Может, им просто хочется любви и признания? Во всяком случае, их Христос совершенно не похож на моего. Что же мне — отбросить его, отшатнуться? А не утрачу ли я чего-то? Если я вынесу их Христа, я смогу принять и полюбить *их*. Если их Христос встанет между нами, то и *они* встанут между мною и Христом.

САМОЕ старое — это самое новое. Нет ничего более древнего, чем весть. «Последние известия» — мертворожденные. Ново то, что было всегда. Не «повторялось снова и снова», а именно *было*, рождалось в бытие. Оно не повторяется, а идёт вглубь, к началам начал. Собственно это и есть начало, разговаривающее с нами.

Для людей «старомодных» прошлое и будущее — в настоящем. Для людей «современных» настоящее — или в будущем, или в прошлом. Настоящего у них нет, просто всё время повторяется что-то неясное. Однако неясность эту пронзают острые, реальные звуки, минута, час, число. Люди то и дело возглашают, что происходит или вот-вот произойдет нечто важное. Естественно, хочется при этом «присутствовать». Но в смутной суете неясных мгновений настоящего нет, события бессмысленны и непонятны тем, кто вроде бы в них участвует. Вместо осмысленных действий мы осыпаем друг друга словесами, толкованиями, догадками. Мы говорим друг другу, который час, словно без этого время остановится. Что ж, не исключено!..

ТРУДНЕЕ и нужнее всего отказаться от досады. Это почти невозможно, ведь без досады нынешняя жизнь просто исчезнет. Досада помогает нам вытерпеть нелепость современного города. Это — последняя остановка какой-никакой свободы в полной бестолочи. Бестолочь неизбежна, но мы хоть можем её не принять, сказав «НЕТ». Мы можем жить, молча противясь ей.

ВЫЖИТЬ досада поможет, а вот быть живым — помещает. Ведь свобода здесь — мнимая. Мы не выражаем своей внутренней сути, а тупо протестуем, как низший организм. Если зайти далеко, мы сойдём с ума; тоже, можно сказать, «просветление». А скорее — побег.

ХОРОШО, если мы, уйдя из одной партии, не переметнёмся в другую, — отвергнув досаду, не окажемся в стане рьяных организаторов, которые хотят, чтобы все с радостной готовностью принимали их вздор и нравственную анархию. У большинства из нас на это нет сил. Монастырь, кстати, тоже не выход. Досады и там хватает.

Если хотите расправиться с досадой, расправьтесь сначала со своим мнимым «я». Ему будто бы угрожает царящая вокруг бестолочь, но жить без неё оно уже не может. Всё дело в том, что человек рабски зависит от системы, организации, сообщества, презираемых им и вместе ненавистных ему людей. Он привык к своей «роли» и вынужден принимать то, что ненавидит. Он играет роль раба и непрестанно льстит тирану, которому исподволь подчинён.

В КОНЦЕ концов всё дело в раболепии. Часто оно ничем не вызвано: мы просто считаем себя рабами. Нас

никто не тиранит, но мы не можем существовать без тирана. Тогда досада поможет нам выжить, но так и не исцелит. Мы же всё киваем на обстоятельства и воображаем, что стали бы свободны, если бы могли. Какое бы нам было, если бы мы узнали, что на самом деле мы уже свободны?

В НАШИХ несчастьях никто не виноват — мы сами не знаем, чего хотим. Сознайся мы в этом, всё было бы иначе. Но мы притворяемся, что таинственный некто не пускает нас на свободу. Кто же он? Это — мы сами.

ПОКА вы надеетесь жить автономно, сами по себе, без Бога и без правил, вы неизбежно служите или какому-нибудь человеку, или безличному сообществу. Как ни странно, только приняв Бога, вы освободитесь от людской власти; служа Ему, вы уже не позволите использовать ваш дух для мирских целей. Бог не *пригласил* детей Израиля на прогулку, Он *велел* им выйти из Египта.

ПОЭТ погружается в себя, чтобы творить. Созерцатель погружается в Бога, чтобы Тот сотворил его.

ХРИСТИАНСКИЙ поэт станет апостолом, если прежде будет поэтом. Если он решит сперва стать апостолом, поэта из него не выйдет. Даря себя людям как поэта, он принимает соответствующий суд. Если стихи у него плохи, то миссия его не удастся.

Если вы пишете ради Бога, вы принесёте радость многим людям.

Если вы пишете для людей, вы что-то заработаете, кого-то развлечёте и ненадолго войдёте в моду.

Если вы пишете только для себя, что ж, сами и читайте. Через десять минут вам надоест до смерти.

16. Корень войны — СТРАХ

Люди развязывают войны, потому что боятся, — не столько друг друга, сколько *всего вообще*. Они не доверяют ни ближним, ни самим себе. Никто ни в чём не уверен — то ли ближний вдруг сорвётся и захочет тебя убить, то ли сам ты, потеряв голову, наложишь на себя руки. Люди не могут довериться никому и ничему, потому что перестали доверять Богу.

НЕНАВИСТЬ к другим — опасна. Но ещё опасней — безотчетная, глубоко спрятанная ненависть к самому себе. Именно она вынуждает нас искать в других то зло, которое мы не способны разглядеть в собственном сердце.

Видя, как оступаются другие, мы пытаемся навести порядок, уничтожив виновных или, по крайней мере, убрав их с глаз долой. Легко бывает уравнивать грех и грешника, когда этот грешник — не мы сами. Себя-то мы бережем: если и подмечаем грех, то не спешим за него отвечать. Мы не привыкли соотносить свои проступки с собственным безволием и злым умыслом. Куда легче всё списать на невольный промах или внушение чуждого духа. Правда, окружающие нам не верят, и мы это прекрасно знаем. Они ведут счёт нашим делам и не дадут нам уйти от ответа.

Подсознательно стремясь облегчить бремя своей вины, я готов переложить его на кого угодно. Например — на «кого-то», неизвестно как во мне поселившегося. Сделав очередную гадость, я сваливаю всё на него, но и тут совесть моя неспокойна. Слишком мно-

гое ей непонятно, да и этот «некто» слишком ей дорог. Как же тут не поддаться искушению и не высмотреть таящееся во мне зло в ком-то другом? Чем грешней окружающие, тем праведней я сам.

В довершение всего мы непомерно раздуваем свою восприимчивость ко злу и принимаемся корить себя даже за то, что неплохо само по себе. Мы только и думаем о разлитом повсюду зле. Все свои душевные силы тратим на то, чтобы обезвредить его, покарать, изгнать, одним словом — избавиться от него любым доступным нам способом. Мы так распалеемся, что в конце концов выбираем насилие. Нам непременно нужно кого-то убить или что-то разрушить, да и воображение уже нарисовало врага, козла отпущения, на которого мы готовы свалить мировое зло. Он — источник порчи, разжигатель вражды. Уничтожим его — и все помирится; не будет больше ни зла, ни войн.

Такого рода фантазии особенно опасны тогда, когда за ними стоят искусные построения и псевдонаучные мифы, — наподобие тех, что принимают на веру марксисты. Впрочем, ничем не лучше туманные, путанные, часто не имеющие твёрдых основ и даже бессовестные измышления, которые на Западе выдаются за религию или философию.

СЕГОДНЯ, когда мир словно обезумел; когда никто не знает, что думать, а на самом деле — не берёт на себя ответственность подумать; когда человек, отрываясь от реальности, с головой уходит в собственные фантазии и не слышит здравых рассуждений о морали; когда все его силы уходят на то, чтобы какой-нибудь новой выдумкой оправдать свою моральную несостоятельность, — сегодня становится ясно, что никакие усилия и добрые устремления миротворцев не спасут мир

от новой бойни и всеобщего разрушения. Всё очевидней становится разрыв между благой целью и негодным результатом, между вялым стремлением к миру и рьяной подготовкой к войне. Международные встречи всё больше походят на посмешище, как бы тщательно и умело их ни готовили. Тем, кто пытается наладить диалог, больше не верят. Более того, их презирают и ненавидят. И именно этих «людей доброй воли», хоть что-то сделавших для примирения, скоро начнут ненаивно поносить и гнать. В конце концов их принесут в жертву обуявшей человека ненависти к самому себе, которую они, к несчастью, только распалили бесплодностью своих благих начинаний.

Мы, видимо, всё ещё находимся в плену суеверий и по привычке считаем, что всякий потерпевший неудачу был так или иначе нечестен и виноват, а неудача дана ему в наказание. Если человек не осуществил своих благих замыслов, мы склонны думать, что он допустил какой-то промах — согрешил или просто ошибся. Мужие ошибки выводят нас из себя. Того, кто их делает, мы или судим свысока, или свысока же прощаем. Мы не можем ни пожалеть его, ни принять смиренно и с пониманием. Оттого-то мы никак не поймём простой истины, которая помогла бы нам выйти из политического и нравственного тупика: *все* мы в той или иной степени никуда не годны, *все* виноваты, *все* ограничены, *все* ослеплены жадностью, самодовольством, гневом, притворством, *все* раздвоены и обманываем самих себя.

ОТВЕРГАЯ благое в намерениях ближних, будучи не в силах рассудительно и терпеливо обходиться с несовершенными плодами их действий, мы невольно выказываем собственную злонамеренность, нетерпи-

мость, слепоту, нравственное и политическое шарлатанство.

Мы были бы гораздо ближе к настоящему миру, если бы трезво осознали, что наши политические идеалы надуманы и иллюзорны; что мы защищаем их далеко не из чистых побуждений и потому не видим ничего хорошего или полезного в идеалах своих противников (которые, конечно же, могут оказаться иллюзорнее и бесцельнее наших). Мы не продвинемся ни на шаг, пока не признаем, что политика — это клубок добра и зла. И хотя зла в ней, видимо, больше, мы должны упрямо надеяться, что в ней есть и доброе.

Кто-то скажет: «Стоит нам согласиться, что все одинаково неправы, как наша политическая воля будет парализована. Действовать можно, только сознавая собственную правоту». Отвечу на это, что наша политика будет действенной лишь тогда, когда мы осознаем, что одна какая-то партия или страна просто не может избавить мир от всех его бед и что избавления нужно искать сообща.

Всё это я говорю не для того, чтобы мы развивали в себе комплекс вины. Если бы мы считали себя заведомо и во всём «неправыми», мы сняли бы с себя всякую ответственность. Зачем что-то решать, когда всё предельно просто? Поймём же, что каждый из нас и все мы вместе — не безупречные добряки и не отпетые злодеи, что добро и зло перемешаны в нас таинственным и необъяснимым образом. Не преувеличивая собственных заслуг, будем держаться за присущую нам малую толику добра. Будем защищать свои истинные права, ибо не признавая их за собой, мы не признаем их и за другими. Будем однако помнить, что мы вольно или невольно попрали права наших ближних. И неважно,

сами мы дошли до этого или ближние упрекнули нас, не пощадив нашего самолюбия.

Принципы, на которых стоит личная нравственность и которые вносят гармонию в семью или какое-то другое малое сообщество, годны и для целых стран, и для всего мира. Однако в нашем теперешнем положении, как, впрочем, и в любом другом, глупо ожидать, что мир примет эти принципы, вняв чьей-то нравственной проповеди. Невероятно, чтобы они повсеместно возобладали потому лишь, что какая-то часть политиков в одночасье внутренне переродилась. Бессмысленно и даже смешно строить политические планы в надежде на нравственное прозрение правителей — дело совершенно непредсказуемое и субъективное. Однако вне политики, в среде верующих, вполне позволительно надеяться на это таинственное превращение и даже молиться, чтобы оно совершилось. Мы можем и должны верить не столько в то, что от кого зависит мир на этой земле, «обратятся» по прямому наитию свыше, сколько в то, что, несмотря на свои упрямство и предрассудки, они всё-таки не совершат роковой ошибки.

Наивно и глупо ждать, что люди начнут доверять друг другу. Но почему бы им не научиться доверять Богу? Почему бы им не понять, что, как бы они ни были слабы и немощны, таинственная сила Божия способна необъяснимым образом защитить их от них самих; что Бог способен превратить зло в добро? (Правда, проповедники радости и духовного подъёма часто понимают это как-то по-своему.) Приняв и полюбив Бога, который бесконечно мудр и не оставляет нас даже тогда, когда мы отчаянно злоупотребляем своей свободой, мы смогли бы полюбить своих врагов. Мы смогли бы по-

любить грешников так же, как их любит Бог. Пытаясь любить тех, кому мы не доверяем, неся хоть малую часть их греховного бремени, ставя себя на их место, мы строим мир, покоящийся не на человеческой хитрости, а на непостижимой милости Божией.

Ибо только любовь — а значит, и смирение — способна изгнать страх, лежащий у истоков войны.

Что проку рассылать по почте открытки, увещая людей «молиться о мире», когда миллионы уходят на подводные лодки, бомбы и ракеты? В Новом Завете это зовётся «хулой на Бога», куда более страшной, чем хула безбожников. Мы словно в насмешку копим горы оружия, защищаясь от тех, кто искренне верит, что Бога нет, и уповает только на свою силу. Страшно сказать, но, доверяя Богу, мы готовы уничтожить своих врагов прежде, чем они уничтожат нас! Мы идём на это, даже рискуя погибнуть вместе с ними!

Я НЕ хочу сказать, что молитва исключает все прочие человеческие средства, помогающие достичь естественного блага и законной цели. Можно же молиться о телесном здравии, принимая при этом лекарства, предписанные врачом. Человек верующий так обычно и поступает. В разумном сочетании оба средства ведут к одной цели.

Представьте теперь, сколько денег, сил, страсти, труда уходит на оружие, которое вскоре устаревает и превращается в хлам. Сравнимо ли с этим наше жалкое «молитесь о мире» на дешёвой открытке? Сравнимо ли наше благочестие со смертоносным разрушением, которое мы поощряем без малейшего стыда и раскаяния? Нам, видимо, и в голову не приходит, что невозможно молиться Богу мира (который заповедал

нам любить друг друга, как Он возлюбил нас¹, и который сказал, что взявший меч от меча и погибнет²), одновременно обрекая на гибель уже не тысячи, а миллионы людей — солдат, мужчин, женщин, детей, всех без разбора, включая почти наверняка и нас самих!

Хорошо, когда больной, помолившись, принимает лекарства. Но как понять того, кто просит исцеления и глотает яд?

Молясь о мире, я прошу Бога умиротворить не одних только русских и китайцев, но и мой собственный народ, и меня самого. Я прошу защитить меня не только от красных, но и от безрассудства и слепоты моих соотечественников. Молясь о мире, я прошу угасить воинственный пыл врага и одновременно — воинственный пыл моей страны, которая делает всё, чтобы война стала неизбежной. Иными словами, я прошу, чтобы русские сложили оружие и оставили нас в покое, и одновременно — чтобы и мы, и русские пришли в себя и научились всё решать сообща, а не готовили всеобщее самоубийство.

Я прекрасно понимаю, что не иду в ногу с научным веком, кажусь наивным и старомодным. Но ведь владеющая умами псевдонаука не может предложить и этого! Надо, впрочем, отдать должное самим учёным-ядерщикам: нравственная сторона дела волнует их больше, чем кого бы то ни было, и они одни осмеливаются время от времени открыть рот и что-то пролепетать.

Но их не слышат!

¹ «Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас» (Ин. 15:12).

² «Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф. 26:52).

Если бы люди действительно хотели мира и искренне просили о нём Бога, Он дал бы просимое. Но почему Он должен давать то, чего никто по-настоящему не хочет? Люди стремятся к чему угодно, только не к миру.

Для одних мир — это свобода безнаказанно и беспрепятственно грабить, наживаясь за чужой счёт. Для других — свобода упиваться всеми доступными благами, не отвлекаясь на тех, кого алчность богачей довела до полного истощения. Для всех почти мир — это преграда для внешнего произвола и физического насилия, которые мешают удовлетворять животную тягу к комфорту и наслаждениям.

Люди просят у Бога воображаемого «мира» и недоумевают, почему их молитва остаётся без ответа. Они не понимают, что Бог уже ответил, дав им просимое, — ведь их мир — это разновидность войны. «Холодная война» родилась из ложных представлений о мире. В экономике, политике, этике люди знают только принцип «каждый за себя», и нелепо думать, будто мир, стоящий на иллюзиях и фантазии, окажется прочным.

Итак, любите не свой выдуманный мир, а прежде всего друг друга и Бога. Ненавидьте не тех, кого считаете разжигателями войны, а ненасытность и хаос в собственных душах, — войны рождаются только оттуда. Если вы любите мир, ненавидьте несправедливость, тиранию, алчность, — но только *в самих себе*, а не в ближних.

17. АД — ЭТО НЕНАВИСТЬ

Ад — это место, где у людей нет ничего общего, кроме взаимной ненависти и желания избавиться от других и от самих себя.

Всех их сжигает одна пламя, и все они с бессильной и лютой ненавистью расталкивают друг друга. Один хочет непременно освободиться от другого, но не столько потому, что ему всё в другом отвратительно, сколько потому, что — он знает — другому всё отвратительно в нём самом. Каждый подмечает в ближнем то, что больше всего ненавидит в самом себе: эгоизм, бессилие, тоску, ужас, отчаяние.

Дерево познаётся по плодам. Если вы хотите понять общественную и политическую историю, изучайте ад.

И всё-таки мир с его войнами — это ещё не ад. Какой бы страшной ни была история, она таит в себе и иной, более глубокий смысл. Не зло дорого нам в истории и не зло помогает нам понять наше собственное время. Горнило войн и ненависти сплავило в единое целое Град страждущих, но не предающих любви; град же ненавидящих всех и вся — разрушило, а его граждан рассеяло в разные стороны, как ветер рассеивает искры от костра.

НАШ БОГ — это огонь посягающий¹. Если мы любовью преобразимся в Него, загоримся Его пламенем, то это пламя будет для нас вечной радостью. Если же от-

¹ Евр. 12:29.

вергнем Его любовь, с холодным упорством будем грешить и противиться Богу и ближним, то оно будет нашим вечным врагом (по нашей, а не Его воле), а любовь вместо радости станет мукой и гибелью.

КОГДА мы любим волю Божию, мы находим Бога и Его радость во всём. Когда же идём Ему наперекор, иначе говоря, любим себя больше Него, всё становится нашим врагом. Творение невольно противится нашим беззаконным и эгоистичным притязаниям, ибо во всё, что Бог сотворил, Он вложил Своё безграничное бескорыстие. Мир может быть только бескорыстным другом и потому на человеческий эгоизм отвечает ненавистью, страхом, противлением, пока наконец не будет приручен и подавлен. Неспроста отцы-пустынники считали святым того, кто мирно и бесстрашно жил со львами и змеями.

В ГРЕХЕ, как и во зле как таковом, нет ничего привлекательного.

Зло — не положительная сущность, а отсутствие должного совершенства. Грех как таковой принципиально скучен: ему не хватает того, что могло бы привлечь нашу волю и разум.

К пороку влечёт не зло, а спрятанное в нём и ложно понятое благо. Но благо, предстающее в искажённом свете, — это ловушка. Коснись его, и ловушка хлопнется, — ты же останешься один на один с отвращением, скукой и ненавистью. Закоренелый грешник ненавидит буквально всё, потому что живёт среди предательств, иллюзий и обмана. Он скучен, потому что ему наскучило всё в этой жизни.

Если же он попытается заглушить свою тоску шумом, восторгами и насилием (таковы плоды жизни,

отданной тому, чего нет), то будет настоящей карой для мира и общества. Скучно ему больше не будет, а уж его жертвам — и подавно.

Когда великий грешник умрёт и уляжется поднятая им смута, его грехи станут историей, а несчастные школьники будут читать про них, не понимая, за что им придумано такое наказание. Ведь даже самые младшие из них сознают, как никчёмны рассказы о людях, наподобие Наполеона, Гитлера или Сталина.

18. ВЕРА

Начало созерцания — вера. Если у вас что-то не в порядке с ней, вы созерцателем не станете.

Прежде всего вера — не чувство, не эмоция, не слепая подсознательная тяга к чему-то туманному и сверхъестественному. Это не врождённая потребность человеческого духа и не ощущение, что Бог есть. Это не уверенность в том, что ты «спасён» или «оправдан» по той простой причине, что тебе так кажется. Это — не что-то целиком внутреннее, субъективное, совершенно не мотивированное извне. Это и не «душевная сила», не кипень души, наполняющее чувством, что всё у вас хорошо. Вера — не что-то личное и невыразимое, не миф, которым ни с кем не поделишься, чья объективная истинность не важна ни вам, ни ближним, ни Богу.

Кроме того вера — не мнение и не убеждённость, основанная на умных рассуждениях. Это не плод научных изысканий. Верить можно только в то, чего не знаешь. А если знаешь, то уже не веришь, хотя бы — веришь в другом смысле.

Прежде всего вера — это согласие разума. Она совершенствует разум, а не разрушает; наделяет его истиной, которой ему самому не постичь. Вера говорит нам о Боге, как Он есть, и приводит к Тому, Кто жив, а к не отвлечённому Первоначалу, выведенному путём умозаключений.

Основания веры не имеют той убедительной силы, какую вещь имеет для восприятия. Вера сводит воеди-

но то, что никак не связано в естественном опыте, и разум тут не помеха. Он не может ни доказать истины, ни опровергнуть, — ни на то, ни на другое у него нет достаточных оснований. Вера принимает богооткровенную истину не потому, что та очевидна сама по себе, а потому что доверяет Богу, который её открыл.

Вера не способна целиком угодить разуму. Она оставляет его в недоумении и не даёт ему привычного для него света, хотя и не отменяет его и не разрушает. Она дарит разуму мир и убеждённость, что, доверившись любви, он сможет наконец понять, о чём она говорит. В акте веры разум познаёт Бога *любовью*, а утверждения о Нём принимает на Его же условиях. Он поступает вполне логично, понимая, что ничего не может сказать о Боге, каков Он в действительности. Бог же есть бесконечная действительность, а потому — бесконечная Истина, Премудрость, Сила и Провидение. Он открывает Себя с абсолютной достоверностью и так, как захочет, хотя иногда даёт нам и внешние знамения.

Конечно, вера — это согласие разума. Но если в ней больше ничего нет, если она только подтверждает то, чего мы не видим¹, то она неполна. Вере мало согласия разума, потому что она — озарение, связь, общение волей, твёрдое убеждение в том, на что мы надеемся. Вера не просто принимает богооткровенное учение, не просто соглашается с истиной, минуя разум, — она соглашается с Самим Богом. Вера *принимает* Его, говорит «да» не утверждению *о Нём*, а Самому невидимому, бесконечному Богу. Вера принимает слово *о Нём* не столько ради его смысла, сколько ради Того, Кто его произнёс.

¹ «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11:1).

Слишком часто во главу угла ставят утверждения о Боге и забывают о том, что вера — это прежде всего общение с Ним в Его свете и истине. В самом деле, верование, подкреплённое Божественным авторитетом, — всего лишь средство для приобщения Божественной истине. Вера приводит не к утверждению, не к словесной формуле, а к Богу.

Стоит ли удивляться тому, что мы так и не доходим до созерцания, полагаясь на учение и букву, а не на Бога? С такой верой мы не познаем ничего, кроме мелочных споров, распрей, путаницы, а в конечном счёте — разделения и ненависти.

Конечно, богословие может и должно постигать разумный смысл откровения, придавать ему словесную форму. Но, скажем снова, не это — цель веры. Вера идёт дальше слов и формул и приносит нам свет Самого Бога.

Формулы важны не как цель, а как средство. С их помощью Бог сообщает нам Свою истину. Их нужно держать в чистоте, как держат в чистоте окна, когда хотят, чтобы те не мешали проходить свету. Правильные формулы не искажают Божественной истины, — поэтому будем держаться за них изо всех сил. Но будем помнить, что одержимость словесной точностью не даёт подняться выше слов, в ту невыразимую реальность, о которой они хотят нам поведать.

Словом, вера — не мрачная верность букве, хотя надо уметь постоять за своё исповедание. Вера — это прежде всего открытое внутреннее зрение, сердечное око, которое может наполнить только Божественный свет.

Наконец, вера — это единственный ключ к мирозданию. Без неё не постигнешь последнего смысла жизни и не ответишь на вопросы, от которых зависит всё твоё счастье.

19. ОТ ВЕРЫ К МУДРОСТИ

Бог живой (Сам Бог, а не философская категория) бесконечно выше всего видимого или постижимого умом. Какое бы совершенство вы Ему ни приписали, вы должны помнить, что оно — лишь жалкое подобие того, чем Он действительно обладает; что Сам Он совсем не такой, каким вы Его себе представляете.

Бог — это непреступный свет, столь яркий, что душа воспринимает Его как мрак. *Lux in tenebris lucet et tenebrae eam non comprehenderunt.* («Свет во тьме светит и тьма не объяла его¹».)

Если всё видимое — не Бог и не являет Его, как Он есть, то, чтобы найти Его, нужно выйти за пределы видимого и вступить во мрак. И если доступное слуху — не Бог, то нужно погрузиться в молчание.

Бог невообразим, поэтому воображение никогда не скажет о Нём правды. Чтобы познать Его, как Он есть, нужно подняться над всем вообразимым и вступить в неведомое, где нет ни образов, ни подобий чего-либо тварного.

У святых, правда, были видения. Но они являли скорее нечто о Боге, чем Его Самого. Увидеть нечто ограниченное — ещё не значит увидеть Бога.

БОГ постижим только для Себя Самого; мы же сможем постичь Его, если так или иначе преобразимся в

¹ Ин. 1:5.

Него¹ и познаем Его так, как Он знает Себя Сам. Мы должны сродниться с Ним, потому что Он знает Себя не опосредованно. Его бесконечное Бытие и есть Его Самопознание.

Вера — первый шаг к такому преображению. Она любовью, как бы наощупь, приближается к живому Богу, воспринимая Его помимо образов и представлений.

Вера просвещает душу светом, воспринятым прямо от Бога. Этот свет входит в нас, минуя разум, глазу или воображение, и потому не облачается ни во что тварное, видимое, выразимое. Правда, язык вероучительных формул всегда образный, но, дав волю воображению, мы непременно съёмся с пути. Разве можно представить себе в Боге «три Ипостаси и одну природу»? Тот, кто попытается это сделать, совершит большую ошибку.

Когда веришь и в простоте повинешься Богу, который через Свою Церковь преподаёт нам ту или иную истину, получаешь в дар внутренний свет, который так прост, что не поддаётся описанию, и так чист, что в применении к нему слово «опыт» звучит слишком грубо. Но это всё-таки свет, дающий разуму полноту, которой не даст никакое знание.

Вера так или иначе связана с принятием освящённой авторитетом истины, и важно об этом помнить. Однако покорность — это ещё не всё. Лишённая любви, непросвещённая, угрюмая готовность подчиняться ещё не делает нас «верующими». Ставя на волю, мы стираем грань между разумной верой и простым повиновением. Пользы от такого смещения мало, потому что без *света*, внутреннего озарения, благодати, кото-

¹ «By being in some way transformed into Him.»

рая помогает принять истину как бы *от Самого* Бога, в неё, если можно так сказать, Божественной достоверности, разум лишён мира и благодатной опоры. Без света люди не могут верить по-настоящему. Вместо того чтобы идти вглубь себя и делать зрячим собственное сердце, они учатся подавлять сомнения. Им ли говорить о том, что они получили дар истинной веры? Впрочем, не всё так просто. Бывает, что и глубокая вера, и полное любви послушание Богу и Его истине всё ещё не в ладах с разумом и воображением.

Можно сказать, что в каком-то смысле «сомнение» будет с нами всегда, — ведь даже без колебаний приняв истинное учение, мы видим, как немощен и нестойк наш дух перед страшной тайной Бога. Мы не столько сомневаемся в том или ином предмете, сколько ощущаем собственную беспомощность, что вполне совместимо с настоящей верой. Поистине, вместе с верой в нас растёт и ощущение собственной беспомощности. Уверовав до конца, мы «сомневаемся» (в переносном смысле этого слова) больше, чем когда-либо прежде. Только это не значит, что мы нетверды в богословии: это значит, что мы испытываем вполне естественное в нашем положении чувство незащищённости и терпим муку, которая приходит вместе с ним.

Самая непонятность веры — признак её совершенства. Она — мрак для разума, потому что действительна там, где тот совершенно бессилен. И чем совершенней вера, тем плотнее мрак. Чем ближе мы к Богу, тем дальше наша вера от полутьмы идей и образов тварного. Она дарит нам уверенность, но не избавляет от мучительных — и порой существенных — сомнений. Пустота, где наши природные силы ничего не стоят, кажется нам непригодной для обитания, но только оставаясь в её глубоком мраке, мы обладаем Богом так полно, как это

возможно в земной жизни. Только тогда наш разум по-настоящему свободен от тварного света, безнадежно тускнеющего в присутствии Бога. Только тогда нас самих наполняет Его беспредельный свет, который разум воспринимает как полнейший мрак.

В этом великом совершенстве веры Сам бесконечный Бог становится светом погружённой во мрак души и целиком обладает ею в Своей истине. В этот невыразимый миг глубокую ночь сменяет рассвет, а вера становится ведением.

Из всего сказанного мной ясно, что вера — не просто грань духовной жизни и не просто переход к чему-то ещё. Это принятие Бога, начало приобщения к Нему, сердцевина духовной жизни. И чем глубже вера, тем полнее приобщение к Богу. Укореняясь внутри нас, вера проникает собой все наши помыслы и поступки. Нет, она не делает нас формально набожными, заставляя думать только о небесном. Она, скорее, придаёт особое измерение простоты и глубины всему, что мы делаем и переживаем.

Вера включает в повседневную жизнь неведомое и неосознанное, соединяет познанное и непознанное, а вернее — помогает нам *осознать* их взаимопроникновение. В самом деле, жизнь — это тайна, понятная нам лишь в очень малой степени. И если мы *принимаем только понятное*, то обрекаем себя на жалкое существование, хотя и думаем, что всё обстоит прекрасно. (Нас воспитали в нелепом предубеждении, будто мы по-настоящему поняли и пережили лишь пропущенное через сознание и разум. Сказав, *что* это за вещь, мы воображаем, будто познали её. Дав себе отчёт в собственных поступках — полагаем, будто обрели опыт. В действительности же слова — а очень часто всё

ими и ограничивается — нередко отрывают нас от настоящего опыта и затемняют суть дела.)

Вера не *объясняет* неведомое и не вешает на него богословский ярлык, чтобы сдать на хранение в надёжное место, с глаз долой. Напротив, она живо, действительно и динамично включает неведомое в повседневную жизнь. Вера не отменяет тайны ради рациональной ясности, а рождает живое единство ведомого и неведомого, шаг за шагом выводя нас за пределы нашего внешнего «я».

Следовательно, вера не просто связывает нас с «Божественным авторитетом», не просто учит истинам «о Боге». Она открывает нам неведомое в нас самих, если только наше не раскрытое ещё «я» и в самом деле живёт в Боге, в прямом свете Его благодати и милости.

Таково, на мой взгляд, чрезвычайно важное свойство веры, о котором в наше время едва ли кто помнит. Вера — это не просто согласие с догмой, а *жизнь*. Она объёмлет все измерения нашего бытия, проникая и в неприступные тайники нашего духа, и в сокровенную сущность и любовь Самого Бога. Вера — единственный путь к истинным глубинам бытия, в том числе и нашего собственного. И пока человек не доверится Богу целиком, не покорится Ему, он будет чужим для себя, изгнанником, отлучённым от всего самого значительного в себе, от сокрытой в нём, но недоступной разуму простоты и глубины.

Вы спросите, имею ли я в виду бессознательное? Давайте разберёмся. Мы склонны воображать себя существами, в которых сознающий разум всегда «наверху», а бессознательное «внизу», но это иллюзия. Наш разум *со всех сторон окружен* бессознательным. Мрак простирается не только под ним, но и над ним, и повсюду вокруг него. Разум, сознание — отнюдь не выс-

шее и не господствующее начало в человеке. Ему, правда, подвластна какая-то область низшего, но и сам он подчинён бессознательному, которое лежит «вовне», — будь то внизу или наверху. Значит, важно различать, что в нашем бессознательном есть от животного, эмоционального, инстинктивного, а что — от сверхсознательного, духовного, осмелюсь сказать — «божественного».

Оказывается, вера включает в нашу жизнь всё бессознательное, хотя и не действует без разбора. Она принимает низшее (ни в коем случае не объясняя его рационально), даёт ему свободу до тех пор, пока оно не идёт наперекор воле Божией. Вера помогает нам примириться с нашим животным началом и управлять им в согласии с волей Божией и требованиями любви. Но она же подчиняет разум, а с ним и всего человека, сокровенным духовным силам, тому «неведомому», что всегда *выше* разума.

Тайна сверхсознательного — это и неприступная для разума вершина духа, и присутствие Бога. И если мы вправе сказать, следуя традиции, что Бог обитает в сокровенности человеческого сердца, то именно вера связывает человека с его собственной сокровенной глубиной и с «живущим» в ней Богом.

О трёхсоставности человека учили и греческие отцы. До-разумное бессознательное они называли *anima*, *psyche*, что означало — «животная» душа, «женское», пассивное начало, область инстинктов и чувств, где человек действует как психофизическое целое.

Потом следовал *animus*, или *nous*, — просвещённая, сознающая, активная часть человеческого естества. Собственно, это — разум как мужское начало, управляющее нашими действиями, подчиняющее их логике, идее, здравому смыслу. Разуму подобает господствовать над женским началом, над пассивной *anima*. *Anima* —

это Ева, *animus* — Адам. Но Ева искусила Адама, и тот попал под власть слепого побуждения. С тех пор человек больше руководствуется произвольными страстными движениями естества, условным рефлексом, чем идеей и нравственным принципом.

Однако *animus*, господствующий над *anima*, сочетание женского и мужского — это ещё не весь человек. В человеке есть и нечто более высокое — то, что стоит над разделением на активное и пассивное, разумное и инстинктивное. Это — высшее начало (*spiritus*, *pneuma*), которое собирает два низших в единое целое и выводит за их собственные пределы, соединяя с Богом. Дух — не просто часть человеческой природы, а сам человек, — целостный, оживотворённый, поднявшийся над самой собой и одухотворённый Богом.

В «духе», *pneuma*, человек достигает полноты своего призвания, и пока он не «один дух» с Богом, он ещё не вполне человек. Но «дух» — это и *anima*, и *animus*, и *spiritus*; не три разных сущности, а одно целое. Когда все эти начала совершенно едины (но сохраняют присутствующие каждому из них качества), тогда человек снова становится образом Пресвятой Троицы.

Значит, «духовная жизнь» — это единство тела (с его инстинктами и страстями), души (с её разумом и послушанием закону) и духа, смиренно принимающего от Бога свет и любовь. Это единство совершенного человека, который в Боге и с Богом, от Бога и для Бога; человека, в котором Бог, будучи «всё во всём»¹, беспретственно вершит Свою волю.

Нетрудно понять, что оргиастический, построенный на чувствах культ не духовен. Но не вполне ду-

¹ 1 Кор. 15:28.

ховна и одна лишь разумная, сознательная жизнь. Нелепо приравнять духовность «умственным способностям», как это часто делают в наше время. Нелепо заточать дух в мыслящем разуме, низводя его до простой «работы ума» — выражения мысли в слове, логических обоснований и прочего. Такая жизнь неполна и ущербна.

Настоящая духовная жизнь — это не дионисийская оргия и не аполлонийская ясность, а нечто превосходящее и то и другое. Это — жизнь в премудрости, в софийной любви. В *Sophia*, высшей мудрости, нераздельно соединены вся сила и величие непостижимого (которое в Боге) — и материальное богатство тварного мира, отеческое и материнское начала, несотворённый Отец и тварная Мать-Мудрость.

Именно вера вводит в нас в эту горную страну единства, силы, света и софийной любви, где нет больше рождённого человеческим разумом ограниченного и ущербного света, и где Истина, единственная и целостная, всё собирает в полноту Мудрости, *Sapientiae*, *Sophia*. Когда апостол Павел говорил о свободе и любви как избавлении от власти Закона¹, он имел в виду, что в Духе Христовом мы привиты Христу, «Божией силе и Божией премудрости»²; что Он Сам стал нашей жизнью, светом, любовью, мудростью. Настоящая духовная жизнь — это жизнь в премудрости, во Христе. Мрак веры приносит плоды во свете мудрости.

¹ «Итак, любовь есть исполнение закона» (Рим. 13:10).

² 1 Кор. 1:24.

20. ТРАДИЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

Говорят, что самое парадоксальное в Церкви то, что она по сути своей традиционна и революционна одновременно. Но эта парадоксальность не так велика, как кажется, потому что христианская традиция, в отличие от всех прочих, — это живая и непрерывная революция.

Человеческие традиции пытаются увековечить то, что увековечить невозможно, и потому склонны к застою и разложению. Они держатся за цели и ценности, беспощадно уничтожаемые временем, за условное и материальное — обычаи, моду, стиль, умонастроения, — словом, за всё изменчивое и преходящее.

Человеческий консерватизм есть и в Церкви, но христианская традиция сверхъестественна в своих истоках и несовместима с человеческой косностью.

Живая традиция в Церкви подобна дыханию в теле: она животворит и противится застою. Традиция — это непрерывная, тихая, мирная революция, победа над смертью.

Как физическое дыхание хранит единство души и изменчивого, тленного тела, так и христианская традиция хранит Церковь от всего наносного — материального, социального, человеческого.

У Церкви только одно живое учение, и поэтому она традиционна. Полнота христианской истины уже явлена, но до конца не осмыслена и не воплощена в жизнь. Церковь живёт истиной, которую Бог вдохнул в неё Святым Духом и которую никогда не сменит никакая иная высшая истина.

Жизнь, полную вдохновенного напряжения, можно заменить только на жизнь более вялую, своего рода смерть. Только возврат к традиции, к новизне и глубине той неоскудевающей жизни, которую Бог вдохнул в Церковь, остановит человечество, всё дальше отходящее от Него.

Но традиция — это всегда и революция, потому что по природе своей она инородна тем ценностям и нормам, которые рождены человеческими страстями. Любящим деньги, удовольствия, славу, власть традиция говорит: «Будьте нищими, помогите обездоленным, станьте последними среди людей, живите с презренными, любите ближних, служите им, а не заставляйте их служить себе. Не восставайте против тех, кто вами помыкает; молитесь за причиняющих вам боль. Не ищите удовольствий; отвернитесь от того, что услаждает разум и чувства; ищите Бога в голоде, жажде, мраке, в пустынях духа, где, как вам кажется, бродят одни безумцы. Возьмите на себя бремя Креста Христова, Его смирение, нищету, послушание, самоотречение, и найдёте покой вашим душам.»¹

Вот — самая радикальная революция, к которой когда-либо призывали. Мало того, это — истинная революция, потому что убивает в нас того, кого мы привыкли считать своим «я». Все же прочие — убивают кого-то другого.

Часто думают, что революция переворачивает устои. На самом деле она, как правило, ничего не меняет по сути. Отобрав власть у одних, она передаёт её другим. Когда же рассеивается дым, земля принимает убитых и всё возвращается на круги своя: люди-

¹ «Возьмите иго Моё на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдёте покой душам вашим» (Мф.11:29).

ми всё так же помыкает кучка властителей. На пепелище, оставшемся после бунта, обычно расцветают лицемерие, жадность, похоть, жестокость, тщеславие.

Революция, затеянная людьми, бесплодна. Плодоносна только сила, присущая христианской традиции, новое погружение в Жизнь, которая — свет для людей².

Тот, кто не испытал на себе революционной стороны христианской истины, кто видит только обнимающую тело Церкви мёртвую кору человеческого консерватизма, просто отмахнётся от моих слов.

Но каждый христианин, каждая церковная эпоха должны сделать своё открытие и вернуться к животворному истоку.

Для этого понадобится самоотречение и решимость идти к Богу под водительством других людей. Понадобится и жертва, но в конечном счёте дар Божий научит нас, как отличить сухой формализм, привнесённый в Церковь людьми, от потока Божественной Жизни — единственной истинной христианской традиции.

Тех, кто не понимает Церкви, страшит всякое упоминание о догматах. Эти люди не мыслят себе учения, которое приняло бы ясную, стройную и авторитетную форму, не лишившись при этом жизненной силы. Шарахаясь от мнимой опасности, они подвергаются реальной, попадая в сети смутных и размытых учений, где истины похожи на дрожащую тень. В тусклом свете своего разума они выбирают себе призраки по вкусу, тщательно следя, чтобы их фантазии не попали под яркие лучи солнца и не напугали их своей нереальностью.

² «В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков» (Ин.1:4).

Эти люди сочувственно чтят христианских мистиков и почему-то думают, что те достигли вершин созерцания вопреки церковной догме, спасаясь в Боге от вероучительного авторитета Церкви.

Но в том-то и дело, что святые глубоко и живо познали Бога не вопреки, а благодаря этому самому авторитету, благодаря традиции, которую этот авторитет поддерживает и хранит.

Согласие со Христом, учащим через Свою Церковь, — это начало веры и первый шаг к созерцанию. *Fides ex auditu u qui vos audit, me audit.* «Слушающий вас Меня слушает»¹; «Вера — от слышания»².

И совсем не сухая формула догмата проливает свет в разум христианского созерцателя, а согласие с его содержанием, живое, личное, невыразимое проникновение в выраженную догматом неотмирную истину, — ведение, которое приходит по дару Святого Духа и которое погружается в мудрость Любви, чтобы обладать Истиной в её бесконечной сути, — обладать Самим Богом.

Догматы веры — не просто символы, не малопонятные формулы, которые мы принимаем без рассуждения, когда хотим начать добропорядочную жизнь. Их нельзя заменить чем попало, какой-нибудь старой благочестивой теорией, бессильной раздуть искру добра в наших душах. Церковное учение всегда ясно, конкретно и осмысленно. В него должен с Божией помощью вникать всякий, кто стремится к полноте духовной жизни. Осмысление догмата — это краткий и простой путь к созерцанию.

Всякий, идущий этим путём, должен как богослов быть точным и проницательным. Да и все мы по мере сил должны вникать в свою веру, дышать

¹ Лк. 10:16.

² Рим. 10:17.

чистым воздухом христианской традиции и быть готовыми искренно и точно дать отчёт каждому о своём уповании³.

И всё-таки разум не приводит к созерцанию, а иногда даже уводит в сторону, оставляя блуждать в богословских дебрях. Настоящему богослову Бог дарует смирение и жажду, которую невозможно насытить ни формулой, ни рассуждением.

Эта тихая духовная жажда идёт дальше человеческих попыток выразить тайну. В смиренном безмолвии, в уединении ума и внутренней нищете она ищет дар благодатного ведения, который невозможно выразить словом.

Оставив тягостные раздумья, эта жажда успокаивается в вере; за шумом речей она слышит Истину, опираясь уже не на отточенные формулы, а на ясную интуицию, которая собирает их все в один простой свет, нисходящий в душу прямо из Божественной вечности — без посредства языка, тварных идей, образов.

Здесь Истина — это Тот, Кого мы познали и Кем обладаем, но одновременно и Тот, Кто знает нас и обладает нами. Здесь богословие — живая реальность, а не набор абстракций; или — Сам Бог, открывающий Себя тем, кто без остатка отдаёт Ему свою жизнь. Здесь свет Истины — не то, что питает разум, а Тот, в Ком и для Кого живут наши разум и дух. Наши рассуждения не станут богословием, пока мы не выйдем за пределы речи и разрозненных идей.

Вот почему Фома Аквинский, так и не дописав *Summa Theologica*, устало отложил свой труд и заявил, что всё это — «сено и солома».

³ «Будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчёта в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением» (1 Пет. 3:15).

-01 И всё же когда созерцатель возвращается из глубин, где он предстоял Богу, и пытается что-то сказать, он неминуемо возвращается к богословию, а его язык бывает внятен и ясен, как сама христианская традиция.

-00 Берегитесь же созерцателя, который говорит, что всё богословие — это «сено и солома», ничего в нём толком не смысла.

поддерживает и хранит. И если кто-то захочет...

И совсем не сухая формула догмата проливает свет на то, что мы знаем о Боге. Ибо Бог — это не просто сила, а личность. И именно поэтому мы можем говорить о Нем как о личности.

Каждый из нас имеет свой опыт общения с Богом. И именно этот опыт является основой для нашего понимания Бога. И именно поэтому мы можем говорить о Нем как о личности.

Именно поэтому мы можем говорить о Нем как о личности. И именно поэтому мы можем говорить о Нем как о личности. И именно поэтому мы можем говорить о Нем как о личности.

Именно поэтому мы можем говорить о Нем как о личности. И именно поэтому мы можем говорить о Нем как о личности. И именно поэтому мы можем говорить о Нем как о личности.

Именно поэтому мы можем говорить о Нем как о личности. И именно поэтому мы можем говорить о Нем как о личности. И именно поэтому мы можем говорить о Нем как о личности.

21. ТАЙНА ХРИСТА

Пройдя сквозь увеличительное стекло, солнечные лучи собираются в одну жгучую точку, от которой мгновенно вспыхивает сухой лист или бумага. Нечто похожее происходит и в тайне евангельского Христа: лучи Божественного огня и света преломляются в ней, воспламеняя человеческий дух. Для того Христос и родился, жил в этом мире, умер, восстал из мёртвых, вознёсся на небеса к Отцу: *ut dum visibiliter Deum cognoscimus, per hunc in invisibilium amorem rapiamur*¹. Его Воплощение источает согревающую нас Божественную истину и любовь, да и весь свой мистический опыт мы получаем через Человека Христа.

Во Христе Бог стал Человеком. В Нём Бог и человек больше не оторваны, не далеки друг от друга, а неразрывно соединены, — неслитно, хотя и неразлучно². Во Христе всё Божественное, неотмирное стало доступно каждому рождённому от жены, каждому сыну Адама; Божественное стало со-природно нам в Христовой любви. И когда мы принимаем Христа, становимся Его друзьями, Он (будучи нам одновременно и

¹ «Чтобы, пока видимым образом Бога познаем, через сие бы впали в приверженность к невидимому» (лат.).

² *Unconfused and yet indivisible* — слова из лексикона Халкидонского догмата, который гласит: «Поучаем исповедывать... единого и тогожде Христа... во двух естествах неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого...» (Книга правил святых апостол, святых соборов вселенских и поместных и святых отец. М., 1992. С. 5).

Богом, и братом) приобщает наше естество Божественной жизни. По мере того как мы уподобляемся Христу, становясь Его братьями, мы становимся детьми Божиими по благодати.

Бог вездесущ. Его истина и любовь разлиты во всём сущем подобно тому, как в воздухе разлиты солнечный свет и тепло. И как рассеянный свет не может ничего зажечь сам по себе, так и Бог без Христа не может зажечь душу огнём неотмирного знания и опыта.

Бог ищет подготовленные души, высушенные Его теплом, способные загореться от крошечной огненной точки, от действующей через Человечество Христа благодати Святого Духа.

Обычный путь к созерцанию — это доверие Христу, которое крепнет в нас по мере того, как мы всерьёз размышляем о Его жизни и учении. Но это отнюдь не значит, что мы всегда и неизменно входим в созерцание через Христа, каким Его рисует наше *воображение*. Как бы то ни было, мы приобщаемся Богу только через Него, а потому воображение — всего лишь одно из средств, помогающих удержать в уме предмет нашей веры. Нет никакой нужды подхлестывать его, силясь представить себе Господа. Нам Он видится так, другим — иначе. На самом же деле никто толком не знает, как Он выглядел.

Это обстоятельство порядком озадачивало духовных писателей прошлого, но понять их довольно трудно. Всё христианство и всё созерцание покоятся на вере во Христа, в тайну Его жизни и смерти. Это бесспорно, а потому никто не может исключить из своей внутренней жизни Человека Христа, полагая, будто он вступил в прямое общение со Словом через какое-то высшее созерцание. Человек Христос и *есть* Слово Божие, хотя Его человеческая природа не растворена в природе Бо-

жественной. Обе они едины в одной Личности и есть одна Личность, так что Человек Иисус есть Бог.

Должен ли созерцатель забыть о человечестве Христа, чтобы идти прямо к Его Божеству? Вот мнимая проблема, рождённая поверхностным пониманием догмы; тот самый случай, когда богословское невежество губительно для духовной жизни. Можно, конечно, быть созерцателем, не зная тонкостей учения об ипостасном единстве. Однако толкуя свой духовный опыт с помощью догматических формул, нужно быть точным. Иначе сам опыт превратится в иллюзию.

Две природы во Христе, Божественная и человеческая, — не две разные сущности, как думали несториане, видевшие в Нём *отдельно* Бога и «единого с Ним человека». Христос — единая богочеловеческая Личность.

Разделяя в своём созерцании человечество Иисуса и Его Божество, стремясь «подняться над первым» и «успокоиться во втором», мы разделяем Его на «человека» и «Божественное Лицо», тогда как Бог и человек пребывают в Нём нераздельно и неразлучно.

Несторианство ущербно тем, что уравнивает природу и личность. Христианскому созерцанию это чуждо, ибо оно устремлено к *Личности* Христа, а не к Его *природе*, всё равно — Божественной или человеческой. Любить Его как *природу* — то же, что «любить» друга за его богатство или приятный нрав. Христа мы любим не за то, чем Он обладает, а за то, *Кто Он*.

Во Христе «Кто» неизмеримо важнее, чем «что». «Что» мы воображаем, когда хотим, а «Кто», неизреченную Божественную Личность, — познаём — в любви и благодати — *прямо и непосредственно*, безмолвно

и безобразно (или, если хотите, *в образах*, но тогда уже не прямо). Христианская *agape* (любовь) — это сила, которую дарит нам ипостасное Слово, вселяясь в нас. Это сила прямого общения с Ним, союза, где нет никакого *объекта*, никакой видимой или воображаемой «вещи», где нет и субъекта, а есть только *два связанных любовью лица*. Любовь, осмелюсь сказать, открывает нашему сердцу сокровенную личную тайну Любимого, а Христос для того и даровал нам Свою дружбу, чтобы войти в наше сердце и обитать там не как *объект*, не как «что», а как «Кто». Значит, Тот, Кто поистине существует, пребывает в глубине наших душ как Друг, как наше второе «я». Такова тайна Слова, обитающего в нас благодаря Своему воплощению, и одновременно тайна нашего приобщения Его мистическому Телу, Церкви.

Личное присутствие в человеческой душе Христа-Слова я и называю Его «миссией».

ИМЕННО вера, а не воображение, дарует нам сверхъестественную жизнь, оправдывает нас и ведёт к созерцанию. «Праведный верою жив будет»¹. Воображение — только подспорье. Хорошо, если оно помогает нам помнить о Христе. Но если мы способны верить и так, тем лучше: мы будем верить проще и чище.

Одни без особого труда извлекают из памяти какой-нибудь простой образ Христа и начинают молиться. Другие так не могут. Воображение сеет в уме этих последних такую смуту, что о молитве не может быть и речи. В то же время одно только имя Иисуса, одна

¹ Гал. 3:11.

неясная, произвольная мысль о Нём способны целиком вовлечь их веру в простое и любовное познание² Того, Кто обитает в наших душах в даре личной любви.

Это любовное познание куда реальнее и ценнее, чем постижение внутренним чувством, ибо облик Иисуса в нашем воображении — всего лишь образ; любовь же, которую благодать рождает в наших сердцах, прямо связывает нас с Ним. Сам Иисус повелевает этой любви зародиться внутри нас, и когда Он касается наших душ Своей любовью, Он воздействует на нас гораздо глубже и непосредственней, чем материальные предметы — на наши органы чувств. Будем помнить, что мы для того лишь молитвенно размышляем об Иисусе и удерживаем в памяти Его образ, чтобы подготовить себя к более глубокому единению с Ним. Значит, если внутри нас разгорелась Его любовь, то от воображения можно отказаться. Одни так и сделают, другие захотят повременить, у третьих по той или иной причине не будет выбора. Пользуйтесь тем, что вам помогает, и избегайте того, что мешает идти вперёд.

НАШИ представления о Христе скроены по нашей же мерке и потому ограничены и ущербны. Мы склонны воображать Его, проецируя на Него свои чаяния,

² Simple and loving awareness of Him. Дословный перевод этой фразы о вере оправдан её почти формульной точностью. Слово «awareness» имеет два прямых и одинаково неуместных в данном случае значения «осведомлённость» и «осознание». «Познание» же — близко по смыслу и наверняка было знакомо Мертону по текстам его любимого средневекового испанского мистика св. Иоанна Креста. Ср., например: «Тёмное любовное познание, то есть вера, служит в этой жизни средством Божественного единения, подобно тому как свет славы служит в другой жизни средством ясно видеть Бога» (Святой Хуан де ла Крус. Восхождение на гору Кармель. Указ. изд. Кн. 2, гл. 24, § 4).

стремления, идеалы, и находим в Нём ровно то, что хотим. Для нас Он не только воплощение Бога, но и воплощение всего того, чем живём мы сами, наше общество или его часть.

Совершенство действительно состоит в уподоблении Христу, в том, чтобы жить, как Он. Но стоит ли подражать тому, кого сам себе вообразил?

Мы читаем Евангелие не ради образов или идей, а ради того, чтобы пройти вглубь, за слова Откровения, и верой обрести живую связь со Христом, который обитает в наших душах как Бог.

Чтобы в нас «изобразился Христос»¹, мало одних наших усилий. Мало изучить Евангелие и потом воплощать в жизнь свои идеи, — хотя надо делать и это, только под водительством благодати и в полной покорности Святому Духу.

Если в подражании Христу мы положимся на свои идеи, суждения и силы, то наше благочестие будет натянутой и притворной игрой, которая отпугнёт тех, кого мы встретим на своём пути.

Только Дух научит нас, Кто такой Христос, изобразит Его в нас и преобразит нас в помазанников Божиих. В конечном счёте преобразование во Христа — не наше частное дело, ибо Христос только один. Он не разделён на части, и «стать помазанником» для меня означает войти в жизнь целокупного Христа, в мистическое Тело, состоящее из Главы и прочих членов, — из Христа и всех тех, кто приобщён Ему Его Духом.

Верой и благодатью Христос изображает² Себя в душах тех, кто любит Его, и одновременно собирает их

¹ «Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!» (Гал. 4:19).

² Автор использует глагол *to form* — формировать, создавать, образовываться. Перевод «изображает Себя» выбран как аллюзия на уже процитированные слова ап. Павла (Гал. 4:19).

всех в Себе, чтобы они и были Одно в Нём. *Ut sint consummati in unum*³.

Дух же Святый, который есть жизнь этого единого Тела, обитает и во всём Теле, и в каждом из его членов; поэтому и целокупный Христос — это Христос, и каждый член Тела — христос.

ИТАК, если хотите иметь в своём сердце ту же любовь и то же расположение, какие были во Христе во время Его земной жизни⁴, опирайтесь не на воображение, а на веру. Вступите во мрак внутреннего отречения, обнажите душу от образов, и пусть Христос Сам изобразится в вас Своим Крестом.

³ «Да будут совершены воедино» (лат., Ин. 17:23).

⁴ «Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе» (Флп. 2:5).

22. ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ

Жить «во Христе» значит жить в таинстве, равном таинству Воплощения или подобном ему. Христос сочетается в одном Лице две природы, Божественную и человеческую. Делая же нас Своими друзьями¹, Он обитает в нас и соединяет с Собой наши души; Он как бы становится нашим высшим «я», ибо воплотившись, Он отождествил с Собой нашего внутреннего человека. С того момента, как мы верою и любовью откликнулись на Его любовь, неотмирный союз наших душ с Его Божественной Ипостасью, обитающей в них, делает нас участниками Его богосыновства и Божественной природы. Рождается «новая тварь». Я становлюсь «новым человеком», который духовно и мистически един, но который одновременно — и Христос, и я сам. Говоря новозаветным языком, моё духовное единство со Христом, мой «новый человек» — это творение Святого Духа, Духа любви, Духа Христа.

Единство двух природ в Личности Слова, во Христе, онтологически совершенно и неразруσιμο. Это единство двух сущностей в живом личном бытии Того, Кто есть вечный Бог. Союз наших душ с Богом во Христе не онтологичен и разрушим, хотя и не равен простому нравственному или душевному созвучию. Союз христианина со Христом — это не простое сходство

¹ «Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам всё, что слышал от Отца Моего» (Ин. 15:15).

наклонностей и чувств, не просто согласие умов и воли, а нечто более радикальное, таинственное, неотмирное. Это мистическое единение, в котором Сам Христос становится во мне источником и основой Божественной жизни или, пользуясь образом из Писания, — «вдыхает» в меня Свой Дух. Воздействие Духа на пребывающую в благодати Христа душу похоже на физическое дыхание, которое мгновение за мгновением обновляет и поддерживает телесную жизнь. Тайна Духа — это тайна бескорыстной любви. Мы принимаем Дух, когда Он «вдыхает» в нас любовь, и отдаём Его, когда являем ближним своё милосердие. Наша жизнь во Христе — это усвоение и отдача. В Духе мы принимаем любовь и в Нём же возвращаем её Богу через своих ближних.

Если я ношу в себе эту Божественную жизнь, то для меня ничего не значат случайные боль, наслаждение, надежда, страх, радость, печаль. Они не животворят меня, да и не могут. Зачем же мне бояться того, что не может оторвать меня от Бога, или желать того, что не даёт мне обладать Им?

Всё внешнее появляется и исчезает, и потому не должно нарушать мой покой. Почему же меня окрыляет радость и подавляет печаль? Почему вдохновляет успех и омрачает неудача? Почему жизнь привлекает меня, а смерть пугает? Ведь я живу только жизнью, которую ношу в себе по дару Божию.

Если я обладаю жизнью духовной, самобытностью, которую теряют лишь по собственной воле, то почему боюсь потерять жизнь телесную, которая всё равно когда-нибудь прервётся? Почему боюсь, что перестану быть кем-то, кто в действительности — не я сам, если я уже стал, пусть отчасти, тем, кто я есть на

самом деле? Если я обладаю Богом в Его вечной радости, почему изо всех сил стремлюсь к удовольствиям, которые не длятся и часа, а после себя оставляют лишь горечь?

— Проще всего на свете обладать этой жизнью и этой радостью: нужно лишь верить и любить. Люди же прикладывают чудовищные усилия, соглашаются на тяготы и жертвы, лишь бы получить то, что лишает их настоящей жизни.

Вот одно из главных противоречий, которое грех внёс в наши души: мы бездумно стремимся к тому, что мучает и угнетает нас, и отторгаем то, что легко и радостно, словно это для нас — не благо, а вред. Но чтобы измениться, мы должны пойти наперекор самим себе. Идя по линии наименьшего сопротивления, мы пожинаем великие невзгоды; сделать же то, что легко само по себе, нам бывает труднее всего на свете.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ душа похожа на ждущий печати воск. Она бесформенна, и её удел в этой жизни — следуя воле Божией, стать мягкой, готовой после смерти принять печать своего богоподобия во Христе.

Помимо всего прочего это и значит быть судимым Христом.

Воск, расплавленный в Божией воле, легко примет печать своей самобытности, истину своего предназначения. Воск же, в котором нет любви, твёрдый и ломкий, ничего не примет: печать просто расколется.

Если вы всю жизнь избегаете огня, который призван согреть вас и приготовить к тому, чтобы вы действительно стали самими собой; если не даёте себя переплавить, думая, что ваше предназначение — быть похожими на твёрдый воск, то в конце концов печать вас настигнет и сокрушит. Вы не сможете принять своё

истинное имя¹, свой лик, и погибнете в тот самый момент, когда могли бы войти в полноту бытия.

СВЯЩЕННИК-созерцатель ощущает такое глубокое и всепоглощающее единство со Христом как Священником и евхаристической жертвой, что месса, отслуженная им в храме, совершается внутри него и вне храма в течение всего дня.

И хотя я ещё не рукоположен, я пишу о том, что в какой-то степени познал, прислуживая в алтаре и стоя на коленях у престола. Преломленный Агнец лежит на дискосе, но тот факт, что я обладаю тайной, соединяет меня со Спасителем и со всем происходящим. Без слов и отчётливых мыслей, стоя на своём месте и глядя на Агнца, я внутренне соглашаюсь на то, чтобы быть рядом с Ним.

В ответ на это Христос проявляет в Себя мою жизнь, как фотограф — негатив.

Во мне совершается непрерывная месса. Глубокое и пронзительное переживание причастности непостижимому и величественному действию, которое каким-то удивительным образом разворачивается в сердцевине моей души, сопровождает меня, куда бы я ни шёл, настойчиво и тайно требуя от меня согласия и участия.

Истина эта так огромна, что воспринимается почти безучастно. Она целиком лична и невыразима, да и нет желания говорить о ней кому бы то ни было. Другим, кажется, не до неё.

Этой истине не мешают ни работа, ни мелкие дела. Горящее глубоко внутри тебя ровное пламя постоянно напоминает тебе о твоём безымянном Спутнике.

¹ «Побеждающему дам вкушать сокровенную манну и дам ему белый камень, и на камне написано новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает» (Апок. 2:17).

Впрочем, иногда и не понимаешь отчётливо, что за присутствие в тебе и что за действие постоянно совершается внутри тебя, пока снова не окажешься перед престолом и не узнаешь — в преломлении Хлеба — Странника, который был с тобой вчера и позавчера. Тогда-то, подобно шедшим в Эммаус ученикам, сознаёшь, что так и должно было гореть твоё сердце¹, ибо происходившее с тобой в течение дня говорило о Христе, который жил в тебе всё это время, действовал и приносил Себя в жертву.

Жизнь во Христе — это жизнь в тайне Креста. Это не только сокровенное приобщение вечности, неотмирной Божественной жизни, но и участие в мистерии, *священнодействии*, в котором Сам Бог нисходит во время и искупает всех тех, кто ответил на Его призыв и вошёл в сообщество святых, в Церковь.

О жертве сейчас уже почти не помнят, а если и помнят, то не понимают её смысла. Даже христиане путают жертву с нравственным долгом, благочестием, добродетелью, которая по той или иной причине нелегко им даётся. Жертвой считают «доброе дело», которое «стоило труда и усилий», — словом — нечто *субъективное* и непременно *трудное*.

Но истинная жертва объективна, а боль и тягота сопутствуют ей лишь тогда, когда мы — по слабости нашего падшего естества — идём против воли Божией. Совершенно непонятно, почему истинную жертву нельзя приносить без боли, как чистое поклонение, хвалебный гимн Божественной славе, воспеваемый в истиснутом покое².

¹ «Они сказали друг другу: не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда объяснял нам Писание?» (Лк. 24:32).

² Ecstatic peace.

Жертва — это действие *объективно сакральное*, если хотите, *общественное*, а что ещё важнее — несущее в тебе не столько боль и тяготу, сколько *смысл, сакральную значимость*. Жертва не просто выражает идею, но *духовно преображает верующего*, освящая его и ещё теснее соединяя с Богом.

Тайна Креста, искупительной смерти и воскресения Спасителя, каждый день повторяется в евхаристической жертве, которую мы привыкли называть мессой. Евхаристия объективно сакральна, как никакое другое действие. В ней Сын Божий становится крестным приношением за грех мира. Крестная жертва реально, мистически воспроизводится в Церкви совместным служением клира и мирян, хотя явно никто из них не страдает. Разумеется, некоторые непривычно рано встают, далеко едут, что-то преодолевают, чтобы принести «жертву духовную», но сама жертва тут не при нём.

Литургия — это общее дело, даже если её служат всего двое. В нормальном случае все присутствующие на ней верные должны бы сослужить клиру пением, пониманием её смысла, вниманием к тому, что поют и читают. Причащение же должно венчать совместное участие в евхаристической жертве.

Христианин, осмысленно молящийся за литургией, приобщён священному, объективному, общественному действу, в котором Сам Христос, будучи явлен предстоящими у престола, невидимо присутствует как совершитель таинства и Первосвященник. Но самым таинственным образом Христос присутствует в Своих Телѣ и Крови, жертвенном хлебе и вине, которые священник, освятив, преподает верным.

Евхаристическая жертва мистична и космична. Причащаясь Телу и Крови Спасителя, верные таин-

ственно и мистически соединяются с Ним; но они соединяются и друг со другом — в любви и Святом Духе. Литургия милостью Христовой реально совершает то, что символизирует её обряд¹.

Приносимые Богу дары — хлеб и вино, плоды земли и человеческого труда, предлагающиеся в Тело и Кровь Христа, — символизируют весь космос. Евхаристия возвышает, освящает, преображает всё творение и весь здоровый человеческий труд. Весь мир начинает петь и славословить Творца и Спасителя. Это и есть жертва совершенная.

¹ Ко времени, когда Мертон писал эти строки, он был хорошо знаком с трудами о. Александра Шмемана, его литургическим богословием. Во всём этом отрывке о Евхаристии и жертве чувствуется сильное влияние мыслей о. Александра. Мертон по своему обыкновению не дал явной ссылки на источник, из которого воспринял идею, — но не потому, что хотел выдать её за свою, а потому, что обладал особым даром глубоко лично воспринимать новые идеи и творчески развивать их, считая их общим и Божиим достоянием.

23. ЖЕНА, ОБЛЕЧЁННАЯ В СОЛНЦЕ¹

Всё, что мне довелось читать о Божией Матери, доказывает одно: Её святость необъяснима. Пытаясь говорить о Ней, мы больше говорим о самих себе, поскольку Бог открыл нам о Ней очень немного и мы неизбежно домысливаем что-то своё.

Всё известное нам о Божией Матери только скрывает от нас истинные черты Её святости. Мы верим, что никто не был так свят, как Она, не считая, конечно, Христа, Её Сына и Бога. И хотя святость Бога — мрак для нашего разума, святость Благословенной Девы в каком-то смысле ещё сокровенней. О Себе Бог открыл нам нечто объективно значимое, выразимое словом. О Марии же Он не сказал и этого, а то, что сказал, мы не в силах понять до конца. Зная наверняка, что Она обладала самой совершенной на этой земле святостью, мы лишь смутно догадываемся, какой же Она была на самом деле. Иначе говоря, мы уверены в одном: Её святость — самая сокровенная тайна.

Но если я укроюсь в Боге, как укрылась в Нём Дева Мария, я найду Её. Лучший путь к Ней — приобщиться Её смирению, безвестности, нищете, одиночеству, целомудрию. Путь к Ней — это и путь к Премудрости. *Qui me invenerit inveniet vitam et hauriet salutem a Domino*².

¹ «И явилось на небе великое знамение: жена, облечённая в солнце; под ногами Её луна, и на голове Её венец из двенадцати звёзд» (Апок. 12:1).

² «Кто нашёл меня, тот нашёл жизнь и получит благодать от Господа» (Притч. 8:35, лат.).

Один живой человек, Пречистая Дева, Мать Христа, вобрала в Себя всю нищету и мудрость святых. Все они — только участники в Её святости, потому что так устроил Бог. Он хочет, чтобы все дары люди получали через Нёё.

Вот почему любить и знать Её значит открыть истинный смысл вещей и найти путь ко всей мудрости. Без Нёё мы знаем Христа лишь умозрительно; в Ней — опытно. Ибо Ей даны та нищета и то смирение, без которых Христос непознаваем. Её святость — это безмолвие, в котором только и можно услышать Христа. Благодаря Её созерцанию в нас самих начинает звучать голос Бога.

Деве Марии дарованы те пустота, внутреннее одиночество, мир, без которых невозможно наполниться Богом. Она приняла Бога, ввела в этот мир, приютив в Своём крайнем смирении, в совершенной чистоте, безмолвии, безмятежности, покое. Если мы когда-нибудь изгоним из себя шум окружающего нас мира и освободимся от страстей, то лишь благодаря тому что Бог приблизил к нам Деву Марию, приобщил нас Её святости и Её сокровенности.

ДЕВА Мария, единственная из всех святых, несравненна во всём. Она обладает всей их святостью, но не похожа ни на одного из них. И всё-таки мы можем говорить о том, чтобы быть похожими на Нёё. Наше сходство с Ней — не просто одно из желанных человеческих качеств, но качество, которого только и стоит желать. Почему это так, мы поймём, если вспомним, что Мария восстановила в Себе подобие Богу так совершенно, как никто другой в этом мире. Бог же хочет, чтобы и каждый из нас уподобился Ему в свою меру.

Несомненно, надо говорить о Её привилегиях¹ так, будто и в самом деле можешь выразить их словом и подойти к ним с человеческой меркой. Вполне уместно называть Её Царицей и делать вид, будто понимаешь, что значит «превосходящая славой ангельские чины». Но не забудем, что Её высшая привилегия — нищета, величайшая слава — сокровенность, а источник всей Её власти — быть как ничто перед Христом, Богом.

Если сами христиане плохо об этом помнят, то стоит ли удивляться, что церковное почитание Божией Матери совершенно непонятно людям внешним? Они воображают (и небезосновательно), что христиане чтут Пресвятую Деву как самостоятельное божество, словно Она Сама по Себе обладает славой, властью и величием, которые ставят Её вровень с Христом. (Да и как иначе, думают внешние, истолковать Успение Богородицы, Её восшествие на небо и, наконец, принятие царского венца?) Одним словом, христиане будто бы делают Её равной Христу в деле искупления. Но Церковь учит совершенно иначе. Она помнит, что вся слава Марии в Её умалении, в том, что Она — «раба Господня», с любовью покорившаяся Его повелению и ставшая Матерью Божией в чистом послушании веры². Мария блаженна не в каком-то мифическом, мнимо божественном достоинстве, а как *уверовавшая*, — во всей Своей человеческой и женской ограниченности. Вера и верность смиренной, полной благодати Рабы сделали Её совершенным орудием в руках Божиих, и более ничем. Чудо, свершившееся в Ней, — это целиком Божие действие: «...сотворил Мне величие Сильный, и свято имя

¹ Privileges.

² «Тогда Мария сказала: се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему. И отошёл от Нёё ангел» (Лк. 1:38).

Его»¹. Вся слава Марии — это слава Бога в Ней. Как и все мы, Она может сказать, что всё, чем Она обладает, Она получила от Бога через Христа.

В самом деле, Её величайшая слава в том, что, не имея ничего своего, даже частицы того «я», которое ищет славы самому себе, Она ничем не преградила путь Божией милости, не воспротивилась Его любви и воле. Она и получила от Бога *больше*, чем кто-либо из святых. Бог мог беспрепятственно вершить в Ней Свою волю. Его свобода и Промысел не встречали в Марии преград, которые обычно возводит человеческое эго. Она была и остаётся в высшем смысле личностью, ибо, как «непорочная», была свободна и от тончайшего налёта себялюбия, способного угасить сиявший в Ней Божественный свет. Она была свободой, совершенно послушной Богу, и в Своём послушании обрела полноту любви.

СМЫСЛ христианского почитания Божией Матери надо искать в самом боговоплощении. Церковь не отделяет Сына от Матери, поскольку считает воплощение сошествием Бога в плоть и время, великим даром Бога собственному творению. И ещё Церковь учит, что Мария, будучи ближе всех к Богу в этом непостижимом таинстве, полнее всех приобщилась и к самому дару. Что странного, если, сев у огня, вы согреетесь гораздо лучше, чем сидящие за вами? Точно так же и Та, через которую Бог сошёл в мир и которая была послушным орудием в Его руках, глубже и полнее всех остальных приобщена Божественному дару.

Мария была совершенно свободна от себялюбия и греха. Она была безупречно чиста — подобно окну, у

¹ Лк. 1:49.

которого нет иного назначения, кроме как пропускать солнечный свет. Радуюсь солнцу, мы неявно воздаём должное и окну, хотя многие предпочли бы о нём забыть — и были бы правы. Но Сын Божий, отрeksiшь от Своего величия и Своей силы, став ребёнком, целиком зависящим от любящей Матери, так или иначе обращает на Неё наше внимание. Свет пожелал напомнить нам об окне. Он благодарен Своей Матери, любит Её бесконечно нежной сыновней любовью и просит нас разделить с Ним эту любовь. Для нас это великая милость, дар, помогающий проникнуть в тайну любви Бога к Своему творению, тайну Его милующей заботы.

БОГ вознёс Марию на небо не для того, чтобы мы прославляли «Богиню-Мать». Напротив, Он хотел явить Свою любовь к человечеству, особым образом почтить Своё творение, прославить существа, сотворённые по Его образу, и даже самые их *тела*, призванные стать храмом Его славы. Мы потому и верим, что Мария была взята на небо, что настанет день и — по милости Божией — мы сами будем обитать там же. Человеческая природа потому и прославлена в Пресвятой Деве, что Бог хочет прославить её и в нас. Для этого Сын Божий и пришёл в этот мир, став плотью.

В великой тайне Марии ясно одно: Сама по Себе Она — ничто, Бог же ради нас явил в Ней Свою славу и Свою любовь.

Своей совершенной нищетой и неприметностью Мария превосходит всех святых. Нет ничего в этом мире, что Она назвала бы «своим», и именно поэтому чрез Неё подаётся нам благодать бесконечно бескорыстного Бога. Мы только тогда будем поистине обладать Богом, когда опустошим себя и станем нищими и не-

приметными, как Она; когда уподобимся Богу, станем похожими на Нёе.

Вся наша святость зависит от Её материнской любви. Те, с кем Она делит радость Своей нищеты и простоты, кого Она причащает Своей сокровенности, будут близки к Богу, как и Она.

Это великая благодать и великая привилегия, когда человек, живя в мире, вдруг теряет интерес ко всему мирскому и начинает всей душой жаждать нищеты и одиночества. Самый драгоценный из даров, природных или благодатных, — это желание укрыться от людских взоров, стать ничем для мира, исчезнуть для самого себя и поклоняться Богу, погрузившись в безмерную нищету.

Совершенная пустота, нищета, безвестность полны Богом и потому содержат в себе всю тайну радости. Искать такую пустоту и значит истинно чтить Божию Матерь, а найти её — значит найти нашу Владычицу. Сокрыться в глубинах этой пустоты — значит наполниться Богом, как наполнилась Им Она Сама; это значит нести Бога людям, как несла Его им Пресвятая Дева.

Весь род человеческий должен именовать Марию блаженной¹, потому что Её послушанием ему дарованы радость и неотмирная жизнь. Мир должен чтить Её, поэты — воспевать сотворённое Ей Богом величие², а зодчие — посвящать Ей соборы. Наша вера будет неполной, пока мы не исповедуем нашу Владычицу Божией Матерью, Царицей ангелов и святых, упованием мира. Мы не сможем просить у Бога того, на что Он

¹ «Отныне будут ублажать Меня все роды» (Лк. 1:48).

² «Сотворил Мне величие Сильный, и свято имя Его» (Лк. 1:49).

повелел нам надеяться, пока не познаем, — из созерцания святости Непорочной Девы, — какое величие должна сотворить в душах людей сила Божия.

Итак, чем глубже мы погружаемся туда, где сокрыта Её тайна, тем сильнее в нас желание восхвалять Её имя и прославлять в Ней Бога, соделавшего Её Своей единой скинией. Но даже если мы воспоем Её, как Данте или святой Бернард, это будет малостью в сравнении с тем, что говорит о Ней Церковь. Одна только Церковь знает, как воздать Ей должную хвалу, и дерзновенно относит к Ней слова, которые Бог говорит о Своей Премудрости. Божия Матерь живёт в Писании, и пока мы не ощутим Её тайного присутствия в пророчествах о Её Сыне, мы не познаем сокрытой в Писании жизни.

Промыслом Божиим устроено так, что при кончине мира именно Божия Матерь будет послана для свидетельства о силе Божией, совершившейся в Её нищете, и для спасения тех, кто останется жив на развалинах сожжённого мира. Людская злоба сделает кончину мира страшной. Ходатайство Пресвятой Девы превратит её в победу и радость для нищих, принявших милость от Бога.

24. КТО НЕ СО МНОЮ,

ТОТ ПРОТИВ МЕНЯ¹

Человек, убитый одним врагом, так же мёртв, как и убитый целым войском. Если вы в дружбе с одним тяжёлым пороком, вы умерли при жизни, будь у вас хоть и все остальные добродетели.

МНОГИМ кажется, что достаточно одного хорошего свойства — доброты, широты, сострадательности, а остальное приложится. Но если вы лишены одного из видов эгоизма, а двадцать пять прочих видов у вас есть, этот единственный вид не принесёт вам пользы. Скорее всего он просто станет двадцать шестым видом, только в личине добродетели.

Так что не думайте, что одно хорошее свойство отменяет или искупает всё ваше зло.

НЕ думайте и о том, что любовь ко Христу можно выразить через ненависть к Его врагам. Положим, они действительно Его ненавидят, — но Он-то их любит, и вы не будете с Ним заодно, если тоже не полюбите.

Если вы — вместо того чтобы любить врагов Церкви — возненавидите их, вы сами рискуете стать врагом и ей, и Христу, который сказал: «Любите врагов ваших»², и ещё — «Кто не со Мною, тот против Меня».

¹ «Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает» (Мф. 12:30).

² «А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинаящих вас...» (Мф. 5:44).

Вот и выходит, что если вы не любите вместе с Ним тех, кого Он любит, вы — против Него.

А любит Он всех, и за всех умер, и сказал, что нет большей любви, чем отдать за кого-нибудь жизнь³.

НЕ спешите решать, что враг ваш — злодей, поскольку он враждует *с вами*. Может быть, он и враждует потому, что считает злодеем вас. А может, он вас боится, потому что вы боитесь его. Если бы он поверил, что вы можете его полюбить, он бы с вами не враждовал.

Не спешите решать, что ваш враг — враг Богу. Может быть, он и враждует с вами, потому что не видит в вас ничего Божиего. Или — боится вас, не находя в вас Божией любви, кротости, терпения, милости, снисхождения к слабостям.

Не спешите осуждать тех, кто больше не верит в Бога: их могла отвлечь ваша холодность и корысть, ваша приземлённость и пошлость, ваша похотливость и ваш эгоизм. Они и убили в них веру.

Настоящим христианином, иначе говоря — святым, может быть только тот, кто решил всё своё разделить с ближним. Он или совсем отказывается от своего, или довольствуется необходимым, а остальное раздаёт ближним, особенно бедным. Решая же, что ему *действительно* нужно, он прежде всего думает о том, что нужно другому. Себе он берёт только то, что осталось.

Вы скажете: богатый никогда не поступит прямо по Писанию, — и будете правы. Это не ново: ведь Христос давно сказал, что верблюду легче пролезть в игольное ушко, чем богатому войти в Царство Небесное⁴.

³ «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13).

⁴ Мф. 19:24.

Если бы христиане следовали учению Церкви о собственности и нищете, никого бы не увлекли рассуждения Маркса и никто не стремился бы лишить права собственности *других*.

Есть одно верное учение, и его хранит Церковь: право на собственность существует и отрицать его нельзя, но это право сопряжено с обязанностью. Если бы христиане выполняли её честно и прямо, то жили бы, как христиане апостольских времён: «Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам апостолов; и каждому давалось, в чём кто имел нужду».¹

Никто не отнимал у первых христиан землю, дома, утварь, деньги. Они торговали и хранили своё, понимая при этом, что их личная нужда неотделима от нужды ближнего; что их великая привилегия — возрастать в любви, помогая друг другу по милости, а не по букве Закона.

Если у вас есть деньги, подумайте: а вдруг они попали вам в руки только потому, что Господь хочет, чтобы вы познали всю радость и всё совершенство даяния?!

ЛЕГКО уговаривать бедных, чтобы они принимали свою бедность как Божию волю, когда вы сами сыты и одеты, имеете крышу над головой и не лезете в долги. Они вам не поверят, пока вы не разделите с ними их бедность и не докажете, что сами приняли её как Божию волю.

¹ Деян. 4:34-35.

25. СМИРЕНИЕ ПРОТИВ УНЫНИЯ

Уныние — плод непомерного себялюбия. В него попадает тот, кто сознательно отвернулся от чьей-либо помощи, дабы сполна насладиться отвратительным зрелищем собственной гибели.

Все мы носим в себе ростки уныния, потому что все мы горды. Потеряв внутренние силы, мы начинаем себя жалеть, а поскольку мы рано или поздно обязательно их теряем, все мы в той или иной мере подвержены унынию и печали.

Уныние — это крайнее проявление гордости, столь великой и упрямой, что, поддавшись ей, человек соглашается на горечь проклятия, — лишь бы не принять протянутое ему рукой Божией счастье, признав, что Бог выше него, а сам он не властен над своей судьбой.

Смирившись по-настоящему, человек перестает жалеть самого себя и поэтому никогда больше не унывает.

НЕВОЗМОЖНО переоценить духовную силу и значимость истинного смирения. Его начало — первый росток блаженства, а его полнота — вершина радости. Смирение содержит в себе ответы на все вопрошания человеческой души. Оно — единственный ключ к вере, с которой начинается духовная жизнь, ибо вера и смирение неотделимы друг от друга. В совершенном смирении исчезает всякое себялюбие, а душа больше не живёт для себя или в себе (хотя бы и для Бога), но теряется в Боге.

В этот момент смирение возводит человека на высшую ступень величия. Всякий унижающий себя будет возвышен¹. Забыв о себе, человек поднимается над ограниченностью и непостоянством тварного, над случайным, и погружается духом в свойства Бога, который за смирение и любовь наделяет его Своей силой, красотой, величием, вечностью.

Неспособный смиряться не способен и радоваться, ибо только смирение истребляет эгоцентризм, отменяющий радость.

Если бы в мире не осталось смирения, люди давным-давно покончили бы с собой.

СУЩЕСТВУЕТ и ложное смирение. Оно винит в гордыне тех, кто стремится к совершенному созерцанию и мистическому союзу с Богом. Для духовной жизни нет более пагубной иллюзии, ибо только этот высокий союз приносит нам истинное смирение.

Впрочем, нетрудно понять, почему люди делают такую ошибку и почему они по-своему правы. В самом деле, если мы воспримем мистический союз отстранённо и станем думать, что он просто совершенствует нас, даря нам высшее счастье и удовлетворение, то наше стремление к нему будет испорчено себялюбием и гордостью. Но как же велика гордость тех, кто ко всему прочему верит, что совершенство положено им по праву, за какие-то их труды и заслуги!

Эти люди никак не поймут, что мистический союз покоится на совершенно бескорыстной любви, истребляющей гордость перед лицом Божиим, опустошающей душу так, что та становится чистым вместилищем Бога.

¹ «Всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк. 18:14).

Радость мистической любви к Богу придёт лишь тогда, когда мы освободимся от самости и сотрём в себе последние следы гордыни. Стремитесь же не к величю, а к унижению; не будьте большими в собственных глазах и в глазах всего мира, а будьте малыми, ибо единственный способ обрести радость — это умалиться до предела и погрузиться в Бога из средоточия собственной ничтожности. Единственный путь к Его величю — это пройти через игольное ушко своей полной несостоятельности.

Совершенное смирение находят в преображающем союзе с Богом. Только Бог по-настоящему очищает нас, проводя через огонь внутренних испытаний². Не желать совершенства глупо. Если мы перестаём искать того, что венчает всякое смирение, значит, мы как-то неправильно смиряемся.

САМО по себе стремление к мистическому союзу с Богом вполне законно и здраво, но и оно способно причинить нам немалый вред. Всё дело в том, что нас очень легко ввести в заблуждение. Приобщиться к Богу — самое заветное из человеческих желаний; именно оно толкает нас на поиски счастья. Даже грешник, ищущий счастья там, где его нет, следует слепому, неосознанному и превратно истолкованному желанию быть с Богом. Получается, что, в каком-то смысле, не стремиться к Нему невозможно.

С другой стороны, говоря о «стремлении к Богу», мы косвенно низводим Его до «объекта», «вещи», как будто Он — нечто такое, чем можно владеть, как владеют богатством, знанием или чем-то ещё в тварном мире. И хотя мы действительно обречены надеяться на

² Автор приравнивает чистоте совершенное смирение.

то, что, познав Бога, мы утолим наш исконный голод, очень опасно сводить всё к нуждам и желаниям. Превращая Бога в средство, мы так или иначе искажаем, даже оскверняем Его святую и бесконечную истину.

Многие на моих глазах поступали в монастырь, снедаемые неподдельной жадью Бога и созерцательного опыта, а потом уходили, измученные и подавленные собственным рвением. Нет горше разочарования, чем разочарование в высшем совершенстве, неправильно понятом, а потому окончательно недостижимом. И нет страшнее поражения, чем поражение человеческого сердца, доведённого до отчаяния погоней за мистическим миражом.

Как же страдали эти несчастные души от непреклонных и самодовольных духовников, которые твердили им: «Ты не нашёл Бога, потому что отказал Ему. Ты не заплатил всю цену». Будто бы союз с Богом — нечто выставленное в монастырях на продажу, как ветчина или сыр в лавке — этакий ходовой товар на чёрном рынке созерцателей, предложенный человеку как раз тогда, когда его карман пуст.

Разве пророк Исайя не говорил, что живой воды напьются те, кому нечем платить?¹

Всякий имеющий хоть малейшее представление о Божией любви, должен восстать против безжалостной и ложной психологии, превращающей «святость» и «созерцание» в какое-то вожделенное сокровище. Как будто они — «багаж», без которого не принимают в Царство Божие, что-то вроде новой машины и хорошего дома, необходимых для того, чтобы вас приняли в обществе. Если у вас всего в избытке, значит, вы —

¹ «Жажущие! идите все к водам: даже и вы, у которых нет серебра, идите, покупайте и ешьте: идите, покупайте без серебра и без платы вино и молоко» (Ис. 55:1).

не бродяга, не бездельник, не возмутитель порядка. А если вы нарочито добродетельны и духовны, то вы — преданный служитель Божий.

Как плохо мы понимаем, что значат в мистической жизни внутренняя нищета, пустота, одиночество, полная заброшенность. Созерцательный опыт складывается не из великих идей, видений или героической аскезы. Его не купишь и за самую духовную монету. Созерцательный опыт — это чистый дар Божий, — да он и *должен быть* даром, ибо такова его суть. Заслужить его невозможно. Поистине, созерцание как таковое — знак милости Божией, а не награда за святость или заслуги. Оно помогает твёрже верить в Божие милосердие, полнее доверяться Богу, а более всего — хранить верность Его дружбе. Таковы плоды созерцания. Однако не удивляйтесь, если само оно рождается из пустоты, нищеты, оставленности и духовной ночи.

В самом деле, слишком горячее стремление к созерцанию бывает помехой на пути к нему. Если это стремление вызвано призрачной мечтой или привязанностью к самому себе, оно туманит и тяготит нашу душу, заставляет нас поклоняться идолу нашего внешнего «я», приковывает нас, как слепого Самсона², к мельнице тщетных надежд и пустых желаний.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ суетных надежд, потому что за ними стоит отчаяние. Положим, вам важно чего-то достичь и вы видите, что это вполне реально. Вот вы уже доверились видимой основательности того, что, как вы полагаете, вот-вот будет вашим. Наконец, вы не мыслите без своей мечты ни духовной жизни, ни

² «Филистимляне взяли его [Самсона] и выкололи ему глаза, привели его в Газу и оковали его двумя медными цепями, и он молот в доме узников» (Суд. 16:21).

самой веры. Но мираж всё равно рассеется, и ваша конструкция рухнет. Тогда окажется, что духовная жизнь просочилась сквозь пальцы и вы остались ни с чем.

В сущности, остаться ни с чем — совсем не плохо, и мы должны были бы это ценить, умей мы возвращаться на твёрдую почву чистой и крепкой веры, которая никогда не подведёт. Но наша вера слаба, и часто самое слабое в ней — это иллюзия «силы». Мы ценим яркие чувства и переживания и не понимаем того, что суть веры в ином.

СЕГОДНЯ очень много людей, «потерявших веру» вместе с рухнувшей надеждой или рассеявшимся миражом. Но миражом было и то, что эти люди считали «верой». Они слишком надеялись на свои ощущения, на духовный мир, утешение, покой, слишком уважали сами себя. Вкусив же тягот взрослой жизни и увидев свою слабость, они потеряли свой мир, своё драгоценное чувство собственного достоинства и не смогли больше «верить». Правильнее было бы сказать, что их перестали утешать и ободрять те образы и идеи, которые утешали и ободряли их, когда они были детьми.

Не полагайтесь на духовный комфорт и чувство защищённости. Придёт время, и вам придётся обходиться без них. Не слушайте вдохновенных проповедников радости. Порадовавшись с ними недолгое время, вы снова останетесь ни с чем, и уныние нападёт на вас с удвоенной силой.

Уверенность в себе — вещь добрая; это природный дар и признак жизнеспособности. Но корни её неглубоки, и она уходит, когда мы слабы, больны, разочарованы. Я не хочу сказать, что мы по-настоящему верим, лишь дойдя до полного изнеможения. Но вера должна остаться даже тогда, когда у нас, казалось бы, отнято

всё. Понести это может лишь тот, кто смирился и готов верить, ничего взамен не получая.

Если мы не смиренны, мы ждём от веры здоровья, тишины помыслов, удачи, успеха в делах, известности, мира во всём мире — и чего только не ждём. Бог, если захочет, может дать нам все мыслимые блага, но все они ничтожны по сравнению с верой. Важна лишь она, и требуя за неё наград, мы её разрушаем. Не думаю, что это легко сойдёт нам с рук, хотя Бог и милосерден.

СМИРЕННЫЙ человек остаётся невозмутим, когда его хвалят, потому что не занят собой и знает, откуда в нём его добродетель. Он принимает похвалу, сознавая, что та принадлежит Богу, которого он любит, и всю её с великой радостью отдаёт своему Господу. *Fecit mihi qui potens est, et sanctum nomen ejus!*¹

Человек не смиренный обязательно себя выдаст. Он знает, что с похвалой делать; знает, что та принадлежит не ему, а Богу, но отдаёт её как-то неуклюже, путано, суетливо, привлекая к себе внимание.

Похвала печалит того, кто ищет смирения, но ещё его не нашёл. Он сознаёт своё недостойство и потому выходит из себя, когда его хвалят. Даже если он внешне спокоен, сказанное о нём постоянно крутится у него в голове, терзает его, куда бы он ни шёл и что бы ни делал.

Конченный гордец проглатывает похвалу, как собака — кусок мяса. С ним проще: со времён Аристофана ему подобные не сходят с комедийных подмостков.

Смиренный человек пропускает через себя сказанное о нём доброе слово, как оконное стекло — дневной свет. Чем ярче и чище свет, тем оно само незаметней.

¹ «Сотворил Мне величие Сильный, и свято имя Его» (лат., Лк. 1:49).

Иногда монахи так усердствуют, начитавшись разных книг, что только удаляются от настоящего смирения. Разве можно смириться, неотступно наблюдая за собой? Истинное смирение забывает о себе, ложное — помнит, да так, что не даёт и пальцем пошевелить, не запустив сложный механизм оправданий и самобичевания.

Будь мы действительно смиренны, мы бы так о себе не пеклись. В самом деле, к чему это? Мы думали бы только о Боге и Его воле, о порядке вещей и ценностях, каковы они сами по себе, а не какими их выставляет наша самость. Мы избавились бы от иллюзий, которые нужно защищать. Мы двигались бы свободно, не искали бы оправданий и не защищались от обвинений в гордости, ибо наше смирение не зависит от того, что о нас думают.

Смиренный человек безупречен и в малом, и в великом. Он не разменивается по мелочам и не тратит сил, выгадывая что-нибудь для себя или отстаивая свою репутацию.

Он не боится неудач, да и вообще ничего не боится, даже себя самого, ибо целиком положился на Бога, перед которым бессильна любая сила и ничтожно любое препятствие.

Смирение — вернейший знак силы.

26. СВОБОДА В ПОСЛУШАНИИ

Очень немногие умеют спастись в одиночку. Очень немногие становятся совершенными, живя в полном уединении.

Настоящим созерцателем скорее станешь, живя среди людей, учась снисходить к их слабостям и изъяснам, забывая о себе. Ибо нет лучшего средства против застарелого и упрямого эгоизма, который мешает действовать в нас Духу Божию и заслоняет от нас Его свет.

Даже мужественно принимая все тяготы полного одиночества, мы едва ли достигнем той чистоты, которую приносит терпеливая и смиренная любовь к ближним, сочувственное отношение к их самым простым нуждам и потребностям.

Уединение опасно тем, что оно может лишить нас внутренней живости, превратив в никчёмных чудаков. Утратив общение с ближними, мы рискуем потерять духовную чуткость, которую дарит чистая любовь.

Не думаете ли вы, что святыми становятся, убежав от невежественной толпы и затворившись наедине со своими молитвами, книгами, богомыслием? Не считаете ли, что путь к созерцанию находят, лишь бросив работу и дела, которые, хотя и нужны нашим ближним, давно нам наскучили и стали досадной помехой для нашего благочестия? Или вы воображаете, будто найдёте Бога, завернувшись в кокон духовных и эстетических удовольствий, вместо того чтобы из любви ко Христу отречься от собственных вкусов, желаний,

амбиций? Если вы не найдёте Христа в ваших ближних, Он не сможет обитать в вас самих.

ВНУТРЕННЕЕ созерцание и внешняя деятельность — не полярные противоположности, а две стороны единой любви к Богу.

Действия созерцателя рождаются из его опыта и отражают ясную безмятежность его внутренней жизни.

Он ищет в деятельности того же, что и в созерцании, — общения и союза с Богом.

Как ни скуден ваш молитвенный опыт, поверяйте им все свои поступки. Попробуйте действовать в той тишине, пустоте, отрешённости, которые нашли в созерцании. В конечном счёте секрет прост: оставляйте на волю Божию то, на что не можете повлиять, и слушайте Бога во всём остальном. Одним словом, и во внутренней жизни, и во внешних делах, которые делаете ради Бога, стремитесь только к тому, чтобы исполнить Его волю.

Следуя этим путём, вы наполните ваши действия миром и бесстрашием, которые обрели в молитве. Вы будете делать простые вещи, но люди ощутят исходящий от вас покой и воздадут хвалу Богу.

Апостольское служение созерцателя — это прежде всего молчаливое, ненамеренное свидетельство о любви к Богу. Святой проповедует тем, как он ходит, стоит; как садится, как берёт вещь и как держит её в руке.

Совершенным нет нужды следить за каждым своим шагом.

Всё меньше сознавая себя, они в конце концов видят, что ничего не делают сами, но Бог действует в них и для них. Любовь к Богу становится их второй природой. Все их поступки она превращает в напоминание о Нём.

СТРЕМЯСЬ к чистой любви и внутренней свободе, мы очень скоро встречаем непреодолимые преграды и начинаем понимать, что не можем больше двигаться к своей цели в одиночку. Так постепенно Дух Божий рождает в нас тягу к послушанию, вернейшему средству против эгоизма и неразумия.

Душа, устремлённая в молитве к Богу, очень скоро познаёт ценность послушания. Изнемогая и мучаясь под бременем себялюбия, гордыни, косности, нищеты, она жаждет быть ведомой, жаждет совета и наставления.

Своеволие причиняет душе такие страдания и погружает в такую тьму, что душа не просто ищет в другом человеке света и мудрости, но страстно стремится к послушанию как таковому, к отсечению своей воли и своего разума.

Монах повинуется своему настоятелю или наставнику, даже видя, что его советы и указания небезупречны. Иногда он знает, как сделать лучше, но из послушания поступает иначе. Его не заботит, правильно решил настоятель или нет, ибо он видит в нём посредника между собой и Богом и принимает за волю Божию только то, что открывается ему через людей, поставленных над ним в силу заведённого порядка.

САМЫЙ опасный человек на свете — это созерцатель, которым никто не руководит. Он доверяет своим видениям, внутреннему голосу и никого не слышит. Он видит волю Божию во всём, что рождает в его сердце сладостный жар; и чем этот жар сладостней, тем он уверенней в своей непогрешимости. Если же он передаст это чувство другим, убедив всех, что он по-настоящему свят, то может погубить целый город, религиозный орден и даже страну. Мир уже изрядно натерпелся от таких визионеров.

Впрочем, нередко такие люди — всего лишь безобидные зануды, забредшие в духовный тупик и свившие себе уютное гнёздышко из религиозных переживаний. Они не вызывают ни зависти, ни восхищения. Даже полные невежды в духовной жизни как-то чувствуют, что эти люди утратили чувство реальности и довольствуются подделкой.

Они выглядят счастливыми, но их счастье не вдохновляет никого, кроме них самих. Они выглядят мирными, но их мир ложен. Они говорливы, и каждое слово их — Весть с большой буквы, которая почему-то никого не убеждает. Здравой аскезе и искренней вере они предпочли удовольствие и чувство. Души их вялы — в них давно угасло пламя истинного созерцания.

Когда Бог вводит нас во мрак, где мы вступаем в созерцание, мы уже не полагаемся на фальшивую сладость своеволия. Нас больше не обманывает коварное тепло самодовольства и уверенность в собственной правоте. Ощувив недомогание, мы с отвращением извергаем из себя эту отраву.

Чтобы понять истинный смысл духовного послушания, нужно вспомнить, что настоящая свобода — это не произвол. Очень важно не путать одно с другим, ибо быть в послушании — не значит жертвовать своей свободой, бездумно выполняя чьи-то приказы. Высшую свободу находят в послушании Богу, а теряют, подчинившись тирании автоматизма — причудам своеволия или слепой власти обычаев, рутины, праздного окружения.

Одно из самых распространённых заблуждений — полагать, будто поступая по-своему, в обход жёстких повелений, проявляешь свободу, действуешь «спонтанно». Но такая спонтанность не ведёт к настоящей свободе и больше похожа на произвол. Будем об этом

помнить, хотя, конечно же, нет ничего хуже бездейственного консерватизма и мёртвой рутины.

Сегодня людям трудно понять смысл религиозного послушания. Им кажется, будто оно посягает на их «индивидуальность», «спонтанность». Виной тому — царящая в головах людей невообразимая путаница. Иногда находящийся в подчинении хочет убежать от ответственности, а начальствующий — сам ещё своеволен, незрел и потому не способен исполнить возложенную на него миссию.

Только тот, кто сам научен разумному повиновению, способен держать в разумном повиновении других. Такой человек хорошо знает истинную цену послушания и границы собственной власти. Да, действительно, наставник должен быть мудр и готов понести бремя своего высокого положения. Будем однако помнить, что надо уметь слушаться всякого, кто поставлен над тобой в данный момент, даже если этот человек не дотягивает до идеала. Видим ли мы, каков он на самом деле, или нет — неважно. Важно, чтобы в нас не пропала готовность к послушанию. Любовь научит нас прощать, а здравый смысл запретит нам опрометчиво судить, насколько прав был наш наставник. В конце концов, нельзя быть судьёй в собственном деле, и мы слишком предвзяты и своевольны, чтобы безошибочно отличать реальные недостатки наших ближних от мнимых. Значит, не закрывая глаза на правду, мы должны верить, что извлекаем громадную пользу из послушания, даже если не все данные нам повеления безупречно верны и разумны. Не обманывая себя, мы должны принять положение дел, как оно есть, со всеми его изъянами, и повиноваться из любви к Богу. Чтобы пойти этим путём, нам придётся сделать осознанный, свободный, порой чрезвычайно трудный выбор.

Никто ещё не стал созерцателем или святым, упрощённо поняв послушание и бездумно препоручив себя в чьи-то руки. Оба — и наставник, и его подопечный — должны быть рассудительны, а значит, и ответственные. Послушание — это не отказ от свободы, а её *разумное применение*. Это не превращает его в лёгкую забаву или бунт против власти. Настоящее послушание требует зрелого ума, способного сделать нелёгкий выбор и, правильно поняв сложное повеление, исполнить его во что бы то ни стало точно и до конца. Всё это немислимо без доброго запаса зрелой духовной любви.

27. ЧТО ТАКОЕ СВОБОДА?

Возможность выбирать между добром и злом — только зародыш свободы, жизнеспособный ровно настолько, насколько мы готовы оставаться на стороне добра.

Лёгкость, с которой мы склоняемся ко злу, говорит о том, что мы находимся в рабстве. Выбирая зло, мы теряем свободу.

Мы никогда не стремимся ко злу как таковому и всё время хотим как лучше. Но принимая кажущееся добро за действительное, поступая по своему ложному разумению, мы делаем то, чего на самом деле не хотим. Это и значит, что мы не свободны.

СОВЕРШЕНСТВО духовной свободы — в полной неспособности выбрать зло. Если мы всегда хотим настоящего добра, если не только стремимся к нему, но и достигаем его, то мы свободны, ибо делаем то, что хотим, а каждый акт нашей воли находит своё полное завершение.

Значит, мы свободны не тогда, когда выбираем попеременно то добро, то зло, а тогда, когда совершенно любим и принимаем настоящее добро и столь же совершенно ненавидим и отвергаем зло; когда мы делаем только доброе, получая от этого радость, и отмечаем малейшую возможность совершить то, что заставляет нас унывать и обманывать самих себя. Поистине свободен лишь тот, кто до конца отрёкся от зла и больше никогда его не захочет.

В БОГЕ нет ни тени, ни малейшей возможности зла или греха, поэтому Он бесконечно свободен. В сущности, Он и есть Свобода.

Божия воля безупречна, наша же — ненадёжна и временами разрушительна для самой себя. Но если мы целиком доверимся Богу, Он соединит нас с Собой, изменит нас и вдохнет Свою любовь в наши души. Истинное освобождение возможно только по дару свыше, через приобщение к присущей Богу свободе, к Его любви.

Вся наша безразличная к добру и злу так называемая природная свобода — не более чем задаток, ожидание благодати, воли Божией и Его неотмирной любви.

ВСЁ благо и совершенство, всё счастье — в бесконечно благой, совершенной, благословенной¹ воле Божией. И поскольку истинная свобода — в умении всегда, неотступно и безошибочно, выбирать настоящее добро, то и обретают её лишь в полном послушании Богу. Во всём следуя воле Божией, мы достигнем Его цели, найдём Его покой и исполнимся Его безграничным счастьем.

Попросту говоря, свобода — это умение творить Божию волю. Противиться Богу — значит делаться рабом. В грехе нет настоящей свободы.

ГРЕХУ обычно сопутствует что-то доброе. Например — телесное наслаждение, если грех плотской. Само по себе это наслаждение — не зло, ибо оно даровано Богом, и Он не отнимает его даже тогда, когда мы поступаем вопреки Его воле. Но если само наслаждение — это добро, то стремление получить его при обстоятельствах, противоречащих воле Божией, — уже зло. Это-то

¹ Blessed.

стремление и мешает нам достичь желаемой полноты. Получается, что мы окрадываем сами себя, — грешим, но по большому счёту так и не становимся счастливы.

ГЛУПЕЦ! Ты сделал то, чего не хотел! Бог оставил тебе наслаждение, дав понять, что и в нём — Его воля. Ты же отверг счастье, которое Он хотел дать тебе вместе с наслаждением; отверг ты и высшее блаженство, которое Он уготовал тебе без наслаждения, вне и превыше него!

Ты съел кожуру и выбросил апельсин; сохранил копеечную коробку и потерял лежавшую в ней драгоценность.

Теперь, когда наслаждение ушло (оно ведь преходящее), ты остался ни с чем; ты упустил счастье, которое обогатило бы тебя навеки. Если бы ты взял наслаждение (или отрёкся от него) так, как для твоего же блага хотел Бог, ты был бы по-настоящему счастлив. Ты обрёл бы новое наслаждение, которое всегда и повсюду следовало бы за тобой в Божией воле. В самом деле, никто ещё, оставаясь в здравом уме, не жалел о том, что сознательно поступил в согласии с ней.

Итак, свобода — это талант, данный нам Богом; орудие, с которым надо уметь обращаться, созидавая свою жизнь и своё счастье. Жертвуя ею, мы предаём Самого Бога. Отметая произвол, прихоть, псевдосвободу греха, мы делаем то, что должны сделать. Истинной свободой надо дорожить, как самой жизнью, ибо она — самое драгоценное, что у нас есть. Именно она делает человека личностью, сотворённой по образу Божию. Церковь же — сообщество не от мира сего — должна оберегать духовную свободу, присущую нам как чадам Божиим. Как мало сегодня тех, кто это понимает!

28. ОТРЕШЁННОСТЬ

Не знаю, найдётся ли сейчас в мире хотя бы два десятка людей, которые видят вещи в истинном свете? Если да, то среди нас есть ещё те, кем ничто не владеет, кто действительно свободен и не привязан ни к миру, ни к своему «я», ни к дарам Божиим, даже самым высоким и духовным. Впрочем, двадцать — это, пожалуй, слишком много. Но даже если таких людей всего один или два, то именно они хранят этот мир, не давая ему развалиться на части.

ВСЁ, что мы любим не ради Бога, а ради чего-то ещё, ослепляет ум и притупляет нравственное чутьё. Это портит нас и отнимает способность отличать добро от зла и познавать волю Божию.

Любя вещи ради них самих, вы не сможете применить к жизни даже те нравственные правила, которые прекрасно знаете. Формально вы будете правы, но обязательно упустите что-нибудь важное и обесцените свой самый добродетельный поступок.

Что же до закоренелых грешников, то они не вмещают и самых простых, очевидных и естественных норм. Некоторые из этих людей блещут талантами и охотно рассуждают о тонкостях этики. Но разве можно сказать что-то путное, не любя нравственного закона и препарируя его как нечто тебе совершенно чуждое?

СУЩЕСТВУЮТ такие тонкие грани отрешённости и внутренней чистоты, такие глубокие движения совес-

ти, которые неведомы большинству искренних ревнителей благочестия. Даже в самых строгих монастырях, где всерьёз посвящают себя поиску совершенства, многие не подозревают, сколько в них тайного себялюбия и до какой степени их ревность подсказана человеческой ограниченностью и своекорыстием. В самом деле, как часто именно косность и несгибаемый формализм мешают подвижникам достичь истинной отрешённости.

Они оставили мирские амбиции и удовольствия, но взамен приобрели новые — более возвышенные, тонкие, духовные. Им, кажется, и в голову не приходит, что в самом их ревностном стремлении к совершенству есть какой-то изъян, — слишком они зависят от благ своего замкнутого мирка.

Монах, например, может привязаться к молитве, посту, к тому или иному виду благочестия, покаянного подвига, какой-нибудь книге, духовной системе, форме богомыслия, а то и к самому созерцанию, к молитвенным утешениям, добродетелям, — словом, к тому, что обычно считают знаком высокой святости. Тот, кто кажется праведным, бывает ослеплён чрезмерной любовью к вещам вторичным и остаётся, в сущности, в той же тьме и иллюзии, что и его гораздо менее совершенные собратья.

НЕКОТОРЫЕ созерцатели видят смысл и цель жизни в сосредоточенности, внутреннем покое, ощущении присутствия Божиего и не понимают, что скованы всем этим. Ведь сосредоточенность — такая же вещь, как, скажем, автомобиль, а внутренний мир, «ощущение» Божиего присутствия тварны, как вкус вина. И хотя одно духовно, а другое материально, привязанность — та же. Она может быть тонкой и тайной, но тем труднее её распознать и тем она пагубней.

Увы, есть подвижники, которые никогда не достигнут настоящей святости, никогда не станут близкими друзьями Божиими и не войдут в Его безграничную радость, потому что пристрастились к жалким утешениям, которые Бог посылает тем, кто стоит на ранних подступах к созерцанию.

МНОГИЕ просто не дорастают до созерцания, потому что целиком погружены в свои неотложные дела и замыслы. Эти люди всё время куда-то бегут и к чему-то стремятся, жаждут немедленного результата и осязаемого успеха. Они свято верят, что будут угодны Богу, если возьмутся за дюжину дел сразу. Иногда они горестно заламывают руки, сетуя, что у них совсем не осталось времени на молитву. Но никто им не верит. Они так наловчились обманывать самих себя, что не замечают собственной фальши. Послушно берясь за предложенную им работу, они высматривают, что бы ещё сделать, и чем больше делают, тем больше ошибаются. Всё валится у них из рук, но и это их не останавливает. Они уходят всё дальше от реальности, пока — по Божиему попущению — не попадут в собственные сети. Тогда, очнувшись, они видят, что беспечность довела их до явного греха, что они кого-то обидели или пренебрегли своим долгом. Будь у них внутренние силы, они бы исправили положение, но этих сил нет, и они только беспомощно опускают руки.

МНОГИЕ гасят первые искры созерцания, не дав им как следует разгореться. Внутренняя молитва так вдохновляет таких людей, что они сразу же рвутся научиться и обратись полмира, тогда как Бог от них этого не ждёт. Он хочет, чтобы они хранили молчание и внутренний

мир, прислушиваясь к той тайной работе, которую Он начал в их душах.

Если же вы скажете им, что они ревнуют не по разуму и действуют вопреки Божией воле, они посмотрят на вас как на еретика. Они воображают, что вот-вот добьются вожеленного результата, и потому твёрдо уверены в собственной правоте.

ТАЙНА внутреннего мира — в отрешённости. Человек, чья воля подчинена беспорядочным и смешанным желаниям, никогда не достигнет сосредоточения¹. Если им движет природа и себялюбие, то он останется ни с чем, как бы сильно он ни желал благодатной внутренней жизни, собранности, мира, молитвенного утешения.

Вы не обретёте ни настоящего мира, ни сосредоточенности, пока не отрешитесь от самого желания их иметь. Вы не сможете чисто молиться, пока не забудете про молитвенные утешения.

Если же вы откажетесь от всех этих желаний и будете искать только волю Божию, то Бог и посреди трудов, раздоров и испытаний пошлёт вам мир и присутствие духа.

КАКОЙ-ТО грубый материализм заставляет искренне благочестивых людей верить, что самоотречение — это всего лишь отказ от того, что услаждает пять телесных чувств.

На самом деле такой отказ — только начало.

Мы, конечно, должны освободиться от всего явного и плотского, чтобы в нас затеплилась хоть какая внутренняя жизнь. Но, сделав первый шаг, мы долж-

¹ Recollection.

ны идти вперёд, постепенно отрешаясь от благ умственных и духовных.

Человек, надеющийся стать созерцателем, ещё ничего не понял в созерцании, если отмечает только то, что противно здравому смыслу. Путь к Богу ведёт через глубокий мрак, потому что Его присутствие и неземная чистота Его света отменяют всякий иной свет — знание, земную мудрость, удовольствие, благоразумие, человеческую надежду и радость.

Мало одной разумной умеренности в обращении с духовным и материальным. Если мы действительно хотим обладать Богом, радоваться Ему, мы должны подняться над всяким обладанием и всякой радостью.

Даже духовные писатели нередко забывают об этом. Верно, конечно, что всё творение Божие благо, а умеренное и разумное обращение с ним приближает нас к Богу. Верно и то, что, соединившись с Богом, отрешившись от своего внешнего «я», человек способен радоваться красоте тварного мира, который вдруг становится прозрачен для Божественного света.

Но какая пропасть разделяет умеренность, разумную и праведную жизнь — и напоённую духом чистоту святых, вновь обрётённую невинность Адама, помещённого в рай на заре мира! Преодолеть эту пропасть может только отчаянный порыв аскетической отрешённости.

Жертвенность выше благоразумного воздержания и порядочности, поэтому созерцатель живёт Крестом Христовым. Мистическая смерть окончательно отделяет его от всего сотворённого и дарует ту совершенную свободу, без которой он не может войти в обетованную землю и соединиться с Богом.

«Смерть» разума и духа окончательно освобождает нас от привязанностей, но вызвать её собственным ас-

кетическим усилием мы не можем. Тёмная Ночь, мука, с корнем вырывающая нас из мира, — это чистый дар Божий. Сам Святой Дух вводит нас в истинный мрак, в сердце духовной пустыни, где Бог таинственно освобождает нас от смятения, беспорядочных нужд и желаний, чтобы даровать нам единство в Себе и с Собою. Но прежде мы должны подтвердить, что подвиг самоотречения для нас — не простая забава и мы всерьёз намерены *отказаться от привязанностей*.

Иными словами, мы должны, оставив простую умеренность, устремиться к совершенной пустоте. Только так мы взамен ограниченной человеческой праведности обретём свободу детей Божиих, которые всё видят и вкушают в Боге и для Бога, и поэтому во всём видят только свет и радость. Мистик живёт в пустоте, в свободе, где нет больше его ограниченной «самости», отделяющей его от Бога и от людей. Он умер со Христом и воскрес для «новой жизни», обещанной истинным детям Божиим. В эту Обетованную Землю попадает лишь тот, кто отрёкся и от радостей ранних ступеней созерцания.

ИТАК, истинное созерцание — это не череда духовных утешений. Это нечто большее, чем утончённое, священное, движимое верой и любовью художество ума и воли¹. Даже поднявшись над образами, чувствами, помыслами и наслаждаясь красотой Божией как чистой идеей, мы ещё не испытываем ничего сверх того, что заложено в человеческом естестве. Это наслаждение, наверное, — высшее из доступных нам по природе (хотя испытать его мы можем лишь при содействии

¹ Aestheticism of the intellect and of the will.

благодати). Но не будем путать его со сверхъестественным созерцанием, которое не может быть предметом природного желания, не может быть плодом одних только человеческих усилий.

Истинное созерцание — это плод любви, которая выводит нас за пределы всякого опыта и утешения, чтобы дать нам покой в ночи чистой и обнажённой веры. Эта вера так близко подводит нас к Богу, что мы словно касаемся Его, познаём Его, каков Он есть, хотя и остаёмся во мраке. Нередко присутствие Божие наполняет нас глубоким миром, который изливается и во все наши душевные силы, рождая переживание, «опыт». Но любой опыт — это лишь периферия созерцания, и если его нет, это не означает, что связь с Богом прервана.

Привязаться к «переживанию» мира означает поставить под угрозу ту истинную, живую, бытийную связь души с Богом, которая доступна нам во мраке чистой и совершенной любви, за пределами восприятия и переживаний.

И хотя внутренний мир иногда рождается от нашего единения с Богом, он всегда будет лишь знаком, чем-то привходящим. Само единение возможно и без него. Более того, как раз тогда, когда мы не ощущаем ни мира, ни присутствия Божиего, Бог бывает к нам ближе, чем когда бы то ни было.

Переоценив второстепенное, мы рискуем потерять существенное. Чувства могут помешать нам до конца предать себя Божией воле.

Если я решу, что самое главное в жизни — это внутренний мир, я приду в смятение, заметив, что его нет. Я постараюсь вызвать знакомое ощущение, но не смогу. Рано или поздно, отчаявшись, я откажусь принимать то, что не смогу контролировать, и потеряю са-

мое главное — согласие с волей Божией, без которого настоящий мир попросту невозможен.

Когда мы думаем о том, какая верность, отвага, решимость нужны, чтобы отречься от всего ради любви к Богу и подняться вверх по ступеням чистоты и созерцания, мы пугаемся собственной слабости, нищеты, лукавства, неверия, робости. Нас угнетает наша беспомощность. Мы понимаем, что должны оставить всё, но опускаем руки, не зная, как и с чего начать. В таком положении бесполезно себя принуждать к чему-либо. Всё, что нам нужно, — это терпеть, смиряться и молить Бога о свете, отваге, силе.

Если мы признаем свою трусость и поведем о ней Богу, Он рано или поздно скалится над нами и покажет нам путь к отрешённости и свободе.

29. УМНАЯ МОЛИТВА¹

Созерцание — это движение чистой любви, единение ума и воли с Богом, тайно приобщающее нас к Нему, каков Он есть. Чтобы достичь созерцания, мы развиваем и очищаем свой ум, волю и всю свою душу, пока наконец Бог, вмешавшись, не выведет нас окончательно за пределы нашей собственной природы. С этого момента Он Сам начинает совершенствовать наши внутренние силы, заставляя их умолкнуть во мраке, скрывающем Его неотмирный свет и любовь.

Но прежде чем это произойдёт, мы обычно готовим себя к созерцанию в меру своих сил и содействием благодати. Мы упражняемся в богомыслии и деятельной молитве², освобождаем волю от привязанности к чему бы то ни было в тварном мире и так постепенно углубляемся в познании Бога и любви к Нему.

О богомыслии и молитве написано так много и столько придумано разных методов и приёмов, что нет смысла повторяться. Скажу лишь, что все методы хороши для тех, кто правильно ими распорядится. Если вас поддерживает регулярное богомыслие, не оставляйте его. Только не бойтесь на какое-то время забыть о предписаниях и поразмышлять самостоятельно.

¹ *Mental prayer*. В понимании автора — это молитва, рождающаяся из богомыслия, или даже само богомыслие, а не практика, известная в православии как «умное делание».

² *Active forms of prayer*. В христианской аскетике «деятельность» предваряет созерцание.

Беда ведь не в методе, не в том, что он систематичен и безлик, — он и должен быть таким. Беда в том, что о нём забывают или неправильно его используют.

Книга о богомыслии не думает за вас, а учит думать. Если вы читаете её главу за главой, как роман, то тратите время впустую. Делайте паузу, как только какая-то мысль тронет ваш ум или сердце, — ведь вы уже начали богомыслие. Не надо неотступно следовать за автором к приготовленной им развязке. Он, может быть, пишет совсем не для вас; или Бог задумал о вас одно, а автор — совершенно другое.

Есть, правда, люди, которые задумаются, только взяв в руки книгу под названием «Богомыслие». Всё озаглавленное иначе они воспринимают как простое чтение.

Если вы новичок в духовной жизни, то сначала научитесь извлекать из того, что читаете, духовный смысл и включать его в свою жизнь. Самое лучшее, что вы можете сделать потом, — это выработать достаточную живость и свободу ума, чтобы находить свет, тепло, смысл и любовь к Богу повсюду, куда бы вы ни шли и что бы ни делали. Тот, кто думает о Боге только в специально отведённое время, навсегда останется новичком. Более того, он не сможет думать о Боге и тогда, когда «предаётся молитве».

УЧИТЕСЬ богомыслию с карандашом в руке. Рисуя или записывая, мы хорошо себе помогаем. Учитесь молиться, разглядывая картины, гуляя по городу или деревне. Возводите свой ум к Богу, не только держа в руках книгу, но и стоя на автобусной остановке или трясясь в поезде. А главное, вникайте в церковное богослужение; пусть оно станет частью вашей жизни, пусть войдёт в вашу душу и плоть.

МНОГИЕ практикуют богомыслие и умную молитву, но топчутся на месте, потому что не понимают их истинного назначения.

Одни ищут знаний о Боге и поначалу действительно их получают, укрепляясь в вере. Но это только преддверие богомыслия.

Другие хотят упражняться в добродетели и стараются почерпнуть мужества и решимости. Богомыслие приносит такие плоды, но это — лишь следующий шаг на пути.

Наконец третьи, будучи уже ближе к истине, ищут любви к Богу. Правы они или нет, зависит от того, как они понимают любовь. Если им достаточно *говорить* или *ощущать*, что они любят Бога, то и они заблуждаются.

БОГОМЫСЛИЕ имеет две стороны и оказывает двойное воздействие.

Во-первых, оно помогает нам обуздать наш разум, память и волю, чтобы мы смогли прийти в себя и отделиться от всего внешнего. А во-вторых, — и в этом его главная цель, — оно учит нас сознавать, что Бог рядом, и что ещё важнее — полагаться на Него и почти непрестанно направлять к Нему своё любящее внимание.

Богомыслие помогает нам освободиться от творений и мирских забот, которые несут нам лишь смятение и печаль, и войти в осознанное и любовное общение с Богом, в котором мы получаем от Него возделенную помощь и радостно воздаём Ему хвалу, честь, благодарение, любовь.

Неважно, сколько нас посетило блестящих мыслей, решились ли мы на что-то великое, испытали ли сильное чувство. Богомыслие действительно лишь тогда, когда

да мы — хоть в малой степени — постигли Бога. Но и это ещё не всё.

В конце концов опыт свидетельствует об одном: чем ближе мы к Богу, тем меньше спрашиваем себя, удалось ли нам постичь Его или узнать о Нём что-нибудь новое.

Итак, положим, богомыслие ввело вас в окружающее Бога облако, и вы чувствуете себя покинутыми и сбитыми с толку. «Мрак сделал покровом Своим».¹ Вы начинаете сознавать своё полное неведение и беспомощность и думаете, что богомыслие — дело совершенно безнадёжное и бесплодное. Вместе с тем вам кажется, что чем вы беспомощней, тем сильнее вы хотите видеть Бога, познавать Его. Разрыв между желанием и невозможностью его удовлетворить рождает в вас мучительную и неутолимую тоску по Богу.

Вы думаете, что у вас ничего не вышло? Напротив, ваше замешательство, мрак, ваше стремление и мучительная беспомощность говорят о том, что вы достигли желанной цели и богомыслие привело вашу душу к живому общению в любви с живым Богом. Ведь пока богомыслие рождает только образы, мысли и чувства, — словом, то, что вы можете ощутить, вообразить или понять, — оно ещё не совершенно. Поднимая вас над разумом и воображением, богомыслие действительно приближает вас к Богу, вводит во мрак, где вы уже не думаете о Нём, а простираетесь к Нему слепой верой, надеждой, любовью.

В этот самый момент помысел начнёт внушать вам, чтобы вы оставили умную молитву. Гоните его прочь. Какую бы тяжесть, сухость, муку вы ни испытывали,

¹ «Мрак сделал покровом Своим, сению вокруг Себя мрак вод, облаков воздушных» (Пс. 17:12).

возвращайтесь к молитве каждый день в отведённое для неё время. Рано или поздно ваше страдание и сокровенное действие благодати подскажут вам, как быть.

Возможно, ваша молитва станет такой простой и тёплой, что ваша воля почти без слов устремится в скрывающий Бога мрак, повинувшись немому, казалось бы, неисполнимому, но сверхъестественно твёрдому желанию знать и любить Его.

Ещё возможно, что, верой зная, что Бог рядом, и совершенно отчаявшись умом охватить беспредельную реальность Его присутствия, вы успокоитесь в простом созерцательном изумлении, которое принесёт покой и соберёт всё ваше внимание в Том, Кто скрыт от вас густым и властно влекущим к себе облаком.

С этого момента старайтесь молиться как можно проще.

Когда вернётся вкус к богомыслию, займитесь им, и если придёт какая-то мысль, следуйте за ней, только бесстрастно. Питайте свой ум чтением и церковной службой, а если устанете от мрака, в который погружает вас простая молитва, почувствуете безразличие или сонливость, помолитесь одними устами и положитесь на Бога. Только не старайтесь вызвать какую-нибудь мысль или возбудить в себе рвение. Не вредите себе, тщетно добиваясь того, о чём сказано в учебниках по богомыслию.

30. ПОМЕХИ

Настоящей любви и молитве мы учимся именно тогда, когда наши уста не могут произнести ни слова, а сердце становится каменным.

Если вы никогда не встречали помех, значит, вы не умеете молиться. Тайна молитвы — в горячем желании быть с Богом и видеть Его, в желании, которое куда глубже речи и чувств. И часто тот, кого через воображение и память преследуют тучи пустых или даже греховных образов и мыслей, гораздо лучше молится из глубины своего истерзанного сердца, чем кто-то другой, полный ясных идей и благих намерений и привыкший творить добро без особого ущерба для самого себя.

Если вы не в силах избавиться от помех, не унывайте. Поймите прежде всего, что в молитвенной жизни они неизбежны. Волна диких и пустых образов будет время от времени накрывать вас, сбивая с ног и причиняя немало страданий. В такие моменты не хватайтесь за книгу, как утопающий за соломинку. Вы, конечно, вольны читать, что хотите, но подменяя молитву духовным чтением, вы теряете свою награду. Набравшись терпения и противопостав внутренней буре, познавая собственную немощь и бессилие, вы добьётесь гораздо большего. Книга же, которую вы глотаете, как обезболивающее, не спасёт вас, а только всё разрушит.

Вот одна из причин, объясняющих, откуда берутся помехи. Все усилия разума, воображения и памяти,

вовлечённых в богомыслие, направлены только к тому, чтобы воля достигла желанной цели и предстала прямо перед Богом. Однако спустя несколько лет вы обнаруживаете, что едва вы расположите себя к молитве, как ваша воля без промедления берётся за своё обычное дело — любить Бога во мраке и безмолвии. Воля бывает занята, а ум, память, воображение — праздно. Тут-то в вашем подсознании и поднимается занавес, и на сцену выпархивают самые причудливые персонажи. Если вы мудры, то не обратите на них внимания. Препывайте же в простом предстоянии Богу, и пусть ваша воля продолжает мирно и просто склоняться к Нему, пока эти неясные тени мелькают где-то на дальнем фоне. Знать о них вы будете лишь то, что они вами отвергнуты.

Помехи, которых принято больше всего бояться, как правило — самого безобидного толка. И всё же некоторые благочестивые люди изводят себя на молитве за то, что якобы «приняли» блудный помысел или какую-нибудь несурязицу, которую их воображение нарисовало помимо их воли. Эти люди страдают по собственной вине. Безуспешно пытаясь остановить парад образов, они начинают сильно нервничать и только усугубляют своё печальное положение.

Если у них и было когда-то чувство юмора, то своей нервозностью они окончательно его истребили. Поглядев на себя с улыбкой, они бы себе хорошо помогли.

Случайные образы и помыслы не так страшны. Гораздо страшнее то, что уводит волю от глубокого и мирного союза с Богом и погружает в дела, которыми мы были заняты в течение дня. Нам часто противостоят вещи, которые по-настоящему привлекают и занимают нашу волю, и есть большая опасность, что наше

богомыслие вырождается в сеанс раздумий о том, как бы получше написать проповедь, письмо, книгу, речь, или — того хуже — о том, как раздобыть денег или поправить здоровье.

Тем, кто много работает, будет нелегко. Помыслы не дадут им покоя, но хорошо, если их натиск предостережёт их от излишнего усердия. Бесполезно ведь пытаться освободить ум на время богомыслия, если всё остальное время он занят только работой.

КАК БЫ ТО НИ БЫЛО, суть молитвы — в желании молиться, в стремлении найти Бога, знать и любить Его. Если в вас это есть, вы уже чего-то добились, ибо гораздо лучше желать Бога, не будучи в состоянии ясно размышлять о Нём, чем строить красивые теории и не хотеть слиться с Его волей.

Что бы нам ни мешало, будем молиться мирно, иногда даже без слов, обращая к Богу своё сердце. Он пребывает в нас, какие бы помыслы нас ни донимали. Не так важно, что мы думаем о Нём. Он всегда и неизменно рядом, иначе мы не смогли бы существовать. Помня об этом, мы обретём верный якорь для ума и сердца; нам будет не страшна буря помыслов и искушений, потому что, пройдя через них, мы станем только чище.

31. ДАР ВЕДЕНИЯ¹

Бог сотворил нас ради созерцания, ради того, чтобы мы познавали и любили Его, каков Он есть, постигали Его в глубинном и живом опыте, превосходящем всякое природное разумение. Созерцание — наша родная стихия, хотя оно и бесконечно выше нас самих. Как учит св. Фома², в нём реализуются наши глубинные способности, которые — по Божиему замыслу о нас — не могут быть реализованы никак иначе. Каждый из достигших той цели, ради которой он сотворён, будет созерцателем на небесах. Но многим ещё здесь, на земле, дано войти в пределы сверхприродного и дышать его неотмирным воздухом.

Поскольку созерцание уготовано нам Богом как наша родная стихия, то впервые вкусив его, мы вдруг сознаём, что оно одновременно и абсолютно ново, и удивительно знакомо.

Мы представляли его себе совершенно иначе (книжки обычно помогают лишь тем, у кого уже есть собственный опыт), но, оказывается, мы всегда знали, каким оно должно быть.

Созерцание проливает в наши души неотмирный свет, столь простой и ясный, что мы немедленно пробуждаемся к новому бытию. Мы входим в страну, о которой никогда раньше не помышляли, но которая теперь кажется нам знакомой и понятной. И пока не погаснет яркий свет созерцания, пока мы

¹ The gift of understanding.

² Фома Аквинский.

снова не спустимся на землю, старый чувственный мир будет казаться нам странным, далёким, иллюзорным.

СОЗЕРЦАТЕЛЬ постигает истину чистым и мирным ведением любви. Он не столько понимает истину, сколько погружается в неё. В сравнении с этим наше обыденное знание слепо, вымучено и недостоверно.

Рядом с явью созерцания естественный опыт, даже самый яркий, больше похож сон. Рядом с ясностью высшего ведения природная уверенность, даже самая глубокая и твёрдая, — всего лишь грёзы.

Душа поднимается с земли и говорит, как пробудившийся от сна Иаков: «Истинно Господь присутствует на месте сем; а я не знал!»¹ Теперь для неё реален только Бог; всё прочее находит в Нём своё истинное место, но делается ничтожным.

Хотя свет созерцания совершенно непрístupен для наших природных сил, он кажется нам «нормальным» и «естественным». В этом свете мы видим, не видя, обладаем ясностью, находясь во мраке. В нём мы твёрдо верим, ничего не понимая умом, наполняемся опытом, превосходящим всякий опыт, и с твердой надеждой нисходим в глубины, которые делают нас бессловесными.

«О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия!»²

В средоточии нашего естества открывается дверь к немислимой глубине, одновременно бесконечной и доступной. Затаив дыхание, мы спускаемся туда и обретаем вечность.

¹ Быт. 28:16.

² Рим. 11:33.

Бог касается нас Своей пустотой¹ и опустошает нас. Он действует в нас просто и делает простыми нас самих. Многообразие, сложность, парадоксы, множественность — всё уходит. Ум купается в ведении, в реальности, которая содержит всё в своём мраке. Некуда больше стремиться и нечего хотеть. Единственная наша печаль, — если ещё возможна какая-то печаль, — сознавать, что мы ещё не целиком в Боге.

Ибо сверхъестественное чутьё уже говорит нам, что внутри нас открылась бездна свободы, чтобы окончательно избавить нас от самости и даровать нам свою безмерную радость и дерзновение.

Тебе кажется, что ты остался прежним, да ты и есть прежний, ты — тот, кем всегда был. В сущности — ты стал самим собой больше, чем был когда-либо прежде. Ты едва начал существовать. Ты чувствуешь себя так, словно наконец-то по-настоящему родился. Прошлое было ошибкой, неумелой подготовкой к рождению. Теперь же ты в своей родной стихии, хотя и стал ничем. Ты погрузился в средоточие собственной нищеты и увидел там двери, распахнутые к бесконечной свободе, к богатству, которое целиком принадлежит тебе, хотя его и невозможно присвоить.

Теперь ты можешь входить в бесконечность и выходить из неё.

Не пытайся постичь эти разверзшиеся внутри тебя глубины мрака, полные свободы и ликования.

¹ Пустота — состояние души, проходящей через темную ночь на пути к Богу (см. примечание к эссе «Ночь чувств»). «Бог... желает опустошить душу от всего, чтобы она стала достойным жертвенником, в коем пребывает Всевышний» (Святой Хуан де ла Крус. Восхождение на гору Кармель. Указ. изд. Кн. 1, гл. 5, § 7). «Сии три добродетели, вера, надежда и любовь, <...>, порождают пустоту и мрак каждая в своей области: вера — в разуме, надежда в памяти и любовь в воле» (там же. Кн. 1, гл. 6, § 1).

У этих глубин нет ни места, ни протяжённости. Они — величественное и плавное действие, сама Любовь, внутри тебя отвоевавшая себе обширное и неприступное владение.

Нет ничего, что могло бы проникнуть в средоточие этого мира. Извне ничто не может войти внутрь. Эта прекрасная благоухающая ночь вмещает не всё, что есть внутри тебя. Её беззвёздному небу чужды чувства, воображение, разум, жадные стремления.

Ты входишь во мрак и выходишь из него, а если пытаешься подобрать для него слово, то выпадаешь из него и возвращаешься во внешний мир, чтобы там говорить.

Впрочем, даже если воображение и разум чем-то заняты, оставаясь при дверях этого мрака, ты можешь безопасно и бестревожно покоиться в его непостижимом мире.

Воображение и разум будут ждать, когда вернётся жена, их царица и повелительница.

Лучше бы они умолкли. Но ты теперь знаешь, что это не в твоей власти. Безмолвие — дар, приходящий из недр безмятежного мрака и всецело зависящий от того, что решит Любовь.

В простоте этого неделимого и неприступного внутреннего мира сокрыта безмерная милость, елей, который благоухает, пока его не коснёшься. Не пытайся им владеть, не тянись к нему, не касайся его и не бери. Трагь его и не стремись сделать его ещё благоуханней...

В созерцании душа испытывает почти то же, что Адам и его жена в раю. Всё принадлежит ей, но при одном бесконечно важном условии: *всё это — дар.*

Нет ничего, что ты можешь требовать или брать. Попробуй что-то присвоить — будешь изгнан из рая.

Ангел с пламенным мечом преграждает путь всякой самости, ничтожному и одинокому «я», которое говорит: «я хочу...», «мне нужно...», «я требую...» В рай входит не индивид, а целостная личность.

Только величайшее смирение помогает сохранить интуитивную чуткость, бережность, не давая погнаться за усладой и утешением, которые мы получаем во мраке. Понадеявшись на собственные силы или захотев ещё больше чистого и безмятежного покоя, мы оскверняем и расточаем совершенный дар. Бог даёт его лишь тогда, когда наше естество успокоилось и умолкло.

Сами мы лишь можем до последних своих глубин осознать, что недостойны этого чистого дара. Сколько бы мы к нему ни стремились, сколько бы ни приложили усилий, какую бы доблесть ни проявили, мы не можем ни стяжать его, ни сохранить, ни умножить. Часто то, что мы делаем, только мешает пробиться к нам тихому, умиротворяющему свету. Правда, Бог иногда ждёт, чтобы мы потрудились из любви к ближнему и по послушанию, дабы тайно быть рядом с нами — по Своей благодати, а не по нашему усердию.

Мы приготовим себя к принятию великого дара от Бога, если погрузимся в собственную нищету и насколько возможно оградим душу от желаний, забот и наслаждений, как бы они ни были чисты и возвышенны.

Когда же Бог откроется нам в созерцании, мы должны принять Его, каков Он есть, в Его сокровенности и молчании, не мешая Ему своими доводами, словами, идеями или действиями, принадлежащими нашему обыденному, тяжеловесному бытию.

Мы должны откликнуться на дар Божий свободным благодарением, радостью, ликованием, — даже не словами, а блаженством молчаливого принятия. «Ос-

тановитесь и познайте, что Я — Бог»¹. Всё воздаёт хвалу Богу — и наша внутренняя нищета перед бездной Его бытия, и наше молчание перед Его преизобилующим безмолвием, и наша радость в лоне Его ясного мрака, где нас окутывает Его свет. Всё это рождает любовь к Богу, удивление и поклонение; из недр Божиего покоя поднимаются волны и разбиваются о берег нашей души необъятным и бесшумным прибоем бессловесной хвалы и славы!

Ясный Божий мрак — это чистота сердца, о которой говорил Христос: *Beati mundo corde, quoniam ipsi Deum videbunt*.² Блажен тот, кто хоть на краткое время избавлен от образов и понятий, форм и теней, от всего, к чему люди так жадно стремятся; блажен, кто избавлен от жалких и обманчивых аналогий, которые мы обычно относим к Богу. Всё это хорошо на своём месте, но всё это на какое-то время становится тщетным рядом с достоверностью глубокого и пронзительного опыта.

Иногда мрак Божий рождает в нас такую сильную любовь, что мы на время сбрасываем с себя постылое бремя себялюбия и становимся малыми детьми, которым принадлежит Царство Небесное³.

Когда же Бог снова возвращает нас в сумятицу желаний, оценок и искушений, мы видим, что на сердце остался шрам, — в том месте, где некогда царила радость.

¹ Пс. 45:11.

² «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (лат., Мф. 5:8).

³ «Но Иисус сказал: пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное» (Мф. 19:14).

«Истинно говорю вам: если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное» (Мф. 18:3).

Этот шрам горит. Внутри нас ноет живая рана, напоминая, что мы снова потеряли себя и нам ещё не позволено оставаться там, где нас хотел бы видеть Бог. Мы тоскуем по этому месту, плачем, ожидая часа, когда придёт совершенная нищета, введёт в свою свободу и уже никогда не отпустит. Мы ждём, когда поселимся в раю простых и малых детей, чтобы не возвращаться больше туда, где мудрые мира сего суетятся и горюют, пытаясь поймать счастье, которого нет.

Вот дар ведения: выйти из себя в радость пустоты и никчёмности, где нет ограниченного знания, а есть только истина Божия — безграничная, совершенная и беспорочная. Её чистый свет несёт в себе сияние раю. Этот свет выше всякой гордыни, выше суждений, обладания, одиночества. Он во всём и для всех. Это истинный свет, сияющий в каждом, во всяком человеке, «приходящем в мир»¹. Это свет Христа, который «в мире был ... и мир Его не познал»².

¹ «Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Ин. 1:9).

² Ин. 1:10.

32. Ночь чувств¹

Созерцание не всегда начинается с властного вторжения света, явного ощущения присутствия Божиего. Мгновения свободы, духовного прозрения и силы сравнительно редки, но мы быстро узнаём эти внезапные и яркие вспышки ведения, «лучи мрака», врывающиеся в душу и меняющие течение жизни. Эти лучи устраняют сомнения и срывают с глаз покров слепоты. Они освещают в нас такую глубокую, мирную и неведомую доверие уверенность, что их нельзя забыть или спутать с чем-то ещё.

Однако если ждать яркого опыта и только потом думать о созерцании, прождёшь долго, чуть ли не всю жизнь, и скорее всего ничего не дождёшься.

Чаще всего душа учится созерцанию постепенно, незаметно переходя с одной ступени на другую. Более того, не пройдя длительного испытания, не умея медленно и терпеливо идти вперёд во мраке чистой веры, душа так и останется ни с чем. Несколько редких посещений ведения и премудрости не сделают человека созерцателем в полном смысле этого слова: созерцательная молитва должна в нас укорениться.

¹ The night of the senses. Мертон пишет о духовной жизни, используя лексику и опыт св. Иоанна Креста. «Душе, чтобы достичь единения с Богом, необходимо пройти через эту тёмную ночь умерщвления желаний [то же, что и ночь чувств. — Прим. перев.] и отвергнуть пристрастие ко всем вещам» (Святой Хуан де ла Крус. Восхождение на гору Кармель. Указ. изд. Кн. 1, гл. 4). «Величайшее невежество полагать, что душа сможет достичь этого высшего единения с Богом, если прежде не перестанет желать каких-либо вещей, естественных или сверхъестественных» (там же. Кн. 1, гл. 5, § 2).

Как ни странно, многие из тех, кто посвятил себя ей, часто не понимают, что стоят на пороге созерцания. Они не знают, как ценно сокровенное богопознание, и думают, что внутренний рост — это всегда движение к ясности и осязуемому рвению. В них вот-вот «родится» созерцатель, а они воображают, будто их внутренняя жизнь кончилась. Они смущены и расстроены. Им кажется, что они в тупике. Но если бы они терпеливо и смиренно оставались в покое, если бы забыли о себе, молчаливо доверившись Богу, то постепенно осознали бы, что никакого тупика нет. Они увидели бы, что мрак и печаль пригодны для обитания, что какая-то кроткая и осторожная сила очищает их от ложных надежд и иллюзий, готовит их к путешествию через пустыню, чтобы после долгих скитаний привести в Землю Обетованную.

НЕ БУДЕМ забывать, что путь к созерцанию лежит через бесплодную, однообразную, безводную пустыню. Вступая в неё, дух теряет ориентиры; ему кажется, что он только удаляется от света, Бога, радости, исполнения надежд. Временами он даже не верит, что когда-нибудь выберется из этого заброшенного места, где похоронены все его надежды и благие намерения.

Вид этой пустыни так страшен, что мало кто решается ступить на её раскалённый песок и пойти меж её камней. Мало кто верит, что найдёт созерцание и святость в этой глуши, где нет ни пищи, ни крова, ни отдохновения разуму, чувству, природным желаниям.

Люди считают мериллом совершенства блестящие прозрения, объётое пламенем любви устремление воли. Они убеждены, что святость — это осязуемый пыл и осязаемый результат, а созерцание — услада разума,

утешение, радость. Они хотят знать, куда идут, и понимать, что делают. Не видя зримого плода, они поворачивают назад и бегут на свои тучные пажити. Они хотят быть уверены, что заняты делом и куда-то движутся. Вождленного успеха они достигают не всегда, зато всегда уверены, что на славу потрудились, раз долго молились и постились, хорошо проповедовали, много прочли или написали, раз они наслышаны о медитации, освоили сотню приёмов благочестия, исколесили полмира, путешествуя по святым местам. Само по себе всё это не плохо, но в человеческой жизни наступает момент, когда это становится бегством, болеутоляющей пилюлей, отказом от страданий, мрака, неопределённости и беспомощности, через которые Бог проводит нас, дабы сорвать с нас личину ложного «я» и сделать новыми людьми, — теми, кем мы призваны стать.

КОГДА Бог начинает просвещать дух человека, устремлённого к созерцанию, светом мудрости и ведения, человек часто не понимает, что его надежды сбылись. Более того, ему кажется, что все они рухнули.

Его разум робко погружается в полумрак чуждой и безмолвной ночи; тишина приводит его в смятение; ему тесно и неудобно. Он ощущает непонятную тяжесть и отвращение к самому себе. Человека преследует страх. Он думает, что наступившее бессилие — грех, признак несовершенства, и пытается подстегнуть разум и волю. Надеясь выжать из себя хоть какое-то рвение, он окончательно всё губит. Некогда дорогие сердцу красивые образы и идеи тускнеют, вызывают отвращение и даже пугают. Бога нигде нет, а слова молитвы возвращаются назад, как глухое эхо — от стен мёртвой пещеры.

Душа, побеждённая страхом, нетерпением или тревогой, непременно зайдёт в тупик. Она будет мучить себя, пытаясь увидеть хоть какой-нибудь свет, хоть как-то согреться и вернуть старые, безвозвратно потерянные утешения. В конце концов она побежит из этого мрака и обязательно ослепит себя первым забрезжившим светом.

И всё-таки есть те, которых влечёт вглубь пустыни. Бог их ведёт, и они идут за Ним, несмотря на растерянность и тревогу. Они не могут думать или предаваться богомыслию, их мучит воображение, а молитва не даёт света, не утешает и не прибавляет благочестия.

Лишь какое-то тайное чутьё говорит им, что в сердцевине мрака их ожидает мир. Что-то побуждает их тихо довериться Богу, хранить молчание, прислушиваясь к Его голосу, всё сносить и не выходить из себя. Они теряют покой и равновесие, пытаясь вернуть богомыслие. Но вместе с тем — ощущают, что едва уловимый, необъяснимый мир начинает проникать в их душу, неся с собой глубокую и невыразимую радость, когда они пребывают в немоте обнажённой истины, покоясь в простом трезвении и напряжённо вглядываясь во мрак, который приводит разум в замешательство. Радость, которую они испытывают, невозможно ни назвать, ни охватить умом. Её неясные, проступающие из мрака черты ускользают от пристального взгляда. Но всё-таки она есть.

Что это такое? Трудно сказать. Наверное, это «воля Божия» или просто — «Бог».

33. Путь через пустыню

Тот, чей дух не сломлен сухостью и бессилием, кто мирно доверился Богу, ведущему его через пустыню, и не ищет поддержки и водительства нигде, кроме чистой веры и упования, будет введён в Землю Обетованную. Он вкусит мира и радости единения с Богом. Ничего «не видя», он будет утешаться ощущением сокровенного, таинственного присутствия Бога, объемлющего Своим Промыслом все события его жизни.

Не побоявшись предать свой духовный путь в Божьи руки, оставив молитву, праведность, заслуги, милосердие и все прочие дары на попечение Того, Кто только и может их даровать, человек очень скоро соединится с Богом и обретёт мир. Он освободится от забот, и от этого мир его будет тем более сладок.

ПОДОБНО тому как свет веры кажется разуму мраком, дарованные свыше созерцание и любовь поначалу кажутся нам бездействием. Нас охватывают смятение и тревога; мы не можем оставаться в покое. Привыкнув быть первопричиной собственных действий, мы страдаем и ропщем, видя, что наши природные способности не находят обычного применения.

Созерцание поднимает нас над нашим естеством.

Пока из окна самолёта видна земля, понимаешь, куда-то летишь. Когда же земля исчезает, теряешь ощущение скорости, хоть и движешься гораздо быстрее.

ИМЕЯ разумные основания полагать, что Бог чёт наш дух к созерцанию, отложим всякую деятельность и размышления и будем довольствоваться простой, безобразной молитвой; будем трезвиться в пустоте ожидая, когда Бог совершит в нас Свою волю. Отбросим всякую тревогу и стремление к уже знакомому опыту. Всё прежнее недостоверно и несоразмерно с тем, куда нас ведёт Бог.

Но что это за разумные основания? — спросите. И как понять, что можно без опаски отложить богосмыслие и успокоиться в бездейтельном ожидании?

Прежде всего, если деятельная молитва¹ и богосмыслие легки, непринуждённы и плодоносны, то оставших не надо. Если же они тяготят нас, изматывают, туплят восприятие и не дают сосредоточиться, то вредим сами себе, навязывая разуму мысль, а волю правило. Бывает, что наше воображение живо и занято вещами прекрасными, духовными, но не приносит плода, ни утешения, а только утомляет и выбивает из колеи. В этом случае активное богосмыслие лучше отложить. И если в то же время простое и доверчивое ожидание помощи от Бога питает нас и даёт ощущение мира, то лучше довольствоваться малым, чем подталкивать разум и волю, старясь выжать из них мысли и чувство. Присмотревшись к себе, мы без труда увидим, что наш разум занят одной безграничной и совершенной мыслью о Боге, а волю объёмлет — чуть ли не преследует — слепое, неопределённое стремление Нему. Всё это вводит нас во мрак, рождает в нас чувство беспомощности, тревогу, делает осознание конкретных действий одновременно утомительным и тщетными. Но если мы пребудем в пустоте и молча

¹ Affective prayer.

нии, мы, быть может, ощутим, что нами овладевает жажда, готовность идти к Богу во мраке и слепоте, и что в то же время в нашей душе водворяется мир, хотя мы ещё не добились ощутимого результата.

С другой стороны, если ум без богомыслия теряет остроту, а воля подвижность; если, прислонившись к стене, мы тратим свои полчаса на мысли о предстоящем ужине, — значит, с нами что-то не так. Лень и сонное безразличие, бывает, маскируются под «молитвенную тишину и бездействие». Никто ещё не стал созерцателем, просто сидя без дела, *ipso facto*².

Иногда хорошо помогают книги. Читая Библию или что-то духовное, легко войти в молитву, даже если не получается «думать». Если вас привлёк какой-то отрывок или фраза, прервитесь и подумайте, впитайте его в себя, рассмотрите со всех сторон; спокойно, исподволь, не вдаваясь в детали, поразмышляйте, попытайтесь схватить целое, а потом успокойтесь в тихом упоении на Бога. Когда появятся посторонние мысли, вернитесь к книге — к тому же месту или уже к другому. Умная молитва приходит не только за чтением, но и тогда, когда мы смотрим на картину, распятие или предстоим Святым Дарам; наконец — когда просто идём по лесу. Природные просторы, покой, исходящий от полей и холмов, способны надолго погрузить созерцателя в тихий поток мира и устремлённости к Богу.

СОЗЕРЦАТЕЛЬНАЯ молитва только кажется бездейственным. На самом же деле — это глубинная напряжённая, сверхъестественная деятельность разума и воли, захватывающая нас целиком и приносящая неисчислимые плоды.

² В силу самого факта (лат.).

Не бывает такой молитвы, когда мы совершенно ничего не делаем. Когда ничего не делаешь, то и не молишься. С другой стороны, когда внутри нас действует Бог, мы не способны осознать, что с нами происходит, не видим плода собственных усилий.

Созерцательная молитва — это глубокое и простое духовное делание, когда разум и воля всецело сосредоточены на Боге, обращены к Нему, поглощены Им, пронизаны Его светом; когда мы смиренно взираем на Него, выражая своё совершенное поклонение, молчаливо соглашаясь оставить ради Него всё, включая и самих себя, потому что нам важен только Он, и только Он — наше желание и наша жизнь, и ничто иное не принесёт нам радости.

Путешествующим во мраке прежде всего нужны твёрдая вера в Божественное водительство и мужество, чтобы всё поставить на карту ради Бога. Иногда они думают, что пустились в авантюру. Иногда они делают ошибки и даже обманывают самих себя. Но смирение и покорность доброму наставнику всё сгладит, даже если тот не всегда прав. Надо довериться Богу, который восполняет всякую неполноту и обращает зло в великое благо. Не так важно для созерцательной жизни, чтобы вы или ваш наставник были всегда непогрешимо *правы*. Важно, чтобы вы были до конца преданы милости и любви. Приводя вас к кому-то, Бог обещает дать вам всё, чтобы вы нашли Его. Будьте же верны Его обетованию.

Нельзя сказать, что в состоянии «мрака» человек не способен к каким-либо конкретным действиям, но они не являются истинными. Но если мы пребудем в состоянии

34. ЛОЖНОЕ ПЛАМЯ

На любой ступени духовной жизни и даже тогда, когда этой жизни нет, человек может ощутить, что пылает или кипит, а любовь к Богу и к людям, иногда — разумная, иногда — восторженная, переливается через край. Если у него совсем нет опыта, он решит, что достиг святости, поскольку испытывает святые чувства.

На самом деле они значат немного, а то и совсем ничего. Собственно, это — опьянение, вызванное удовольствием и очень похожее на слезы, которые льёт ребенок в кино.

Сами по себе эти страстные чувства нейтральны. Испытывать их можно и во благо, и во зло. Для новоначальных они, как правило, полезны, но даже в начале глупо на них полагаться, потому что рано или поздно придётся обходиться без них. Более того, духовная жизнь толком и не начнётся, пока мы не отвыкнем хоть в какой-то мере от этой подпитки.

Мы вносим в духовную жизнь и страсти, и разум, словно запас топлива, которое вспыхивает от искр, загорающихся во мраке созерцания.

Душа взрывается пьянящей радостью, которая может быть здоровой и доброй, но связана в той или иной мере с нашей животной природой, хотя сама искра, вполне возможно, была сверхъестественной.

Пожар пылает несколько минут или полчаса, и пока он не угас, мы испытываем сильную, хотя и обманчивую радость. Нередко она выдаёт себя тем, что

рождает в душе какую-то тяжесть, которая и подсказывает нам, что наша радость происходит от незрелости чувств. Иногда она приносит пользу, скажем — ободряет нас в праздничный день, после долгих недель борьбы и скорби. Однако все это — дело естества. Пользы тут не больше, чем от шампанского или плавания, — что, впрочем, тоже неплохо.

Опасность начинается, когда мы приписываем религиозному чувству недолжную ценность. Честно говоря, оно вообще не важно и, хотя без него порой просто нельзя, стремиться к нему не стоит. Каждый, кто прошёл хоть какое-то духовное обучение, знает, что тяга к таким утешениям не поощряется. Однако многие из тех, кто вроде бы выше «душевности», любят слащавые картинки, слезливую музыку и елейное чтение. Их сердце, несомненно, сосредоточено на «явлениях», «утешениях», «покаянных слезах», если не на «голосах», — а может, и на плохо скрытой надежде, что им все же выпадет парочка видений, а там и стигматы.

Если вы действительно призваны к созерцанию, то рискуете всё потерять, увлекшись «переживаниями». Многие разбивались об эту скалу. К сожалению, даже в созерцательных орденах не всегда чувствуют разницу между настоящим мистическим созерцанием и случайными чувствами, которые могут быть, а могут и не быть сверхъестественными, и которые уж никак не связаны со святостью или с чистой любовью.

Лучше всего почти инстинктивно бежать от всяких услад. Плода они не принесут, надолго не утешат, не скажут ничего путного ни о вас самих, ни о Боге. Дают они не силу, а мимолетную иллюзию святости.

Когда же вы станете опытной, они ослепят вас, обманут, уведут в сторону.

Пытайтесь же избежать их и поводов к ним, если эти поводы знаете. Противьтесь им, хотя достаточно бывает и спокойного безразличия.

Если же вам никак не справиться с этим опьянением, перетерпите его, смиритесь, даже благодарите: ведь это показывает, сколько в вас сохранилось горячего. Уклонитесь от эксцессов, а прочее предоставьте Богу, ожидая того часа, когда Он даст вам духовную радость, чистое созерцание, в котором ваше естество, ваши чувства и ваша самость не поднимают бунта; когда вместо опьянения вы ощутите в себе движение оснoбождённого Богом духа.

У страсти и чувства своё место в молитвенной жизни, но их надо очистить, усмирить, подчинить высшей любви. Тогда и они разделят духовную радость и даже по-своему немного ей поспособствуют. Пока же они незрелы, нам нужны не «сладость молитвы», а строгость и самообладание. Покой придёт лишь тогда, когда наши чувства станут чисты, ясны, мирны, кротки, отрешенны, не заняты самими собой, а главное — смиренны, послушны здравому смыслу и благодати.

35. ОТРЕЧЕНИЕ

Путь к созерцанию столь тёмный, что лишен всякого драматизма. В нём нет ничего, чем можно полюбоваться, ничего героического или даже необычного. Вот почему созерцатель так ценит будничные труд, нищету, тяготу, однообразие и стремится жить как неприметный, забытый миром бедняк.

Христос, пришедший на землю, чтобы сделать из людей созерцателей и научить их святости и молитве, не окружал Себя аскетами, которые постятся до изнеможения и пугают народ непонятным экстазом. Его апостолы — это ремесленники, рыбаки, мытари, — люди, примечательные лишь своим полным равнодушием к замысловатому благочестию и нравственной гимнастике профессиональных святош.

Самая надёжная аскеза — это мучительная незащищённость, тяжкий труд и ничтожность всеми забытого и беспомощного нищего, который не знает ни почёта, ни утешения и послушно трудится за гроши, а то и просто задаром. Это тяжёлая школа, и большинство благочестивых людей делают всё, чтобы в неё не попасть.

Не будем, однако, никого винить. Горести и нищета сами по себе не ведут к созерцанию, а созерцательный монастырь не должен походять на трущобу или многоквартирный дом. Святыми нас делает не грязь, голод и бедность, а любовь к нищете и нищим.

Монастырю, если он действительно учит молитве, нравственно необходим хоть мало-мальски устой-

чивый быт и материальный достаток. (Речь, конечно, не идёт о комфорте, сытом благополучии и хорошей жизни.) Созерцатель должен, с одной стороны, иметь необходимую пищу, одежду и крышу над головой, а с другой — разделять тяготы нищих. Он должен искренно и честно приравнять себя к ним, смотреть на жизнь их глазами, быть действительно одним из них. А чтобы всё это не было игрой, созерцатель должен пойти на известный риск: делать работу, которую он предпочёл бы не делать, терпеливо сносить лишения, довольствоваться вещами, оставляющими желать много лучшего.

Одни, будучи набожны, говорят, будто любят Бога, но ненавидят нищету, трепещут при одной мысли о незащищённости, голоде, грязи. Другие живут среди нищих, но не потому, что любят Бога и людей (в Бога они не верят), а потому, что ненавидят богатых и хотят, чтобы все остальные были с ними наравне. Почему же люди так охотно страдают, упиваясь собственной злобой, и так редко становятся нищими по любви, чтобы в нищете искать Бога и дарить Его другим?

НЕ стоит, однако, думать, что не станешь созерцателем, пока не поселишься в каком-нибудь нарочито бедном, отвратительном месте. Там, где живут скромно и устают от работы, где полагаются на Бога, а не на материальное, где изо всех сил стараются ладить с теми, кто не всегда добр и учтив, обычно царят мир, покой, радость, благодарность за свою судьбу. Во всём этом есть своя привлекательность. Более того, бедная трудовая жизнь бывает иногда прекраснее утончённого быта тех, кто тратит уйму денег, чтобы купить красоту и окружить себя приятными вещами. Каждый, кто бы-

вал у французских или итальянских крестьян, очень хорошо это знает.

У траппистов крестьянский быт. И чем он скромнее и проще, чем ближе к быту тружеников, добывающих себе пропитание из земли, тем лучше обитель справляется со своей миссией — вести людей к созерцанию.

Хорошо, когда монастырь беден, а монахи довольствуются старым залатанным облачением и зависят от своих полей больше, чем от пожертвований прихожан и благотворителей. Но всякой бедности есть предел, и крайнее лишение пагубно. Что толку спрашивать человека о созерцании, когда он болен, истощён сверх меры и измотан борьбой за выживание? Как бы ни был беден монастырь, его насельники должны расти духовно, а не сражаться с нищетой, заботясь об одном лишь пропитании и жертвуя всем ради ручного труда.

Иногда старый монах, всю свою жизнь делавший сыр, пекший хлеб, чинивший ботинки или правивший упряжкой мулов, более свят и духовен, чем священник, знающий Писание, начитанный и много времени посвятивший созерцанию и молитве.

Похожих историй рассказывают так много, что они давно уже стали притчами. И всё-таки учёность — не помеха для созерцательной жизни, а направленная в нужное русло умственная работа — хорошая школа смирения. Притчей же о «старом монахе-сыроделе» и «гордом учёном священнике» обычно оправдывают своё презрение к богословской мысли. Хорошо ведь, когда монахи безропотно выполняют ручной труд, но чем более они сведущи в богословии, тем значительней их смирение и трудолюбие.

Человек смиренный охотно берётся за то, что требуют обстоятельства жизни. Священник, например, учится, чтобы наставлять паству. И если он этого не делает, думая остаться простым и смиренным, он совсем не смирен. Скорее всего, он гордится неучённостью, как интеллектуальный сноб — знанием. Никто еще не стал созерцателем только потому, что *ничего не знал*.

Созерцание не противостоит богословию, а восполняет его. Не надо разделять разумное постижение богооткровенных истин — и созерцательное, словно первое ничего не знает про второе. Догматика и мистика, богословие и «духовность» — это две стороны одной медали. И напрасно мистику считают уделом благочестивых женщин, а богословие — практичных, но не слишком благочестивых мужчин. Это лишь подчеркивает ущербность и тех и других. Богословие и созерцание неразрывны, как душа и тело. Разделите их — и из богословия уйдёт огонь, живость, дух, а созерцательная жизнь потеряет опору, содержание, смысл.

Первым делом созерцатель должен научиться не лезть в чужие дела.

Нет ничего подозрительней в людях внешне благочестивых, чем настырность и желание перевоспитывать других.

Ничто так не вредит внутренней собранности, как стремление наставить чужую паству, повлиять на того, кто об этом не просит, наказывать тебе неподвластных. Если хочешь сохранить мир, откажись от напрасной суеты о чужих делах!

Старайтесь не замечать чужих ошибок и совсем не смотрите на природные недостатки и странности ближних.

СВЯТОСТЬ не в том, чтобы отвергать явный грех и избегать того, что откровенно плохо, позорно и разрушительно. Она не в том, чтобы совершать поступки, которые, по общему признанию, требует от нас наше человеческое достоинство.

Тот, кто бежит от порока и стремится к добродетели, ещё не свят. Он просто стал человеком, положил необходимое и угодное Богу начало, ибо стяжать совершенство можно, только очистив (благодаря Божией) своё человеческое естество. Сначала надо стать человеком, а потом — святым. Животное никогда не будет созерцателем.

Иногда бывает сравнительно легко избавиться от грехов, которые осознал, иногда — чрезвычайно трудно. Но и избавившись от них, мы не достигнем внутренней чистоты и совершенства. Чтобы стать совершенным, нужно искоренить в себе неосознанную привязанность к вещам, отречься от собственной воли и желаний.

Решимость и разумная аскеза — едва ли не единственный путь к победе над теми грехами, в которые люди впадают по собственной воле. Вы планируете кампанию, разыгрываете её и корректируете ход сражения. Вы молитесь, страдаете, упорно идёте вперёд, от чего-то отказываетесь, питаетесь надеждой, проливаете пот, постепенно отвоёвывая себе всё больше свободы.

Когда же всё кончится и вы выработаете в себе добрый нрав, не забудьте, как вы были уязвлены, безоружны, беспомощны. Помните, что вы победили только благодаря Богу, который сражался внутри вас.

Глубокие и неосознанные привязанности куда опасней. Спланированные кампании им только на руку. Разве наши благие намерения не бывают про-

диктованы тем пороком, от которого нам надо избавиться? Человек гордый, например, постится и смиряет плоть, дабы почувствовать себя таким атлетом. Вместо того, чтобы истребить тщеславие, он его укрепляет.

Опасное обольщение грозит тому, кто в меру праведен и готов возомнить себя совершенным. Неистинное стремление к святости только усилит его скрытые изъяны и утвердит его в привязанности к собственным суждениям и воле.

Пытаясь одолеть свои тайные привязанности (те, что не видны нам самим, ибо в них — причина нашей духовной слепоты), нельзя рассчитывать на собственную предприимчивость. Значит, всю инициативу нужно отдать Богу, действующему в нас прямо, в ночи сухости и муки¹, или косвенно, через жизненные обстоятельства и других людей.

Именно в этот момент многие благочестивые люди теряют присутствие духа. Они наотрез отказываются идти дальше, если не видят перед собой дороги и не могут положиться на собственный свет. Они не доверяют никому, кроме себя. Их вера — большей частью самообман, построенный на игре чувств². Она коренится в их ощущениях, телесности, темпераменте и больше похожа на природный оптимизм, который питают

¹ The night of aridity and suffering — снова аллюзия на писания св. Иоанна Креста. The night of the aridity of the senses (ночь сухости чувств) встречается в его «Тёмной ночи» (St. John of the Cross. *The Dark Night*. Book 1, ch.9. The Collected Works of St. John of the Cross, translated by Kieran Kavanaugh, OCD, and Otilio Rodriguez, OCD, revised edition (1991)). У св. Иоанна речь идёт об особом состоянии, которое Бог посылает тем, кто идёт к созерцанию, чтобы очистить их природные способности и чтобы они перестали искать какой-либо чувственно осязаемой сладости на пути к Богу.

² Emotional illusion.

добрые дела и согревает одобрение ближних. Когда же одобрения нет, их спасает самодовольство.

Чего стоит наша вера, мы узнаем, лишь вступив во мрак, где мы одиноки, наги, беспомощны; где наша сила бессильна, а праведность лжива; где мы не можем положиться на себя; где подводит природное благодушие, и ничто в целом мире не указывает нам путь и не даёт света.

Очутившись во мраке, мы понимаем, что никуда не годны, достойны всякого презрения, бессильны, сокрушены, истерзаны, лишены отрады и утешения. Но именно так наша душа избавляется от скрытой в ней тайной самости. Мрак дарует нам истинную свободу, оставленность — силу, а ночь опустошает¹ нас и очищает.

НЕ ищите покоя в удовольствии, потому что вы созданы не для удовольствия, а для духовной радости. Если вы не знаете, чем одно отличается от другого, вы ещё не начали жить.

Этот мир полон боли. Но боль, мешая удовольствию, не всегда мешает счастью и радости. Войдя в полноту свободы, мы беспрепятственно достигаем высшей цели, совершенства бескорыстной любви, и одновременно обретаем неистребимую духовную радость.

Если мы эгоистичны, то страдаем всякий раз, когда нас лишают благ, которыми мы собирались наслаждаться в одиночку; если же — бескорыстны, то страдаем только от проявлений самости. Удовольствие тускнеет и умирает от страданий и боли. Духовная радость не замечает страданий, смеётся над ними или использует их, чтобы низложить своего главного врага — себялюбие.

¹ Empties us.

Истинная радость — в совершенном стремлении к тому, ради чего мы сотворены: в ревностном, свободном, рассудительном движении воли, радующейся не столько благу для себя, сколько благу самому по себе.

Человек, вкусивший истинной радости, с опаской смотрит на удовольствие, потому что оно может убить радость. Боли же он не боится, зная, что та для него — лишь повод отстоять свободу.

Не подумайте только, что радость всё выворачивает наизнанку и услаждается болью. Вовсе нет. Радость возвышается над болью и потому смеётся над ней, — ликуя, попирает её. Она побеждает страдание бескорыстием, пренебрежением к себе, совершенной любовью.

Боль не вредит радости, а возвышает и очищает её, избавляя душу от себялюбия, чувственной и мысленной смуты. Она возносит волю над страданием и утверждает её в свободе.

Игорько, когда созерцатель ищет только духовных утех и из последних сил бежит от сухости, тяготы, боли, словно это какое-то зло. В погоне за молитвенным утешением он теряет мир, а с ним и способность радоваться.

НЕПОСТОЯНСТВО и нерешительность — признаки себялюбия.

Если вы никак не поймёте, чего от вас хочет Бог; если всё время меняете свои взгляды, привычки, приёмы, — то не пытаетесь ли вы усыпить свою совесть, творя свою волю и уклоняясь от воли Божией?

Бог приводит вас в один монастырь, а вы вскоре устремляетесь в другой.

Попробовав одно молитвенное правило — тут же меняете его на другое. Едва решившись на что-то — останавливаете сами себя. Вы спрашиваете своего духов-

ника и забываете, что он ответил. Не дочитав одно, берётесь за другое и любите перекраивать себя по рецепту последней прочитанной книги.

Рано или поздно вы окончательно теряете внутреннюю жизнь. Ваше бытие сводится к череде смешанных желаний, грёз и благих замыслов, которые никуда не ведут, а лишь препятствуют действию благодати. Все они — тонкие, бессознательные уловки вашего естества, противящегося Богу. Бог же, касаясь вашей души, требует пожертвовать всем, чего вы хотите и чем улаживаетесь, и даже — самими собой!

Останьтесь же в покое, и пусть Он действует.

Так вы отречётесь от самих себя, а не только от удовольствий и собственности.

¹ Of all that you are — дословно: «всем, что вы есть».

Если вы не знаете, чем одно от другого отличается, вы не знаете, чем одно от другого отличается. Если вы не знаете, чем одно от другого отличается, вы не знаете, чем одно от другого отличается.

Если мы восторжены, то страдаем всякий раз, когда мы восторжены. Если мы восторжены, то страдаем всякий раз, когда мы восторжены.

36. Внутренняя нищета¹

Наверное, самое мучительное для созерцателя — видеть во свете Божиим, как грубы, мелки, ущербны самые высокие движения человеческого сердца и ума, как бесценен человек в своём стремлении дотянуться до Бога.

Знакома ли вам эта тоска, когда сознаёшь, что Бог уготовал тебе блаженство, превосходящее всё, что ты есть и чем когда-либо можешь стать², и одновременно видишь, что оставлен наедине с собой и лишён того дара, в котором заключён весь смысл твоего бытия? Тогда всё самое совершенное в обычной жизни и человеческом разуме, все самые тонкие и чистые устремления человеческой воли кажутся тебе грубыми и жалкими; да и сам себе (даже за вычетом грехов и ошибок) ты кажешься ничтожным — кем бы ты ни стал и чем бы ни обладал, ибо всё это не поможет тебе добыть тот дар, который бесконечно выше тебя и ради которого ты сотворён.

Если же в довершение всего ты видишь, что твоё естество обезображено самостью и грехом; что ты по старой привычке всё время ищешь выгоды и удовольствий и не можешь ни сам избавиться от всего этого уродства, ни заслужить избавления, — то тоска твоя становится невыносимой. По свидетельству святых, именно она рождает сокрушение духа — скорбь, мучительное сознание беспомощности и неспособности стать тем, кем тебе предназначено быть.

¹ Inward destitution.
² Everything that you are and can ever be. Перевод дословный, т.к. все остальные варианты слишком далеки по смыслу.

В этом состоянии вся сладость молитвы становится горькой, а утешение — отвратительным. Даже самое малое утешение пресыщает, всякий свет кажется разуму мучительно тусклым, а воля скована бездействием: малейшее движение жжёт её стыдом, напоминая, что она никуда не годна.

Но удивительно — в самом нашем бессилии зарождается радость. Мы неожиданно для себя подмечаем, что, оставаясь в покое, привыкаем к боли и даже обретаем какой-то мир, полноту¹, силу, — словно кто-то подаёт нам руку, когда мы сломлены, повержены и, глотая пыль, силится встать и обрести надежду.

По мере того как в душе утверждается мир, мы принимаем себя такими, каковы мы есть, и свою неспособность стать другими. Мы начинаем понимать, что крайняя нищета — наше великое богатство. Только лишившись сокровищ, которые нам не принадлежат и несут нам одни невзгоды, только отложив благие и законные попытки знать и хотеть, не приближающие нас к истинной цели и счастью, мы понимаем, что смысл нашей жизни — нищета и пустота, которые кажутся поражением, а на самом деле содержат в себе залог великих благодатных даров.

Мы уподобляемся сосудам, из которых вылили воду, чтобы наполнить их вином, или — стеклу, с которого стёрли пыль и копоть, чтобы оно, став прозрачным для солнца, исчезло в его сиянии.

Но начав познавать пустоту, мы видим, что далеко не так нищи, пусты и смиренны, как нам бы хотелось.

Мы сожалеем о том, что ещё исполнены сознания собственной важности, ещё велики в собственных глазах, ибо мы уже знаем, что малейшая тень, омрачаю-

¹ Richness.

щая пустую и прозрачную душу, — это иллюзия и преграда для пречистого Божественного света. Мы понимаем, что наше знание — мрак по сравнению с ним, наша сила — слабость, не дающая укрепиться в Боге, а наши желания обманывают нас, удаляя от Него и лишая мира.

Чем мы свободней от желаний и тяги к земному, чем более целостны, мирны и молчаливы, чем устремлённей во мрак, где Бог², способный утолить наш отчаянный голод, — тем ревностнее мы восстаём против последних препятствий, привязанностей, стоящих между нами и пустотой, которая вмещает Бога.

Монах, например, начинает в какой-то момент сознавать всю ценность монастырского устава и меняет своё отношение к аскезе. Если прежде он понуждал себя исполнять правило, оглядывался на братьев, разделяющих с ним пост, труд и молитву, — то теперь тяжкая, неприметная, простая аскеза несёт ему мир и утешение — не потому, впрочем, что сама по себе очищает сердце, а потому, что ему тягостно своеволие. Его мир — это воля другого. Его свобода — зависимость от Бога через другого.

Истинного созерцателя питает послушание; он мирен и прост, как ребёнок или новоначальный. Впрочем, это не совсем так. Зрелый созерцатель несравненно проще. Сложность ребёнка и новичка ещё не проявилась; созерцатель же распутал её, превратил её в единство, пустоту и внутренний мир.

СОЗЕРЦАТЕЛЬ, вскормленный пустотой, обнищавший, освобождённый от скорби простым послушанием, черпает силу духа и радость в воле Божией.

² «И стоял народ вдали, а Моисей вступил во мрак, где Бог» (Исх. 20:21).

Ему не нужны больше ни сложные рассуждения, ни усилия разума, ни особые действия. Он просто плывёт в потоке безмятежности, истекающем из Бога, наполняющем вселенную и всё возвращающем к Нему.

Любовь Божия подобна реке, которая берёт исток в недрах Божества и вечно течёт через Его творение, всё наполняя жизнью, добром и силой.

Чистые и мощные воды этой реки несут всё, кроме наших грехов, и всё даруют нам.

Если мы войдём в неё мирно, если с чистой, не задающей вопросов верой и совершенной и покорной любовью отдадимся её течению, — то воля Божия соединится с нашей свободой и Бог, подхватив нашу жизнь, все наши поступки и желания, унесёт их за Собой в потоке Своей радости. Настоящий мир находят лишь те, кто научился плыть в этой стремнине. Их жизнь проста и легка. Каждый миг их существования полон счастья. Всё происходящее с ними осмысленно — не в мелочах, конечно, а в великом целом их жизни.

Если мы отказываемся принять Божию волю (это и есть грех), воды всё равно накрывают нас, потому что противостоять им не может никакая сила.

Скорби, тяготы, препятствия, борения, боль, горе, в конце концов, сама смерть происходят от бунта против любви Божией к нам.

КОГДА дар ведения открывает ваши глаза и вводит в созерцание, не надо тревожить Бога шумом действий, свойственных тленному бытию. Надо принять Его свет в молчании, покое, глубокой благодарности, сознавая, что высшая хвала Богу — пожертвовать всякой человеческой хвалой, отвергнуть искушение низвести Его до

своих понятий и теорий. Бога можно прославить словом, но слово не выше нас самих. Прежде чем речь, идея родится и примет форму в нашем разуме, мы должны отдалиться от Бога, подняться с Его глубин: ведь в созерцательной молитве нет средостения между субъектом и объектом и нет никакой нужды говорить о себе или о Боге. Бог ЕСТЬ, и Его реальность поглощает всё остальное.

Великая похвала Богу — пребывать в Его молчании и мраке. Мы будем неблагодарны, если, приняв от Него этот дар, предпочтём ему наш собственный тусклый свет, захотим снова ложно, по-человечески, ощутить Его присутствие.

37. ДЕЛЯСЬ ПЛОДАМИ СОЗЕРЦАНИЯ

В созерцании мы не видим Бога, а *знаем* Его любовью, ибо Он — чистая Любовь, и когда мы любим Его ради Него Самого, мы опытно познаём, Кто Он и каков Он.

Истинный мистический опыт и всецелое отречение от всего внешнего Богу — это две стороны одной медали. Когда наши разум и воля свободны и не привязаны ни к одному из творений, их тут же наполняет Божественная любовь, — не потому, что таков порядок вещей, а потому, что Бог хочет дарить нам Свою любовь. «Всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестёр, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф. 19:29).

Мы познаём Бога в ту меру, в какой обнажены, пусты и свободны от привязанности к творениям. Избавившись от всех прочих желаний, мы сполна вкусим нетленной радости.

Бог дарует нам Свою радость не для нас одних. Если мы хотим обладать Им только для себя, то окончательно теряем Его. От Бога — лишь та радость, которая изливается из наших душ, помогая другим ликовать в Нём. (Только не думайте, что вы непременно должны видеть, как ваша радость переходит в чью-то душу. По домостроительству благодати Божией, мы часто делимся Божиим даром с теми, кого узнаем, только взойдя на небеса.)

В СОЗЕРЦАНИИ мы опытно постигаем Бога не только для себя, но и для других.

Впрочем, если наш опыт действительно от Бога, мы отнюдь не спешим рассказать о нём кому-то ещё. Нам кажется, что, говоря о даре Божиим, мы расточаем его, пытаем чистую пустоту, в которой сиял Божий свет. Нет человека стыдливей, чем созерцатель в тот момент, когда речь заходит о его созерцании. Иногда разговор об обрётённом им опыте причиняет ему почти физическую боль. По крайней мере он никогда не скажет, что этот опыт — его собственный.

Но вместе с тем созерцатель искренне хочет, чтобы все кругом разделили с ним его мир и радость. По-новому воспринимая людское сообщество, он с тайной и тихой надеждой оглядывается вокруг, пытаясь угадать по лицу или голосу других людей, не призваны ли и они к тому же глубокому счастью и мудрости.

Он заговаривает о Боге с теми, в ком заметил познанные им самим свет, мир, внутреннее пробуждение и тайну¹. Если нельзя говорить, то он пишет; однако его созерцательная жизнь остаётся неполной без общения, дружбы, сопричастности.

ДЕЛЯСЬ с другими опытом Божественной любви, мы должны быть — как никогда в нашей духовной жизни — покорны Божией воле и чутки к тонким движениям благодати. Куда лучше промолчать из робости, чем выпалить всё, что знаешь, в надежде передать другим то, чего не получил сам. Человек, учащий созерцанию, по-настоящему его не изведав, только мешает себе и другим искать путь к благодатному миру.

¹The awakening of his own secret.

Он очень быстро подменяет внутренний свет природным пылом, воображением, поэтичностью и с головой уходит в поиски слов, чтобы выразить то, что, в сущности, невыразимо. Получив для души какую-то пользу (он ведь по-своему размышляет о Боге и внутренней жизни), он непременно заблудится в своих построениях, приёмах красноречия, метафорах и потеряет простой свет и тишину, в которых Бог познаётся без слов и понятий.

Высшее призвание в Царстве Божием — делиться плодами созерцания и вести людей к опытному богопознанию, данному тем, кто совершенно возлюбил Бога. Но как велико призвание, так велика и опасность ошибиться.

Во-первых, имея какой-то опыт, мы не должны обязательно его кому-то передавать. Созерцание и учительство — разные дары, и надо ещё проверить, есть ли они у нас.

Во-вторых, мы, собственно, никого и не учим созерцанию, поскольку это делает Сам Бог. Он дарует его, мы же только говорим или пишем, помогая людям понять, чего Бог от них хочет.

Пытаясь поделиться с другими опытом созерцания, мы делаем много ошибок. Чего стоит одна только наивная убеждённость, что все вокруг готовы смотреть на вещи нашими глазами! Это, очевидно, не так, и, выслушав нас, люди начинают возражать буквально на каждое наше слово; разгорается богословский спор (или, ещё хуже, — псевдонаучный), а для созерцателя нет ничего бесполезнее спора. Невозможно увлечь людей иного призвания рассказом о том строе внутренней жизни, который так значим для нас самих. Если же наши слушатели призваны к созерцанию, то длин-

ное, путаное, полное технических деталей и абстрактных идей рассуждение всё равно никуда их не приведёт.

Тот, кто поспешно решает, будто ему пора идти к людям и делиться с ними своим опытом, вредит собственному созерцанию и вводит в заблуждение других. Словами и рассуждениями он пытается сделать то, что только Божественный свет совершает в глубине человеческих душ.

От нас будет гораздо больше проку, если мы оставим людей в покое, перестанем навязывать им свои представления о внутренней жизни и займёмся своим делом (то есть созерцанием). Когда мы соединены с Богом в молчании и мраке, когда наши внутренние силы выведены за естественные пределы и покоятся в чистом, тихом, таинственном облаке, скрывающем Божие присутствие, наша молитва и данная нам благодать сами собой невидимо изливаются в мистическое Тело Христово. Все, кто пребывает в единстве Духа, воздействуют друг на друга (в большей степени, чем это можно себе представить) благодаря своему единству с Богом, духовной укоренённости в Нём¹.

Если вы новичок в созерцании и только начали молиться по-настоящему; если вы почти не сознаёте, чего вы достигли, — то и вы способны принести немалую пользу душам других. Только прислушайтесь к сокровенному Божию присутствию, о котором ещё не можете сказать ничего связного. Если же вы начнёте раньше времени говорить и рассуждать, то потеряете то малое, что у вас есть, и не поможете ни себе, ни другим.

Итак, думая послужить ближним, не старайтесь побольше узнать о созерцании. Бегите от бесед и спо-

¹ Spiritual vitality in Him.

ров, пребывайте в молчании и смирении сердца, чтобы Бог очистил вашу любовь от человеческой ущербности. Когда придёт время, Он Сам поставит вас на дело, которого от вас хочет, и вы будете исполнять его, не понимая толком, как всё сложилось и с чего началось. Это дело уже не будет поглощать вас целиком и чрезмерно утруждать ваш разум. Вы сохраните покой и свободу, а главное — научитесь доверять Богу заботу о результате и перестанете питать собственное тщеславие, настаивая на скором и видимом обращении всякого, с кем вы поговорили.

Конечно, рассуждать об этом легко. Но это и в самом деле легко, если мы безусловно просты и прозрачны для Бога, если не мешаем Ему действовать в нас и через нас. Мы никак не можем взять один из последних бастионов самости и всё время хотим, сделав своё дело, получить результат и насладиться успехом. Мы норовим присвоить себе всю заслугу. Наверное, подвижники, так и не добравшиеся до высшего созерцания, *слишком много хотели сделать сами*. Что ж, Бог нам это позволил!

Верно, что созерцанием надо делиться с другими, как и всяким иным благом. Верно и то, что оно только тогда совершенно и полно, когда его вкусили все, кто к нему призван. Не забудем, однако, что совершенная общность в созерцании возможна только на небесах.

Будьте же осторожны и не думайте, что друзья, с которыми вы делитесь сокровенным, тоже призваны к созерцанию и что именно вы должны их всему научить. Даже если они действительно близки вам по духу, дайте Богу действовать в них и утешайтесь тем, что Он время от времени использует вас как Своё орудие. Только не вставайте у Него на пути со своей природной тягой к общению. В этом мире нельзя слишком рьяно доби-

ваться чего бы то ни было, даже самого лучшего. Тот, кто опытно знает, что Бог — повсюду и всегда готов явить Себя любящим Его, тот не спешит предпочесть быстрое человеческое действие покою и определённости бесконечного и бесценного обладания.

38. ЧИСТАЯ ЛЮБОВЬ

До сих пор мы неявно говорили о трёх формах созерцания или о трёх его началах.

Первое и самое лучшее из них — это внезапное опустошение души, когда внутри нас стираются образы и понятия, умолкает речь и воцаряются свобода и ясность; когда всё наше естество изумляется глубине, достоверности и одновременно пустоте, безмерной непостижимости Бога. Но это чистое дыхание ведения касается нас сравнительно редко. Как правило, всё бывает иначе.

Второе и более привычное начало — это бесплодная пустыня, в которой мы, ничего не видя, не чувствуя и не понимая, сознавая только, что что-то тревожит и мучит нас, тянемся к мраку и сухости, ибо только в них находим хоть какой-то мир и опору. Постепенно мы привыкаем к однообразной тишине и всё уверенней различаем сокрытое в её сердцевине утешающее и могущественное присутствие, пока наконец не поймём, что именно так Бог открывает Себя в Своём свете. Этот свет причиняет боль нашему естеству, потому что он бесконечно выше нас, а его чистота несовместима с нашей самостью, тьмой и несовершенством.

Наконец, третье начало — это *quietud sabrosa*¹, благодатная безмятежность, в которой чувства, воображение, разум остаются без пищи, а воля успокаивается в глубоком, ясном, захватывающем опыте любви. Лю-

¹ Пленительный покой (исп.) (Буквально — «вкусный».)

бовь эта подобна сияющему облаку, которое окутало апостолов на горе Фавор после того, как один из них воскликнул: «Равви, хорошо нам здесь быть!»² Из недр облака до нас доносится утешающий голос Божий, говорящий без слов, прорекающий Своё Слово, и мы сознаём, хотя и смутно, что прекрасная, глубокая, полная смысла безмятежность, наполняющая всё наше естество истиной и непоколебимым миром, как-то связана с присутствием в нашей душе Слова Божиего.

Итак, облако созерцания бывает тайно пронизано Божеством Христа, любовью Его Сердца. Тогда и само созерцание становится Его присутствием, благоговеющей беседой со Христом, покоем, который более всего познают, причастившись Его Телу и Крови.

Вошедшие в это облако ощущают рядом с собой Христа, который для них — и облачный покров днём, и огненный столп ночью³. Даже за работой, отвлекающей их от Бога, они успевают заглянуть в собственную душу и снова найти Его. Впрочем, когда они и не помышляют об этом, Бог Сам вдруг вводит их в Свой мрак и мир — или переполняет тихой, несказанной радостью.

Иногда Бог касается человека так явно, что немедленно пробуждает его душу, приводя её в изумление и восторг, — то даря ей невыразимое счастье, то причиняя одновременно и боль, и наслаждение. Бог опаляет Своим огнём немногих, да и с ними Он бывает осторожен. Но к Своему блаженному и тихому свету он влечёт всех и на всех хочет запечатлеть, хоть в малой степени, Свой Дух, Свою Любовь.

² Мк. 9:5.

³ «Ты, по великому милосердию Твоему, не оставлял их в пустыне; столп облачный не отходил от них днём, чтобы вести их по пути, и столп огненный — ночью, чтобы светить им на пути, по которому им идти» (Нее. 9:19).

ПОНАЧАЛУ созерцание оставляет нас на пороге чего-то более или менее неопределённого. Впрочем, очутившись в пустыне, мы не сознаём и этого, — одно лишь смутное и непередаваемое предчувствие говорит нам, что под мраком и сухостью скрывается мир. Вопреки гложущей нас тревоге, мы понимаем (хотя и боимся сознаться в этом сами себе), что куда-то идём и какая-то сила хранит нас и указывает дорогу.

В облаке всё несколько иначе. Здесь мы стоим в присутствии личной Любви. Она непостижимым для нас образом наполняет наш разум и волю, но ускользает от нас всякий раз, когда мы пытаемся вместить Её, удержать в том или ином движении души. Мы знаем, что это «присутствие» и есть Бог, но сверх того не знаем ничего, поскольку Он сокрыт облаком, хотя и близок к нам, будучи и в нас, и вовне, и повсюду.

Чем глубже и чище наша связь с Богом, тем тоньше облако и тем отчётливее мы воспринимаем присутствие Божие как ужасающую пустоту¹. Это значит, что чисты и пусты наши внутренние силы, что именно так наше тварное естество откликается на действие любви Божией. И всё-таки, поскольку Бог Сам действует в нас, давая познать Себя прямо и непосредственно, наш опыт не просто субъективен. Он говорит нам о Боге нечто такое, что мы не смогли бы познать никак иначе.

Этот опыт становится ярче от света ведения, который Дух Божий посылает в наши души и который внешне поднимает нас туда, где царит особая тихая яс-

¹ *Terrific emptiness* — возможен переносный смысл: «необъятная, огромная пустота»; однако «ужасающая» — точнее, ибо речь идет о страхе, который мы можем испытывать, ощущая в себе пустоту и одновременно — Божие присутствие.

ность², где мы видим Бога каким-то непонятным нам образом.

Но и тогда мы ещё далеки от Бога — гораздо дальше, чем мы думаем. Нас всё ещё двое: мы и Бог, дающий познавать Себя в Своих действиях.

ПОКА мы ощущаем эту разобщённость, дистанцию, различие между нами и Богом, мы не познаем полностью созерцания.

Пока есть наше «я», вот этот носитель опыта, сознающий себя, своё созерцание и «меру своей духовности», мы не выйдем из Египта, не пересечём Чермное море³ и останемся во множественности, действии, неполноте, борьбе, желании. Истинное внутреннее «я», нетленная и бессмертная личность, которая откликается на новое и сокрытое от мира имя⁴, известное лишь ей самой и Богу, ничего не «имеет», даже «созерцания». Это «я» — не субъект, умеющий копить опыт и рефлексировать, не поверхностная, эмпирическая самость, которую мы знаем из повседневной жизни.

Большая ошибка — путать *личность* (духовное, единое с Богом, сокровенное «я») и *эго* — нечто внешнее, эмпирическое, душевную индивидуальность, своего рода оболочку для истинного содержания. Внешнее «я» — не более чем зыбкая тень, чью биографию и существование прерывает смерть. У внутреннего «я» нет ни биографии, ни конца. Внешнее «я» много «име-

² *Dark, breathless clarity*. *Dark clarity* может означать «полнейшая ясность» по аналогии с *dark secret* (полнейшая тайна).

³ «Верой перешли они Чермное море, как по суше...» (Евр. 11:29).

⁴ «Побеждающему дам вкушать сокровенную манну и дам ему белый камень, и на камне написано новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает» (Апок. 2:17).

ет», «радуется», чего-то «достигает», но в конце концов остаётся ни с чем. Оно и само — ничто, тень, покров, который будет сброшен и истлеет.

Другая ошибка — считать, что внешнее «я» — это тело, а внутреннее — душа. Но если тело и душа — не самостоятельные сущности, а части единого бытия, то внутреннее «я» — уже не *часть*, а *целое, всё наше бытие*, и прибавить к нему можно только нечто случайное, преходящее, малозначительное. Значит, тело и душа принадлежат нашему реальному «я», или лучше — живут в личности, которая и есть мы сами. Напротив, *эго* — это созданная человеком иллюзия, которая потому только пользуется телом и, отчасти, душой, что получила над ними власть после того, как человек «пал». Грехопадение, собственно, и состояло в том, что человек был отторгнут от своей внутренней сути, иными словами — от образа Божиего в нём. Он духовно вывернулся наизнанку, и теперь его *эго* выдаёт себя за «личность», не имея на то никаких прав.

Чтобы вернуться к Богу и к самому себе, приходится начинать с того, *кто* ты на самом деле, со своей отчуждённости от Бога. Все мы — блудные дети в «далёкой стране»¹, на чужбине, и нам ещё долго брести в родные края (правда, тайно — мы уже в них!). Однако Бог уважает наше «эго», «внешнее я», и попускает ему замещать «я» внутреннее там, где это последнее ещё бессильно. Мы вынуждены действовать в повседневной жизни так, словно мы и в самом деле таковы, какими нас выставляет наше внешнее «я». Будем однако помнить, что в действительности всё обстоит иначе и что наше кажущееся «я» вскоре погрузится в небытие.

¹ Лк. 15:23 — притча о блудном сыне.

Одно из самых распространённых заблуждений нашего времени — это поверхностный «персонализм», который считает «личностью» наше внешнее, эмпирическое «эго» и изо всех сил его совершенствует.

Такой персонализм — просто поклонение миру, воображаемой «личности», которую в довершение всего именуют «динамичной» и «успешной». Если же это заблуждение переносят в религию, то получают полный абсурд — культ психологизма, самовыражения, окверняющий и культуру, и настоящую духовность. Наша суть², наше истинное «я» сокрыты там, где, как нам кажется, — только пустота и небытие. Настоящее «я» кажется нам мнимым, а мнимое — настоящим. Но поднявшись над мнимостью, мы сможем вновь обрести наше сокровенное «я». Стать настоящим можно только через смирение, ибо только оно вынуждает нас отвергнуть наше мнимое «я» и принять «я» «пустое», «ничтожное» в наших собственных глазах и в глазах других людей, но реальное для Бога: ведь именно оно существует «в Боге», «с Богом» и принадлежит только Ему. Разумеется, онтологически оно отлично от Бога и ни в коей мере не сливается с Божественной природой, не поглощено ею.

Сокровенное «я» выше опыта, который говорит: «я хочу», «я люблю», «я знаю», «я чувствую». Оно познаёт, любит, переживает по-своему, не по человеческим законам, а по Божественным, — через единение, «брачный союз», где нет больше индивида, который примеряет на себя всякое благо и всякую истину и потому любит и знает только для себя. Любящий и Любимый — «один дух»³.

² Our reality.

³ «Соединяющийся с Господом есть один дух с Господом» (1 Кор. 6:17).

Значит, пока мы на молитве ощущаем себя как «я», стоящее перед бездной чистоты и пустоты, перед Богом¹, пока мы ждём, «не получим ли мы что-то» от Него, — мы ещё далеки от сокровенного, тайного, соединяющего знания. Иначе говоря, мы далеки от чистого созерцания.

Видя перед собой глубокий, безбрежный, волнуемый мрак и пустоту, мы застываем на месте. Мы не можем подойти к краю бездны, хотя перед нами нет преград.

Не потому ли, что и бездны тоже нет?

Как бы то ни было, мы медлим, предчувствуя, что, шагнув вперёд, оторвёмся от земли и начнём парить в межзвёздном пространстве.

КОГДА приходит время следующего шага, мы его не делаем, не проходим через промежуточные фазы и не поднимаемся на другой уровень. Мы никуда не идём и потому не знаем, как пришли и как вернёмся назад. Мы, определённо, не заблудились и не парим. Пространства нет или нет ничего, кроме пространства, — какое нам до этого дело?

Сделанный шаг — не шаг.

Мы не перенесены с одной ступени на другую.

Случилось одно: отдельная сущность, наше «я», исчезло и не осталось ничего, кроме чистой свободы, не отличимой от безграничной Свободы, кроме любви, единой с Любовью. Не две любви, которые ждут и ищут друг друга, а Любовь, любящая в Свободе.

Хотите назвать это опытом? Назовите, только опытом это станет уже в памяти. В настоящем же опыта нет, ибо всё случающееся случается с кем-то, а всякий опыт

¹ У автора резче: «на краю бездны чистоты и пустоты, которая (бездна) есть Бог».

кому-то принадлежит. Значит, если нет субъекта отдельного, ограниченного, тварного переживания, то и мы сами — уже не мы, а осуществлённое ожидание. Если угодно, мы не обретаем опыт, а сами становимся Опытом. Мы больше не размышляем о себе и своих переживаниях, не судим о происходящем, если можно назвать происходящим вечное и неизменное, — действие величественное, как бесконечный покой.

Всё это невозможно ни описать, ни представить. Слова теряют смысл. Произнося их, вы только вводите всех в заблуждение. Наконец, перебрав все мыслимые переживания, вы говорите: «Нет, это не то. Я говорю совсем о другом».

Метафоры тоже никуда не годятся. Если вам нужно, говорите о «мраке», но не воображайте ничего вязкого и грубого, ибо ничего этого нет. Или — о «пустоте», но не думайте, будто *парите* в пространстве, ибо ничего протяжённого тоже нет.

Есть только свобода и совершенная любовь, чистое отречение, упоение Богом.

Это — не свобода, присущая тому или иному субъекту; не любовь, которую проявляют по внутреннему побуждению; не отречение, которое пытаются постепенно стяжать как добродетель.

Это — свобода, живущая и обращающаяся в Боге, который есть Свобода; любовь, любящая в Любви; Божия чистота², наслаждающаяся Его свободой.

Теперь, став тем, чем ему действительно надлежало быть, созерцание — уже не нечто, нисходящее от Бога на тварный субъект, а Бог, живущий в Себе Самом, соединяющий Свою жизнь с жизнью тварной, для

² Чистота в нравственном смысле, как непорочность, непричастность греху.

которой всё теряет смысл, кроме Бога, живущего в Боге.

Если человек, который был так оправдан, освобождён, завершён и уничтожен, способен вообще думать или говорить, он, конечно же, никогда не подумает и не заговорит о себе как об обособленном существе, о субъекте какого-то потрясающего опыта.

Вот почему не стоит представлять всё это высшей точкой восхождения или великим переживанием, превосходящим меньшие. Всё это выше всяких сравнений: выше «пути», вызывающего образ путешествия, выше ступеней, напоминающих о прогрессе.

Однако и это только начало, низший уровень нового порядка, где каждый уровень безмерен и непостижим. Это ещё не совершенство внутренней жизни.

К СКАЗАННОМУ о совершенном созерцании, в котором душа, окончательно отрехшись от вещей и желаний, исчезает для самой себя, осталось добавить лишь одно: к этому созерцанию неприменимы наши категории величия и могущества, а значит, и само оно не причастно греху гордыни.

В самом деле, совершенное созерцание доступно лишь тем, кто смирился до конца. Гордость с ним просто несовместима, ибо гордиться предметом, вожделеть его или давать какой-то иной повод для греха можно лишь тогда, когда неправильно его понимаешь или принимаешь его за нечто такое, что он не есть и чем быть не может.

Гордость, которая злонамеренно приписывает всю добродетель, все заслуги и достоинства нашему переходящему, внешнему «я», не может существовать там, где человек не способен думать о своём «я», живущем обособленно от Бога.

Может ли чем-то гордиться человек, который не сознаёт и не понимает сам себя, не думает о самораскрытии? Фактически сам он исчез, ибо Бог теперь — источник, действующая сила и предел всех его действий, а его созерцание по сути своей — чистая и вечная радость о Боге и в Боге, нескончаемое ликующее переживание той истины, что Тот, Кто совершен, совершен бесконечно, что Он — само Совершенство.

Человек, достигнутый и спасённый этой радостью, не может гордиться. Разве говорят: «Я горжусь тем, что воздух свеж, море прозрачно, горы высоки, лежащий на них снег чист, а ветер поднимает с вершин снежную пыль»?

Этот человек умер и погребён. Он пропал, и никто о нём не вспомнит. Его нет среди живых, путешествующих во времени. Так неужели вы назовёте его гордым просто потому, что солнечный свет заливал небо над местом, где он когда-то жил?

Так бывает с тем, кто исчез в Боге, войдя в чистое созерцание. Ничего, кроме Бога, в нём не осталось. Бог стал тем «Я», которое действует, любит, познаёт, радуется.

Разве Бог может гордиться? Разве Он может согрешить?

Представьте себе человека, который на минуту исчез в Боге.

Всю свою жизнь он провёл в грехах и добродетели, добре и зле, трудах и борениях, болезнях и здравии, радости и печали. Он добивался и сожалел, строил планы, надеялся, любил, испытывал страх. Он много видел, размышлял, узнавал, рассуждал, говорил, поступал мудро и неразумно. Как новичок, ошупью шёл он к созерцанию и что-то о нём лепетал. Теперь он вошёл в облако, в сокровенную сладость Бога, и познал молитвенный покой.

В его жизни царил неразбериха. Лучшее из того, что он сделал, — даже его несовершенное созерцание, — не было безгрешным.

Но в тот момент, в ту минуту, когда он исчез в Боге (если только он действительно исчез), его жизнь стала безупречно чиста. Он прославил Бога и не согрешил, да и не мог согрешить, пока им владела чистая любовь.

Можно ли страстно хотеть такого единения с Богом? Нет, если вы знаете, что это такое. Не можете же вы страстно хотеть, чтобы Бог был Богом и чтобы воля Божия совершилась ради Него Самого! Однако именно эти два желания, правильно нами понятые и исполнившиеся, опустошают нас в Бога и преображают в Его радость¹. Именно в них мы уже не можем согрешить.

Только в исступлении чистой любви мы действительно исполняем главнейшую заповедь в Законе и любим Бога всем своим сердцем, всем разумением и всей своей крепостью². А значит, к этому исступлению (только длящему не минуту и не полчаса, а вечно) должны стремиться все те, кто хочет Ему угодить. В их душах и воцаряется мир, способный угасить любую вражду.

Эти люди — вся сила этого мира, ибо они — скиния Божия в нём. Именно они хранят вселенную от распада. Они умалились, как дети, и не знают самих себя. На них держится земля, хотя никто, кажется, этого не понимает. Для них-то и был сотворён этот мир. Они наследуют землю³.

Только эти люди способны насладиться полнотой жизни. Они отрелись от всего, что есть в мире, и весь

¹ We are emptied into Him and transformed into His joy — перевод дословный.

² Мк. 12:30, Лк. 10:27, Втор. 6:4-5, Лев. 19, 18.

³ «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Мф. 5).

мир отдан им во владение. Только они по-настоящему ценят мир и всё, что в нём. Только они способны понять, что такое радость. Все остальные для неё слишком слабы. Радость убила бы всех, кроме них, ибо они кротки. Они чисты сердцем и видят Бога. Бог исполняет их волю, потому что Его и их воля — одно. Он исполняет их желания, потому что Сам их и порождает. Только у них есть всё, чего они хотят. Их свобода безгранична. Они выходят к нам, чтобы принять на себя наше горе и утопить его в своей бездонной невинности, которая искупает мир своим сиянием.

Вступим же в это сияние. Будем жить в чистоте этого пения. Стряхнём с себя мир, как ветхую одежду, и нагими войдём в премудрость. Об этом молитесь всякое сердце, зывающее: «Да будет воля Твоя».⁴

⁴ Прощение молитвы «Отче наш» (Мф. 6:9-13).

39. ВСЕЛЕНСКИЙ ТАНЕЦ

Господь сотворил мир не для того, чтобы судить его и властвовать над ним, заставляя его подчиниться Своей непостижимой и всесильной воле; не для того, чтобы хвалить Своё творение или досадовать на него.

Его замысел был совершенно иным, ибо Он хотел сойти в этот мир и стать Человеком. Намереваясь сотворить мир, Господь видел собственную Премудрость как ребенка, играющего перед Ним во всякое время¹, и думал: «Радость Моя с сынами человеческими»².

Мир — это не тюрьма для падших и отвергнутых Богом духов, как думали гностики, а храм, райский сад, куда Бог поместил людей возделывать этот сад для Него, и куда Сам намеревался сойти, чтобы обитать среди Своих созданий.

Нелепо считать начало книги Бытия каким-то научным трактатом, ибо это — самая настоящая поэма, символический рассказ (до конца *истинный*, хотя и не буквальный), откровение о творческом замысле Бога. Суть этих прекрасных глав в том, что Бог сотворил мир как сад, восхитивший Его Самого, а человека сделал Своим служителем, призванным разделить с Ним Его заботу о мире³. Бог сотворил человека по Своему образу и подобию, и тот стал художником, ремесленником, *homo faber*⁴, садовником рая, знающим внутрен-

¹ Притч. 8:30.

² Притч. 8:31.

³ «И увидел Бог всё, что Он создал, и вот, хорошо весьма» (Быт. 1:31).

⁴ Человек-мастерской, человек делающий (лат.).

нюю суть и назначение каждого из творений. Именно Адам дал имена животным (Бог никак их не назвал), проявив свой познающий разум, причастный творческой любви Бога к Своему творению. Любовь Божия вызвала мир к бытию; любовь же человеческая воспроизвела в человеческом духе Божественный замысел и истину.

Если Бог творит мир, созерцая его в Своем Логосе, то человек выявляет истину, сочетая Божественный свет, пребывающий в вещи, с Божественным светом в собственном разуме. Встреча двух светов в одном разуме и есть истина.

Однако существует и иной свет. В нём человек уже не «даёт имена» и не рождает идеи, напрягая свой разум, потому что это — свет мрака, в котором Бог предстаёт человеку прямо и просто, не прибегая к посредству творений. Исполненный любви союз простого Божественного света с простым светом человеческого духа и есть созерцание. Две простоты слиты в единое целое. Созерцание — это не требующая дополнения пустота, где нет имён, форм, границ, предмета для размышлений, самого размышляющего индивида. Это не слияние индивидов, а их исчезновение. Библия говорит об этом очень просто: Адам слышал «голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня»⁵, то есть после полудня, в заходящем свете тварных суток. В свободной пустоте ветра⁶, который веет, где хочет, и куда хочет уходит⁷, Бог и человек были вместе, не об-

⁵ Быт. 3:8.

⁶ «Прохлада дня» в Быт. 3:8 — перевод фразы, дословно означающей «в ветре дня», в пору вечерней прохлады, наступающую после «жары дня».

⁷ «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит, и куда уходит: так бывает со всяким, рождённым от Духа» (Ин. 3:8).

мениваясь ни словом, ни звуком, ни жестом. Таков смысл творения и рая. Но и это ещё не всё.

Слово Божие было рождено «прежде всякой твари»¹. Тот, «в котором всё существует», должен был не только гулять с человеком во время прохлады дня, но и стать Человеком и обитать среди людей как Брат.

Господь не просто по-отечески любит мир. Он вошёл в Своё творение, умалившись и скрыв Своё Божественное достоинство, словно Он — не Бог, а одно из творений. Почему Он так поступил? Потому что любил Свои творения и не хотел, чтобы они почитали Его как далёкое, недостижимое, чуждое и всемогущее существо. Бог не хотел такой славы, потому что, почитая Его величие, люди начинают возвеличивать самих себя и помыкать себе подобными. Где Бог велик, там всегда найдутся «подобные Ему», — те, что делают себя царями и владыками. Если же Бог — искусный художник, который гордится Своим творением, то и люди хотят прославиться и строят города и дворцы, нещадно эксплуатируя своих ближних. Таков смысл мифа о Вавилонской башне и её строителях, которые захотели стать «как боги» и развели всякие сады, водрузив на деревья головы своих врагов. Они показывали на Бога и говорили: «Вот и Он — великий строитель, уничтоживший Своих врагов».

(Бог же сказал: Я не смеюсь над Моими врагами, потому что хочу, чтобы у Меня не было врагов. Ради этого Я отождествляю Себя с сокровенным «я» каждого из них.)

ИТАК, Бог стал человеком. Он принял на себя человеческую немощь и ограниченность, утаил Себя, став

¹ Кол. 1:15.

простым обитателем захолустья. Он никогда и никем не помыкал, не был ни царём, ни вождём, ни реформатором, да и вообще никак не превозносился над Своими творениями. Он всегда был просто братом, советчиком, слугой, другом. По человеческим меркам, Он не был велик, хотя со временем люди придали Ему величавость. Да, конечно, Он — Царь и Господь, Победитель смерти, Судья живых и мёртвых, *Pantokrator*², но Он и Сын Человеческий, неприметный, безвестный, ранимый. Он был уязвим, и Его казнили. Он был погребён и вернулся к нам, восстав из мёртвых, ибо говорил: «... убьют Его, и в третий день воскреснет» (Мф. 17:23).

Однажды умерев, Он больше не умирает. Но некогда став человеком и вобрав в Себя человеческую природу, умерев за людей и восстав из мёртвых, Он сделал Своими страдания всех людей, взял на Себя их слабость, беззащитность, ничтожность и одновременно наделил их Своей силой, славой, Своим бессмертием и блаженством. Если Богочеловек велик и силен, то лишь ради нас, а не ради Себя. Ибо сила и слабость, жизнь и смерть — двойственность, которой Он не знает, будучи выше неё в Своём неотмирном единстве. Он и нас хочет возвысить над двойственностью, соединив с Собою. Зло и смерть поразят только наше преходящее, внешнее «я». Всё чужеродное Ему будет изгнано в небытие, а истинное, единое с Ним внутреннее «я» не умрёт. Вочеловечившись, Бог стал не только Иисусом Христом, но потенциально — и каждым из тех, кто когда-либо появлялся на свет. Во Христе Бог стал не только *этим* человеком, а в более широком, таинственном, но от этого не менее истинном смысле — «Всечеловеком».

² Вседержитель (греч.).

ПРИСУТВИЕ в мире Бога как Творца зависит только от Него Самого. Присутствие в мире Бога как Человека в какой-то степени зависит и от людей. Нет, нам не дано вмешаться в тайну Воплощения. Однако нам дано решать, *осознаем* ли Божие присутствие мы сами и вверенная нам часть мира, будем ли мы освящены им, преображены его светом.

Мы должны выбрать одно из двух: внешнее «я», маску, мнимость, предоставленную самой себе на краткое время земного существования, — или сокровенного внутреннего человека, ничтожного в наших глазах, но способного вечно пребывать в истине. Любовь Христова, Святой Дух приобщают этого внутреннего человека Христу, так что тайно мы живём «в Нём»¹.

ВПРОЧЕМ, мы не должны быть излишне придирчивы к внешнему «я». Нельзя считать его злым по природе и винить его в непрочности бытия. Оно подавлено метафизической нищетой, а нищие достойны милости. Пока внешнее «я» не погрязло во лжи, оно освящено милостью и любовью Христа. Видимость надо принимать такой, какова она есть. Всё ущербное и преходящее несказанно значимо, ибо оно бывает средой, доносящей до нас присутствие Бога в этом мире. Называя внешнее «я» маской, обойдёмся без упрека. Маска, которую носит каждый из нас, может скрывать не только наше внутреннее «я», но и Бога — изгнанника, странствующего по сотворённому Им миру.

Поистине, Христос потому и стал Человеком, что хотел быть и Всечеловеком, и каждым из людей. Если мы верим в воплощение Сына Божиего, то на земле нет никого, в ком нельзя увидеть тайного присутствия Христа.

¹ «Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге» (Кол. 3:3).

ОБЫЧНО серьёзное у людей мелко для Бога. Когда же нам кажется, что Бог играет, всё бывает всерьёз. Как бы то ни было, Господь играет и забавляется в саду Своего творения, и если бы мы избавились от наваждения, отбросив свои нелепые домыслы, мы услышали бы Его зов, пошли бы за Ним в Его таинственный вселенский танец. Не надо идти далеко, чтобы уловить отголоски этой игры и этого танца. Когда мы одни в звёздной ночи; когда видим, как перелетные птицы спускаются на можжевелевую рощу или как играют дети; когда сердце любит; когда мы, как японский поэт Басё, слышим еле уловимый всплеск лягушки в тихом пруду, — тогда, пробудившись, мы отбрасываем привычные ценности и видим отблеск вселенского торжества в новизне, чистоте, ясности, достоверности того, что нам предстало.

Мир и время кружат в пустоте, танцуя танец Господень. Молчание сфер — это музыка брачного пира. Чем больше мы коснем в своих заблуждениях, чем старательнее приспособливаем жизнь к своим нелепым целям, тем глубже наша тоска, отчаяние, бессмыслица. Впрочем, это не так важно, — ведь наше отчаяние не может изменить природу вещей и осквернить вечную радость вселенского хоровода. Поистине, мы уже в нём, а он — в нас. Его ритм пульсирует в нашей крови, хотим мы того или нет.

Одно непреложно — мы призваны забыть о себе, развеять по ветру свою гордыню и принять приглашение на вселенский танец.

СТИХИ ТОМАСА МЕРТОНА

Из книг
«СТРАННЫЕ ОСТРОВА»
и «ЧЕЛОВЕК В РАЗДЕЛЕННОМ МОРЕ»

Перевод Регины Дериевой

КОГДА В ДУШЕ БЕЗМЯТЕЖНОГО УЧЕНИКА...

Когда в душе безмятежного ученика
Нет больше образцов для подражания,
Нищета имеет успех.
И уже нетрудно сказать, что нет крыши
Над головой, если не имел даже дома.
Звезды, как и друзья,
Сердятся на благородное крушение.
Святые уходят в разных направлениях.
Продолжай оставаться самим собой:
Больше нет нужды в комментариях.
Был счастливый ветер,
Сдувший нимб вместе с заботами,
И счастливое море, утопившее репутацию.
Здесь вам не найти
Ни пословицы, ни меморандума,
Здесь нет никаких путей
Или примеров для восхищения:
Ведь нищета, никакое не достижение,
А Бог живет в твоей пустоте, подобно несчастью.

Какой остается выбор?
В общем, попросту говоря, никакого выбора:
Это обычная свобода
Человека без откровений.

СЕГОДНЯ

Дай мне побыть печальным
Сегодня. Разве меня,
Как и других, не может тошнить
От самого себя?

Разве не могу и я быть ничтожным,
Опустившимся, опустошенным,
С полным разором в душе,
В западне, устроенной собственной
Ложью себе самому? О, друг мой,
Я тоже должен грешить и грешить.

Я тоже должен обижать кого-то и,
Поскольку не являюсь исключением,
Быть ненавидимым кем-то.

Потому позволь мне
Вкусить того же горького яда,
Испить желчь, в которую
Так легко превращается любовь
(Любовь чаще всего).

Не запрещай мне быть вновь
Сердитым, полным горечи, лишенным
Иллюзий, жаждущим смерти.

Пока жизнь и смерть
Воюют друг с другом в моей плоти,
Оставь меня в покое. Дай мне насладиться,
Как и другим, этой агонией.

Но только (кем бы ты ни был)
Молись за мою душу. Повторяй мое имя
Ему, ибо в своей горечи
Я с Ним едва-едва говорю,
А Он, занятый уничтожением меня,
Отказывается внимать.

ПРЕМУДРОСТЬ

Я учился, а меня это нисколько не умудряло,
И обученный, я забыл вскоре всё что знал;
Но и забывший, я был обременен знанием
Невыносимого знания ничего.
Сколь приятной была бы жизнь, будь я мудр!
Мудрость хорошо познается, когда
Уже ни о чем не думаешь и ничего не видишь.
Лишь тогда понимание приемлемо.

БЕГСТВО В ЕГИПЕТ

В каждом пределе зимнего города
Железо дивизий оглашает улицы;
Полиция Ирода бросает в дрожь
Пороги оставшихся для проверки
Жилищ, почти закончив дело.
Не оглядывайся назад — на Твою звездную страну!

Не слушай, какие сплетни громоздятся во тьме,
Что скрывает кровь, текущую по святым стенам!
Не твори младенческого благословения
Своей Рукой для пламенной спирали ликующих душ!
Беги, Божье Дитя, в поющую пустыню,
Где горящие глаза бродящего льва
Защищают дорогу Твою от зла.

НЕЗНАКОМЕЦ

Когда никто не прислушивается
К тихим деревьям,
Когда никто не замечает
Солнца в луже,
Когда никто не чувствует
Первую каплю дождя
И не видит последнюю звезду

Или приветствие раннего утра
Гигантского мира,
В котором покой начинается,
А гнев кончается;

Только птица сидит неподвижно,
Наблюдая работу Бога:
Один крутящийся лист,
Два падающих лепестка,
Десять кругов на воде,

Одно облако на склоне холма,
Две тени в долине
И слабый свет из окна.
Теперь рассвет командует штурмом

Когда он догонял и перегонял встречные каравеллы.
«Вот плывет Колумб! Вот он плывет!» — кричали моряки.
Он действительно был огромен, с плечами выше
горизонта,
И оставлял всех позади Геркулесовыми столпами,
Продолжая держать путь на запад к Азорским островам.
Что за землю он там найдет, дабы убедиться
в округлости мира?
Лес за лесом, миля за тщетной милей,
Неоткрытая ложь континентов, скала за скалой:
Озера бурные или неподвижные в немом сне.
Огромные реки блуждают по равнинам
Облачным или темным, с морями бизонов.
Хилые водяные птицы голосят в сорняках Флориды.
К северу серые волны океана
В поле зрения бесчувственных холмов.
И никаких следов в тонких снегах штата Мэн.

Не осталось для зависти места;

Внезапно является великий, несущий Христа, Колумб,
Страхивая изумрудную Атлантику со своих плеч,
И видит Америку через завесу вод.
Дым стелется низко, укутывая в реках домашний скот,
Башни стоят подобно церквам на скале в корабельной
роще;
Горожане плятятся бутафорскими драконами,
Заполонив улицы и галереи и приветствуя песнями
небеса.
Музыка нарастает, как шум водопада, пока все стены
Не начинают петь осанну святым в праздничном
свете процессий.
Тогда первооткрыватель появляется в гавани,
Переступая через реки

И все самые высокие дворцы.
Люди делят солнце полудня, своё гигантское Евангелие
И спокойный Колумб спускается к горожанам,
Чтобы принять их дары — золотые плоды.
На всём протяжении новой земли деревья отступают
к холмам,
Индейцы выходят из чащи с зерном и дынями,
А он благословляет местную бронзовую знать,
сидящую на возвышениях.
Тысячи францисканцев устремляются в поля
с Причастием,
И горёда, города, города вырастают на этих полях.
И вот американцы, получившие новые имена по святым
Поднимают взоры и возглашают хвалу Отцу Небесному.
В то время как Он, вознесенный, благословляет
Свой континент.
Птицы летят словами из облака Его бороды.
Улыбки Бога быстро гаснут в небе,
Тают и исчезают Его скупые жесты,
А младенцы льют слезы радости, пока видят всё это.
В сумерках американских всенощных
Крылья нестойкого ладана уносятся вдаль,
Оставляя память о себе лишь на шпильях.
И стоит темноте опуститься на города,
Возвращая им девственный воздух,
Вся торговля замирает в молчании.
Вновь леса подступают к заливу.
Тени францисканцев умирают в непролазных дебрях,
И лишь один дым на равнине,
И лишь один индеец-охотник.

Что ты собираешься делать завтра, Америка,
Найденная и потерянная так скоро?
Твой Христос умер и ушел в Испанию,
Неся на плече драгоценный крест,
И вся твоя история закована там в цепи.

Но черти продолжают приплывать в привычные гавани
И запускать в небо ложных голубей, летящих на твои песни
Они склоняются над штурвалами мелкими лисьими
мордами,
Усмехаясь, как доллары, сквозь усы,
А их хищные паруса уже готовы свернуться
на твоём берегу.

Облачным или темным, с морями бизоньих,
Внезапно тишина глубокого континента
Умирает в гитарном торнадо.
Наша собственная Америка срывает с себя маску деревен
Приветствуя каждого пирата саркастическими городами
Раскрой дюжину городов! Позволь движению
окровавливать землю,
И обними свои сто двадцать миллионов нищих,
И не надеющихся на спасение,
В то время как они нанесены на карту и проверены,
Подготовлены, напечатаны, каталогизированы,
Пронумерованы, классифицированы
И проданы докторам твоего обманного открытия.

Заповонив улицы ароматами твоих городов,
Музыка нарастает, и начинается твоё великое
Не начинают петь осуждениям твоим
Тогда первооткрыватель твой
Переступая через реки

***

И теперь глаза городов напряжены, словно лёд,
Когда долгий поток машин катит домой осенними
ночами.

(Колокола, что слышал Колумб, звонят беззвучно.)
Реки города все еще, как ликер.

Теми же ночами бары и фабрики объединяются
В Мичигане или зеркалах Эри игрою огней.
(Но колокола, что слышал Колумб,
звонят беззвучно.)

Лицо города замораживается серебряным экраном,
Когда университеты отходят ко сну,
И зима поет в мостах,
Терзая струны грандиозных арф.

А дети не славословят святого Колумба
во время праздника.
Они следят за длинными-предлинными армиями,
дрейфующими домой.

А.М. Айчип — англиканский священник, лично знавший Мертона, так Владимира Лосского и многих других русских эмигрантов в Ланчестерский приход Общества Томаса Мертона в Британии (прим. перевод.).

ПОКЛОНЕНИЕ БОГУ ВСЕГО СОТВОРЁННОГО.

ТОМАС МЕРТОН И ВОСТОЧНЫЕ ОТЦЫ¹

Благодаря Мертону и сегодня между людьми зарождается дружба. Он продолжает дарить себя нам, обращаясь прямо к каждому из нас. Все мы, я полагаю, испытали это, читая его книги. Он, как и один из почитаемых им англикан XVII в.², обладал особым даром сопереживания, общения и так остро ощущал присутствие Божие, что постоянно стремился донести своё ощущение до других. Он отдавал себя ближним. Его слово становилось нашим собственным словом, частью нашей жизни³.

Многим, я думаю, знакомо замешательство, которые испытываешь, когда тебе предлагают говорить, а сказать, в сущности, нечего. Работая над этой статьёй, и испытывал замешательство противоположного свойства. Мне было что сказать, и чем дальше я погружался в работу, тем яснее понимал, как обширна и многогранна моя тема и как она мало изучена.

Моя небольшая, по необходимости, статья поможет нам оценить Мертона как богослова и пророка, ратующего за единство христианского мира. Мертон был редким человеком: богословом, не чуждым поэзии, и поэтом, знающим богословие. Эпиграфом к моей статье могли бы стать его слова:

Всё богословие — как день рождения:

возвращение домой, Богоявление и Эдем.⁴

* Canon A.M. Allchin — англиканский священник, лично знавший Мертона, семью Владимира Лосского и многих других русских эмигрантов в Париже. Почётный президент Общества Томаса Мертона в Британии (прим. перев.).

I. Православное влияние на мистику Мертона

Мертон писал:

Если я могу соединить внутри себя мысль и благочестие восточного и западного христианства, греческих и латинских отцов, русских и испанских мистиков, я в самом себе готовлю воссоединение разделённого христианства... Стремясь собрать воедино разделённое, не нужно ни выпячивать разногласий, ни искусственно их стирать. Нужно вместить в себя разные миры и принести их Христу.⁵

Именно это Мертон и делал. Он вмещал разногласия и приводил их к единству во Христе, единству космическому и богочеловеческому⁶. Я не люблю сухих терминов, но сейчас они необходимы, поскольку выражают единство Бога, человечества и мира, говорят о поклонении Богу всего сотворённого, о гигантском хоре живых существ.

Космическое измерение мертоновской мысли неотделимо от двух других: человеческого и Божественного. Все эти измерения едины во Христе, в котором примирены Бог, человек и всё сотворённое. Мертон стремился овладеть традициями христианского Запада и Востока (а вернее, отдать самого себя во власть этих традиций) не потому, что любил древность, а потому, что всем сердцем хотел — ради современного ему мира — глубже погрузиться в смерть и воскресение Христа. В предисловии к «Лекциям по аскетическому и мистическому богословию»⁷ [далее — «Лекции». — *Прим. пер.*] он пишет: «Мистическая традиция Церкви — это коллективная память о Христе, опыт общения со Христом, живущим и присутствующим в Церкви. Эта традиция воздействует на всего человека, формирует его разум, память, волю, чувства, тело, художественные способ-

ности. Всё это должно быть пронизано Святым Духом. Важно человеческое измерение, данное нам традицией, её воплощённый характер. Особенно важно — о памяти». И далее он продолжает: если у нас нет здравого и сознательного восприятия традиции, мы становимся лёгкой добычей «нездоровых и туманных веяний, чего-то вроде коллективного невроза». Очень пронизательное замечание, если вспомнить про современные движения, именующие себя традиционными!⁸

Мертон начинал свои беседы о мистической традиции с утверждения, что в ней нет ничего эзотерического или исключительного, что традиция — это просто это передача Евангелия в самой глубокой и адекватной форме; передача из поколения в поколение той веры, которой народ Божий живёт вот уже две тысячи лет.

Главной целью «Лекций» было показать, что «мистическая, догматическая и нравственная традиции неотделимы друг от друга. Без мистики нет настоящего богословия, и наоборот»⁹. Мертон говорит это в самом начале беседы, а чуть позже приводит слова одного из самых творческих писателей русской эмиграции, Владимира Лосского: «Если мистический опыт есть личностное проявление общей веры, то богословие есть общее выражение того, что может быть опытно познано каждым.¹⁰ ... Одно гармонирует с другим, и поэтому не бывает ни богословия без мистики (иначе оно не имело бы отношения к реальной жизни, к Богу в нас), ни мистики без богословия (иначе всё было бы отдано на откуп индивиду, его частным фантазиям)»¹¹. Если наша мистика не станет по-настоящему богословской; если она не будет рождаться из того, как Бог открыл нам Себя во Христе и даровал во Святом Духе, то замкнётся на самой себе. «Опыт опыта¹² — это смерть созерцания»¹³.

Итак, главным для Мертонa было освоение традиции одновременно мистической и богословской, субъективной и объективной, опытной и более чем опытной. Он вполне сознательно относил себя к европейской католической школе середины XX в., представленной Анри де Любаком, Хансом Урсом фон Бальтазаром, Ивом Конгаром, Луи Буйе и писателем-монахом Жаном Леклерком¹⁴. Стремясь возродить богословское видение первых десяти веков христианства, времени, предшествовавшего разделению Востока и Запада и западной схоластике, все эти люди много сил отдали историческим изысканиям. Однако это не было для них самоцелью. Как подметил Мертон, их богословский интерес порождён горьким опытом фашизма и второй мировой войны, показавшими христианской Европе, какие разрушительные силы вырвались на свободу в XX в. и сколь необходимо возврат к первоосновам в богословии, да и во всей жизни Церкви.

На упомянутую школу повлияла и попавшая на Запад волею судеб (впервые за десять столетий) целая плеяда богословов, представлявших восточную часть некогда единой традиции. В основном это были русские богословы, которые работали в Париже в 30-е и 40-е годы XX в. Мертон хорошо знал их труды и цитировал во введении к «Лекциям» одного из них, о. Георгия Флоровского. Его Мертон считал свидетелем восточнохристианской традиции и даже устами той Церкви, которая в 1917 году встала на путь не обмирщения, а мученичества, и осознала, что мы живём в преддверии свершения Апокалипсиса и что сегодня сохранить веру можно только силой Самого Христа, даром Святого Духа. Вот приведённые Мертоном слова Флоровского:

Именно потому, что мы уже вовлечены в эту апокалипсическую борьбу, мы и призываемся к богословию... И снова, не только судить, но целить призвано здесь богословие. В этот мир сомнений, обманов, самообманов нужно войти, — чтобы ответить и на сомнения, и на укоры.¹⁵

Далее Мертон делает оговорку: «Нельзя отвечать самодовольно и туманно. Это должно быть слово живущего в нас Бога». И как бы подтверждая свою собственную интуицию, он снова цитирует Флоровского:

Богословская система не может быть только плодом учености, родиться из философского раздумья. Нужен и молитвенный опыт, духовная собранность, пастырская тревога... Нужно перелить и перестрадать всю эту проблематику безверного и не ищущего духа, всю проблематику вольного заблуждения и невольного неведения... Настало время, когда уклончивость от богословского знания и ведения становится смертным грехом, стигматом самодовольства и нелюбви, стигматом малодушия и лукавства¹⁶.

Монах призван быть богословом именно в этом смысле.»

В самом начале своих «Лекций» Мертон мастерски подытоживает церковную догматику и мистику, которые прежде всего говорят о воплощении и обожении, с двух сторон единой тайны. Бог нисходит в мир, чтобы быть с нами и чтобы мы могли быть с Ним. Он выходит из Себя, чтобы сойти к нам; мы же выходим из себя, чтобы подняться к Нему. Мертон считает, что это учение укоренено в Новом Завете — в Евангелии от Иоанна и посланиях ап. Павла, а позже заново выражено мучениками (прежде всего Игнатием Антиохийским) и учителями II и III веков (особенно Иринеем Лионским и Климентом Александрийским).

Раскрывают его и отцы-каппадокийцы (более всего Григорий Нисский), и духовные писатели того времени (Евагрий, Макарий Великий, Дионисий Ареопагит). Это, конечно, очень важное обстоятельство: Мертон плавно переходит от Нового Завета к писателям апостольской и более поздней эпох. В его представлении Писание и традиция образуют единое целое.

Кратко подытожив традицию, Мертон переходит к второстепенной на первый взгляд теме духовного восприятия¹⁷, породившей в начале XX в. целую дискуссию¹⁸. Все недоумения он предлагает разрешить с помощью отцов Церкви и св. Григория Паламы — богослова Преображения и нетварного света. Мертон поясняет: «Вот урок, который мы должны извлечь: схоластика и феноменология неубедительны и туманны, когда пытаются говорить о духовном восприятии. Особенно печально то, что они заблудились в психологии»¹⁹.

***

Позволю себе небольшое отступление и несколько слов скажу о св. Григории Паламе. Расцвет его служения пришёлся на первую половину XIV в. Во второй же половине пала Восточная империя, и на Востоке тексты святителя были основательно забыты. По той же причине эти тексты не стали достоянием Запада. Труды Паламы были изданы лишь в середине XX в., и уже во второй половине XX в. богословы Румынии, Греции, русской эмиграции и, наконец, самой России заново открыли для себя его учение. Это обстоятельство, несомненно, помогло православию выжить в тяжёлые десятилетия. Мертон узнал о Паламе из книг о Иоанна Мейендорфа, преподававшего тогда в Париже, и сразу понял, как важно его наследие. Он увидел в

Паламе богослова, защищавшего реальность опытного богопознания, его связь с телом и телесными чувствами. «Духовное восприятие, — подытоживает Мертон, — это не какая-то новая духовная способность, а восприятие как таковое, одухотворённое Духом Святым». Он несколько раз ссылается на посвящённые этой теме тексты Паламы. «Духовная радость, которая передаётся от духа к телу, не терпит никакого ущерба от соприкосновения с последним, а напротив, преобразует и одухотворяет его»²⁰.

Только прочтя великолепную «Молитву Богу Отцу на всеобщей Пятидесятнице», где Мертон выражает своё глубоко личное восприятие мира, начинаешь понимать, как важны были для него идеи св. Григория Паламы. «Я здесь для того, — пишет он, — чтобы принести Твоё имя, Отец, просто будучи “сыном” в Духе и свете, который Ты даровал, — не в неземном сиянии, а в ясном свете июньского дня, сверкающих полей, тюльпанов, сосен, лесов, облаков»²¹. Телом и чувствами мы переживаем нашу причастность ко всему сотворённому и воспринимаем разлитый повсюду свет от Бога. Значит, телом и чувствами мы можем принести всемогущему Богу хвалу всего сотворённого.

Центр всей первой части «Лекций» — глава под названием «Созерцание и космос», почти целиком посвящённая преп. Максиму Исповеднику. В ней Мертон пишет о Западе и Востоке, византийском мистическом богословии, американских шейкерах XIX в.²² и через свой собственный опыт творчески сводит воедино разнородные элементы. Примечательно, что в плане «Лекций» этой главы нет. Всё выглядит так, как будто бы она появилась прямо из-под авторского пера.

Мертон начинает с того, что относит преп. Максима († 662 г.) к величайшим и авторитетнейшим из гре-

ческих отцов. «Он обладал самым широким и гармоничным взглядом на христианский космос. Он — величайший из греческих (а значит, из всех вообще) отцов»²³. Максим — глубокий и не простой для понимания мыслитель. Как и Паламу, его очень плохо знали на Западе вплоть до середины XX в. Одна из его самых удивительных способностей — умение сочетать присущую мистикам и художникам устремлённость к Единому, всеединству и тонкое ощущение ценности каждой конкретной вещи, бесконечного разнообразия тварного мира.

Любовь Христова тайно присутствует в *logoi*²⁴ вещей. За разнообразием мира стоит Тот, Кто прост и не имеет частей; за всем, что имеет начало, стоит Безначальный; за всем видимым — Тот, Кто невидим.²⁵

Преп. Максим учит, что если мы хотим проникнуть в тайны Божии, в Его любовь к человечеству, иначе говоря — приобщиться *theologia*, мы должны сначала всмотреться в сотворённый Им мир и овладеть *theoria physike*, естественным созерцанием, которое позволяет увидеть внутренние *logoi* вещей и событий, вложенный в них Богом смысл, внутреннюю основу, своеобразие, природу. Мир полон *logoi*, отражений творческой Божественной воли, Божиего замысла, и все они собраны в одном *Logos*, Слове, которым и для которого всё сотворено. Человеческий *logos* (не просто разум, а совокупная способность видеть, познавать, понимать, различать) сотворён для того, чтобы откликаться на *logoi* окружающего мира, прославлять их благость.

В одном из отрывков Мертон делится своими сокровенными мыслями: «Видение *theoria physike* по преимуществу софийно. В нём человек соединяет Премуд-

рость Божию, сокрытую в вещах, с премудростью, сокрытой в нём самом. Встреча, брачный союз двух светов рождает внутри самого человека ослепительную ясность. Эта ясность — присутствие действующей в нём и отчётливо им осознанной Божественной Премудрости. Человек отражает в себе, как в зеркале, Божественную славу, и истина пронизывает не только его разум, но и всю его жизни. Свет Премудрости просвещает человека, прославляя в нём Бога, а просвещённый человек одухотворяет всё вокруг, делая лишь то, что согласно с творческой Премудростью Бога в вещах и в истории»²⁶. Не это ли сияние различимо на лицах Мертон и Далай Ламы, сфотографированных сразу после их долгой и по-настоящему софийной беседы, творческой и живительной для обоих? И не о нём ли говорит человек, встретивший Мертон в один из последних дней его пребывания в Азии: «Это поразительно чистое, ясное, открытое, окружённое нимбом лицо»²⁷?

Позволю себе несколько подробнее рассказать о том, как Мертон понимал *theoria physike* и что он заимствовал у преп. Максима. Он считал, что *theoria physike* раскрывает присущую вещам благую основу²⁸, которую не может разрушить никакой грех, и одновременно — силу благодати, которая действует повсюду, восстанавливая утраченное в творении Божиим и исцеляя поражённое болезнью. *Theoria physike* касается не только созерцания вещей, но и того, как мы ими пользуемся. Понимая это, Мертон писал об опасностях современных технологий и стремления управлять миром, как машиной. Писал он и о роли художника, который как никто другой должен быть связан с *logoi*.

Он [художник] не должен быть уважаемым в общепринятом смысле. В нём может быть нечто необычное,

какое-то смирение или юродство Христа ради... Художник имеет право быть парадоксальным... Он должен любой ценой стяжать внутреннюю чистоту, честность, открытость, целостность духа; он должен быть *holokleros*²⁹, тем, кто понимает *logoi* вещей и вслушивается в *tropoi*.³⁰

Теперь я хочу перейти к шейкерам и к тому, что о них говорил Мертон. Важно помнить, что это было почти сорок лет назад, когда о шейкерах почти не писали.

Ремесло и мебель шейкеров пропитаны их мистикой. Простота и суровость их существования ясно говорит о духовной чистоте, ими самими не осознанной. Ремесло шейкеров — настоящее откровение *logoi*. Оно исполнено духовного света.

Взгляните на их строения, особенно сараи. Это в высшей степени мистические сооружения — просторные, благородные, основательные, прочные. *Logos* сарая? «А ну-ка, зерно, собирайся в мой сарай». Заметьте: они не строят сарая вообще, вне какого-то места. Все их фермы гармонируют с местностью и являют её *logos*, — схватывают и выражают тайный *logos* долины, например. *Logos* места. Важно для цистерцианских монастырей XII в.³¹

И наконец, последнее и очень важное: *logos* вещи всегда конкретен. В каком-то смысле он универсален, но никогда не абстрактен. Божественный свет светит в конкретных очертаниях места, личности, времени, события, преображая их природную ограниченность. Вспомним, как называли местность цистерцианцы XII века и шейкеры века XIX: Clara Vallis³², Славный холм, Озеро Субботнего Дня, Fountains Abbey³³, Logumkloster, Locus Dei.

II. Рабочие тетради: дальнейшее развитие

До сих пор мы говорили о «Лекциях», которые Мертон готовил в 1961 году. Теперь перейдём к последним семи годам жизни Мертона и посмотрим, как он развивался. Здесь я положусь на «Рабочие тетради» из архива Беллармин-колледжа³⁴. Это по сути дела обыкновенные блокноты, в которых Мертон делал выписки из прочитанных книг. Самые ранние записи из тех, что попали в Беллармин-колледж, относятся к началу 50-х годов. Самые поздние и гораздо более объёмные — к 60-м. Среди них — записи последних месяцев и недель перед поездкой в Азию. Я, конечно же, не смог тщательно проработать все эти материалы, но за две моих поездки в архив я успел осознать их ценность.

«Тетради» говорят и о том, как широк был круг интересов Мертона, и о том, как серьёзно он вникал в интересовавшие его предметы. Его сосредоточенность и целеустремлённость просто поразительны. В последние годы жизни Мертон исследовал все главные религиозные традиции человечества: индуизм, буддизм (японский и тибетский), таоизм, хасидизм, иудаизм. Не укрылись от него и сокровища суфизма. Кроме того его интересовали литература XX в., латиноамериканские поэты, французские и американские романисты. Он врвался во всё новые сферы, изучал Третий мир и то, как примитивная культура соприкасается с развитой цивилизацией, был вовлечён в движение за общественную справедливость, мир, ненасилие.

Мне кажется, что в те годы в его уме и сердце произошёл взрыв, каких не бывает в материальном мире, — взрыв, не уничтоживший собственный эпицентр, не разрушительный, а созидательный. Будь на месте Мертона кто-то иной, менее цельный, он бы про-

сто не выжил. Впрочем, неудивительно, что в «Обете вести беседу»³⁵ он так часто говорит о физическом недомогании. Духовное и умственное напряжение такой силы вполне могло сказаться на его здоровье. Сам же он был так погружён в свои занятия, что мог и не заметить за собой.

Говоря о том, что Мертон сохранил свою целостность, я имею в виду его постоянный и глубокий интерес к христианскому богословию и духовности, равно в святоотеческой и в современной форме. Он очень много знал о монашеской традиции Запада и Востока, но всё время стремился к большему. С 1963 по 1965 год он исписал около ста страниц «Тетрадей», читая о кельтском христианстве и монашестве, — так его волновало возникновение христианства на Британских островах.

Мертон сохранил свою целостность ещё и потому, что опорой всех его изысканий были внутреннее делание, молитва, молчание, богомыслие. Вот одна из записей в калифорнийском дневнике «Лес, берег, пустыня»: «Не перепрыгивай с одной вещи на другую, — говорит Феофан Затворник, — дай каждой время дойти до сердца. Внимание — собранность духа в сердце. Трезвение — собранность чувств в сердце»³⁶. Именно это монашеское собирание чувств, воли и духа в сердце, постоянный поиск сердечного места с помощью Иисусовой молитвы помогли Мертону много и плодотворно работать, пребывая внутри себя.

Мертон очень любил книги св. Феофана Затворника, духовного писателя XIX в. Это был епископ, после семи лет пастырского служения оставивший кафедру и проживший остаток жизни в затворе. Он перевёл на русский язык «Добротолюбие» и в письмах окормлял всех, кто к нему обращался. Феофан был канонизирован русской православной Церковью в 1988 году.³⁷ О его

трудах Мертон узнал от Сергея Большакова³⁸ и из книги, вышедшей в Англии в 1966 году под названием «Искусство молитвы». Предисловие к книге написал отец (теперь епископ) Каллист Уэр³⁹. В неё вошли уникальные тексты о русской молитвенной практике (мирянской и монашеской) XIX и XX веков. Судя по выпискам, Мертон очень высоко ценил эту книгу. Выдержки из Феофана он подчеркивал и выделял восклицательными знаками.

«Тетради» раскрывают нам интерес Мертона к духовной и интеллектуальной традиции русского православия. В 1966 году в «Монашеских исследованиях» вышли его обзоры двух первых книг о. Александра Шмемана на английском языке: «Таинства и православие»⁴⁰ и «Последние вопросы»⁴¹. Первая — это блестящее введение в православные веру и богослужение, где автор пишет о мире как таинстве Божественной премудрости и любви. Вторая — антология текстов русских мыслителей XIX и XX веков. Обе книги Мертон принял с большим воодушевлением. О его мгновенном и живом отклике на них говорят записи в «Тетрадах» августа — ноября 1965 года и заметки на титульных листах. Отмечу по ходу дела, что 24 страницы тех же «Тетрадей» посвящены «Этике» Бонхоффера, которая заинтересовала его ничуть не меньше.

Шмеману был присущ схожий с мертоновским дар писать на богословские темы в доступной широкому читателю форме. Некоторые из его мыслей оказались особенно близки Мертону. Например, мысль о двух опасностях для Церкви в XX в. — опасности замкнуться в себе, превратившись в тесный, искусственный религиозный мирок, или принять правила, которые Церкви навязывает мир. Мертон переносит это на монашество. Вот цитаты из его обзора:

Истинное призвание монаха не в том, чтобы явно или неявно отвечать на вопросы, которые мир ставит перед собой. Монах — не человек ответов. Как бы серьёзны ни были вопросы, он не должен быть ни оптимистом, ни пессимистом. Его жизнь — выражение эсхатологической надежды и радости, присутствия Господа в искуплённом Им творении, которое Он преобразит силой Духа. Когда мы это поймём, мы увидим, что на самом деле монашеская жизнь — это открытость Духу, а значит, и всему, что благословил Бог в миру или вне мира.

Именно в этом смысле монах, не отвечая на вопросы об общественной справедливости, войне, расизме, технологиях и машинах, будет всё равно открыт своим братьям в миру через сострадание и любовь. Благодаря своему призванию он свободен от ложных ответов, которые мир даёт на свои же вопросы. Но эта открытость — иллюзия, если она не подкреплена послушанием Духу и крестному слову.⁴²

Интересно наблюдать, как Мертон восстаёт против представления о монахе (да и христианине вообще) как о человеке, который даёт «ответы» на том же языке, на каком мир ставит вопросы. Монах, Церковь, Сам Христос должны свидетельствовать «о присутствии Господа в искуплённом Им творении», о том, что Царство посреди нас, о силе и премудрости Божиих, сокрытых в *logoi* всего сотворённого.

Судя по «Тетрадам», Мертон, радуясь плодам современного ему православия, не терял интереса и к его истокам. Особо отмечу отрывок из «Тетрадей», датированный «Пятидесятница, 1967 г.», в котором Мертон пишет о встрече преподобных Антония Великого и Павла Фивейского. Эта встреча описана блаженным Иеронимом в «Жизни святого Павла пустытника»⁴³, и Мертон, конечно же, знал о ней и

раньше. Скорее всего он намеренно выбрал это описание для чтения и медитации в день праздника. Итак, преподобный Антоний, которого считают основателем христианского монашества, получил в старости повеление от Бога пойти и найти другого монаха, лучшего, чем он сам, и более опытного. Антоний отправился в путь и пришёл в оазис, где долгие годы жил в неизвестности, предаваясь молитве, некий Павел. Подвижники проговорили целый день и приняли пищу из рук Божиих: ворон принёс им большой кусок хлеба, и они решили преломить его так, чтобы никто из них не коснулся его первым. История заканчивается рассказом о смерти Павла и о том, как пришли два льва и похоронили его.

Это прекрасный текст, очень характерный для ранней монашеской письменности, — история о чудесах Божиих. Антоний думает, что он первым вступил на монашеский путь, а потом находит того, кто его в этом опередил. Подобно Аврааму, он снимается с места и идёт, не зная куда. Самые неожиданные события направляют его к цели. В рассказе постоянно говорится о благодарении, Евхаристии; в нём много кроткой иронии и юмора, что особенно привлекало Мертон. Много в рассказе и образов животных, реальных и вымышленных. Кентавр, сатир и волк указали Антонию путь, а ворон принёс хлеб. Львы совершили похоронный обряд. Всё творение служило Богу, причём животные делали это лучше, чем люди. Один из величайших латинских отцов⁴⁴ прославил двух величайших египетских монахов-пустынников. Латинский Запад, греческий и коптский Восток соединились в одно целое благодатью Святого Духа, некогда соединившей в евхаристическом общении двух отшельников.

Почему Мертон выбрал для медитации именно этот текст в день Святой Троицы 1967 года? На этот вопрос поможет ответить заметка, сделанная им несколькими днями раньше в связи с чтением об англосаксонском стихе «Сон о распятии»⁴⁵, высеченном на большом каменном кресте, памятнике англосаксонской эпохи⁴⁶. Крест датируют VIII веком. Кроме стиха, на нём высечены сцены из Евангелий и, как ни странно, изображение встречи преподобных Антония и Павла. Это событие времён зарождения монашества много значило для монашеской общины Британии и Ирландии и запечатлено на одном из самых больших ирландских крестов. Упоминания о нём есть в ранней религиозной поэзии Уэльса. Оно считается началом единой традиции христианства на двух европейских островах. Вполне вероятно, что именно статьи о знаменитом каменном кресте и побудили Мертона в день Святой Троицы взять из монастырской библиотеки XXIII том *Patrologia Latina* и молитвенно поразмышлять над историей встречи двух пустынников.

III. Богослов-мистик

В заключение отмечу, что Мертон был выдающимся богословом. Как писал Евагрий, богослов — это тот, кто по-настоящему молится и проникает в тайны Божии. Мертон был именно таким богословом. Но он был и великим служителем Слова, имевшим особый дар передавать Слово другим. Благодаря ему, о тайне веры очень часто говорят и слышат в самых неожиданных местах. Я бы сказал, он был «народным» богословом, то есть богословом народа Божиего. Он не принадлежал ни к одной из академических или политических школ, не собирался основывать новую деноминацию,

но и среди популярных евангелически настроенных писателей не найти никого, кто так же глубоко, как Мертон, погрузился бы в классическую культуру; кто был бы так же открыт к современной науке и обществу; так же ясно сознавал животворность целостной христианской традиции; так же церковно смотрел на sacramентальную жизнь, считая её питательной средой для христианского опыта⁴⁷.

Мертон был выдающимся богословом-мистиком, носителем опыта. Он был и историком, ясно видевшим основные контуры христианского учения и вехи его становления. Историю монашеской жизни и мысли начиная с IV века и до наших дней Мертон знал досконально. Но наверное, прежде всего он был великим богословом-поэтом, в текстах которого слышен голос всего творения, воздающего хвалу и поклонение Богу. Редкое сочетание: великий поэт, написавший больше хорошей прозы, чем стихов, и одновременно — великий богослов!

Всё это я говорю не для того, чтобы принизить вклад Мертона в диалог между христианством и другими религиями, культурой и богословием или его вклад в движение за общественную справедливость, ненасилие и мир. Мертон важен для нас по очень многим причинам. Он очень многого достиг, но за всем этим стоит его укоренённость в живой традиции Церкви как «коллективной памяти и опыте живущего в ней Христа». Своим даром доносить до нас мудрость далёких эпох и пластов традиции он и нас побуждает погружаться в её глубины. Западным христианам он помогает заново открыть для себя богатства христианского Востока, может быть — выучить русский, греческий или румынский (или посетить страны восточной Европы, долгое время для них недоступные) и поучить-

ся у живущих там братьев и сестёр тому, как они познавали Христа в XX веке. Как много ещё предстоит сделать для того, чтобы внутри себя обрести единство, о котором писал Мертон⁴⁸! Это довольно прозаическая задача, но решать её необходимо, если мы хотим обрести глубину и гармонию в своей христианской жизни и вере.

Скорее всего, нам нужно и то и другое — и путешествия, и внутренняя работа. Мертон произвёл большое впечатление на тибетских монахов и учителей потому, что хорошо знал тибетский буддизм и мог беседовать с ними на равных. Но ещё большее впечатление произвела на них его укоренённость в единой христианской традиции, католической и протестантской, западной и восточной. И пусть последнее слово будет за Далай Ламой: «Я был поражён духовностью, которую разглядел в человеке, исповедующем христианскую веру. Со мной такое было впервые... Именно Мертон раскрыл мне настоящий смысл слова “христианин”»⁴⁹.

Примечания:

- 1 Canon A. M. Allchin. *The worship of the whole creation. Merton and the Eastern Fathers*. Опубликовано в изд.: *Merton & Hesychasm. The Prayer of the Heart*. Ed. by V. Dieker, J. Montaldo, Fons Vitae, 2003.
- 2 Речь идёт о Томасе Треерне (*прим. перев.*)
- 3 Elizabeth Jennings. *Every Changing Shape*. London, 1961. P. 83-84.
- 4 «So all theology / Is a kind of birthday. / A coming home to where we are / Epiphany and Eden.» — Thomas Merton, *Eighteen Poems*. NY, 1985.
- 5 Thomas Merton. *Conjectures of a Guilty Bystander*. NY, 1966. P. 20. (Далее для краткости — «*Conjectures*»).

- 6 Cosmo-theandric.
- 7 Thomas Merton. *Lectures on Ascetical and Mystical Theology* (далее для краткости — «*Lectures*»).
- 8 «*Lectures*», p. 9.
- 9 «*Lectures*», p.1.
- 10 Цит. по: Лосский В. Н. *Очерк мистического богословия Восточной Церкви*. М., 1991. Гл. 1 (*прим. перев.*).
- 11 «*Lectures*», p.26.
- 12 The experience of experience.
- 13 «*Lectures*», p.10.
- 14 Henri de Lubac, Hans Urs von Balthasar, Yves Congar, Louis Boyer, Jean Leclercq.
- 15 Прот. Георгий Флоровский. *Пути русского богословия*. Изд. 2, ч. II, гл. 9, § 5.
- 16 «*Lectures*», p.10. Выдержка из «*Путей русского богословия*» приводится по изданию, указанному выше.
- 17 Spiritual senses.
- 18 Участниками дискуссии были французские богословы Poulain и Olphe-Gaillard.
- 19 «*Lectures*», p. 39.
- 20 «*Lectures*», p. 40.
- 21 «*Conjectures*», p. 175.
- 22 Шейкеры (Shakers, Объединенное общество верных) — религиозное движение, основанное Энн Ли (Ann Lee) в 1772 году в Манчестере (Англия). Одно из немногих успешных движений среди многочисленных коммун и групп, верующих в тысячелетнее царство Христа, распространённых в XVIII и XIX веках в Америке и Европе. Отделились от манчестерской общины квакеров (*прим. перев.*).
- 23 «*Lectures*», p. 58.
- 24 Мн. число от logos — слово, семя (греч.) (*прим. перев.*).
- 25 «*Lectures*», p. 58.
- 26 «*Lectures*», p. 59.
- 27 Michael Mott. *The Seven Mountains of Thomas Merton*. Boston, 1984. P.555.
- 28 Goodness.
- 29 Совершенный во всём, безгрешный, законченный (греч.).
- 30 Пути, способы (греч.) («*Lectures*», p. 63.)
- 31 «*Lectures*», p. 64.
- 32 Светящаяся долина (лат.), Clairvoux (Клерво) — место, где основал монастырь св. Бернард Клервоский (*прим. перев.*).
- 33 Аббатство фонтанов. Цистерцианский монастырь, основанный в XII в. неподалеку от реки Скел (Skell) (*прим. перев.*).

- 34 Официальный архив Мертона, основанный еще при его жизни в университете города Луисвилл, расположенного вблизи Гефсиманского аббатства — монастыря, к которому принадлежал Мертон (прим. перев.)
- 35 Thomas Merton. *The Vow of Conversation*.
- 36 Thomas Merton. *Woods, Shore, Desert, a Notebook, May 1968*. Sante Fe, 1982, p.16.
- 37 Theophan (George Govorov). *Anthologized in The Art of Prayer* (introduction by Bishop Kallistos Ware). London, 1966.
- 38 Письма Мертона к Сергею Большакову опубликованы в приложении к биографии Мертона. См.: Джим Форест. *Живущий в премудрости*. (прим. перев.)
- 39 Kallistos Ware.
- 40 Sacraments and Orthodoxy.
- 41 Ultimate Questions.
- 42 *Monastic Studies* (Number 4, Advent 1966), p.115.
- 43 Блаж. Иероним. *Творения*, т.4, Киев, 1863-8 (прим. перев.)
- 44 Блаж. Иероним (прим. перев.)
- 45 Dream of the Rood. Rood — особое распятие, установленное над входом в алтарь посредине крестообразной перегородки, которая отделяет клирос от нефа (прим. перев.)
- 46 Так называемый «Ruthwell Cross».
- 47 Автор статьи сравнивает Мертона с Джоном Уэзли (John Wesley) (прим. перев.) См.: *The Place of Wesley in the Christian Tradition*. Ed. By Kenneth F. Rowe. Metuchen, New Jersey, p.13.
- 48 См. цитату из «Conjectures of a guilty Bystander» в начале статьи (прим. перев.)
- 49 См.: *Freedom in Exile: The Autobiography of the Dalai Lama*. NY, 1990, p.189.

Каноник А. М. Олчин

«НАША ЖИЗНЬ —
МОГУЩЕСТВЕННАЯ ПЯТИДЕСЯТНИЦА»
ТОМАС МЕРТОН И РУССКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ¹

Вспоминая свои поездки в Гефсиманию, состоявшиеся ещё при жизни Мертона в 1963, 1967 и 1968 годах, я долго не мог сообразить, почему он с такой радостью меня принимал. Ждал новостей из Англии или посылок от друзей? Ценил мои связи с Оксфордом и англиканской традицией в целом? Наконец я догадался, что существовал и другой мир, который я знал лично, а Мертон — только по книгам. Я имею в виду русский Париж, а точнее — живших там православных богословов из России. Со многими из них я довольно близко подружился, будучи ещё студентом. Мертону было интересно личное свидетельство о тех людях, чьи книги он читал.

О существовании и значимости русских богословов из Парижа Мертон узнал задолго до наших с ним встреч. Это были первые за девять веков раскола серьёзные представители восточного православия на Западе. Уже в 1950 году Мертон писал одному из друзей о том, как высоко он ценит «Мистическое богословие Восточной Церкви» Владимира Лосского и как важна эта книга для правильного понимания первых цистерцианцев, которые, как оказалось, многое заимствовали у греческих отцов. «Я всё время думаю о воссоединении с греками», — писал Мертон².

Судя по вводной части «Лекций по аскетическому и мистическому богословию»³, Мертон использовал

труды Владимира Лосского и о. Георгия Флоровского, чтобы понять суть мистического богословия. В одной из своих статей я уже писал о «Лекциях» и о связи Мертона с греческими отцами. Сегодня же, опираясь на недавно вышедшие «Дневники», я могу засвидетельствовать, что в 1957–1962 годах Мертон усердно читал русских богословов. Именно это открытие напомнило мне о некоторых обстоятельствах нашей первой с ним встречи в 1963 году.

I

О русских богословах из Парижа я заговорил для того, чтобы рассказать о главном — о их влиянии на Мертона в поворотный период его жизни (1957–1961 гг.), когда он начал яснее видеть путь к богопознанию и вселенской тайне Божией любви. Читая дневники Мертона, я был поражён тем, как сильно православные богословы повлияли на его духовное и интеллектуальное становление.

В этой статье я скажу несколько слов о переписке Мертона с Пастернаком, а затем перейду к двум главным представителям первой волны парижской эмиграции из России — к Бердяеву и Булгакову.

Скажу я и о том, как Мертон откликнулся на труды молодого в то время православного автора Оливье Клемана — француза, принявшего православие и в течение многих лет бывшего свидетелем христианской веры, богослова, чьи книги высоко ценят и католики, и протестанты, и православные.

Наконец, в заключение поговорим немного о Павле Евдокимове и Владимире Лосском. Первую книгу Лосского Мертон читал в 40-х годах, а его труд о Мейстер-Экхарте — с восторгом принял летом 1961 года.

Отношение Мертона к русским богословам — тема, до последнего времени мало изученная. В его опубликованных текстах об этом почти ничего не сказано, если не считать обманчиво простой заметки в книге «Мистики и дзен-мастера»⁴, содержащей, как мы сегодня видим, пророческие строки. Говорить об этом меня вынуждают некоторые события недавнего времени, а именно — появление Общества Мертона в Москве⁵ и выход в свет первых переводов на русский язык его книг и статей. Мы всячески налаживаем отношения с нашими друзьями из России, о чём ещё совсем недавно никто даже не помышлял. Я думаю, что сегодняшняя Россия по достоинству оценит наследие Мертона.

Пожалуй, самым трогательным, если не самым важным из русских знакомств Мертона было его знакомство с Борисом Пастернаком. Их переписка очень много значила для них обоих. Недолгая дружба с русским поэтом помогла Мертону осознать своё писательское призвание и наладить отношения с коллегами по литературному цеху. И прав, несомненно, один из его биографов, утверждавший, что именно эта дружба заставила Мертона задуматься о своей миссии в мире писателей и интеллектуалов⁶. Из глубокого и непринуждённого общения с русским поэтом, из сердечной и интеллектуальной дружбы, преодолевшей все барьеры того времени, Мертон почерпнул уверенность в том, что Богу угодна его переписка со множеством людей, живущих в самых разных уголках мира. Отношения с другими людьми несли в себе, как он чувствовал, какую-то глубокую, исцеляющую тайну.

Мертон был очень тронут тем обстоятельством, что их общение с Пастернаком состоялось поверх железного занавеса, разделявшего тогда Восток и Запад. Непреодолимость этой преграды трудно представить тем,

кто не жил в то время. В случае с русским Парижем Мертон имел дело с эмигрантами, но и они доносили до него весть о России. Авторы, которых он читал, были православными и принадлежали либо непосредственно Московской Патриархии, как Владимир Лосский, либо епархии, которая в своё время отошла под омофор Константинопольского Патриарха, никогда не терявшего связи с Москвой.

Никто из них не имел отношения к так называемой Русской Церкви в изгнании (или «за границей», как она теперь называется). Главное представительство РПЦЗ в течение долгого времени располагалось в Нью-Йорке, а сама она отвергала евхаристическое общение с Московской Патриархией, считая себя «слишком православной» для этого. О её открытости неправославным христианам Запада, католикам и протестантам, и говорить не приходится.

Интересно отметить, что Мертон увлекся Пастернаком ещё до публикации «Доктора Живаго», а с русской религиозной мыслью познакомился и того раньше. Именно чтение мыслителей XIX века, таких как Соловьев и Хомяков, помогло Мертону понять христианские мотивы романа Пастернака гораздо глубже, чем поняли их многие из западных специалистов.

Первые записи, свидетельствующие о живом интересе Мертон к русской традиции, он сделал в апреле 1957 года. В них он упомянул двух авторов — Сергея Булгакова и Николая Бердяева, чей творческий расцвет пришёлся на 1920-е и 1930-е годы.

Булгаков и Бердяев заслуживают огромного внимания. Это великие люди, которые до конца стояли за Христа, поправшего смерть Своим воскресением. В их словах... сияет свет воскресения; их богословие — богословие победы.

Интересно, не говорит ли наша богословская осторожность о нашей сердечной холодности, о бесплодии, происходящем от страха и уныния? Эти двое не боялись ошибиться и быть осуждёнными Церковью, чтобы высказать нечто великое и достойное Бога. Они дерзнули принять вызов учительных книг, вызов книги Притч, где Премудрость «играла в мире» перед лицом Творца. Церковь и сама учит о том же: София должна была так или иначе мистически открыться и исполниться в Матери Божией и в Церкви.

Самое важное — это призвание человека творчески и сознательно готовить окончательное торжество Божественной Премудрости. Человек — микрокосм, сердце вселенной. Он призван соединить космический и исторический процессы в едином и окончательном призывании Божественной Премудрости и любви. Во имя Христа и Его силой человек должен закончить своё дело — принести космос Отцу силой Духа и славой Слова. Наша жизнь — могущественная Пятидесятница, в которой Святой Дух, постоянно действующий внутри нас, пытается через наши вдохновенные руки и язык войти в самое сердце тварного материального мира, одухотворяемого служением Церкви, мистического Тела воплощённого Слова Божиего.⁷

Мертон как будто бы плохо сознаёт, сколь разными людьми были Булгаков и Бердяев, — так тесно он сближает их идеи. Отец Сергей Булгаков был дерзновенным и творческим богословом, чьё учение о Премудрости, софиологию, в 30-х годах осудила Московская Патриархия. Но положение Булгакова в Париже было прочным. Он принадлежал части русской диаспоры, находившейся под юрисдикцией Константинополя, и прещения из Москвы не касались его напрямую. В Институте св. Сергия он, профессор догматического богословия, пользовался огромным авторитетом. Его

очень ценили как проповедника, духовника и учёного богослова. Он был по преимуществу человеком Церкви.

Бердяев же, напротив, был из плеяды русских религиозных мыслителей, которых трудно охарактеризовать в западных категориях. С одной стороны, он — не просто философ, потому что, исповедуя себя христианином, черпает вдохновение в своей вере. С другой, — он так свободен и спекулятивен, так непримирим и оригинален в своём подходе к последним вопросам жизни и бытия, что его нельзя назвать просто богословом.

Сближая Бердяева и Булгакова вопреки их очевидной несхожести, Мертон подчёркивал некоторые их общие идеи, которые с годами значили для него всё больше. Во-первых, это космическое призвание человека. (Человек — центр творения и не может уклониться от этого предназначения. Монах, например, решительно отвергая мир, не отбрасывает его как что-то ненужное.) Во-вторых — призвание к молитве, поклонению Богу и созерцанию, духовный труд ради всего творения, приношение всего сущего Отцу через животворящую смерть Сына в преображающей силе Святого Духа. В-третьих — призвание быть проводником Святого Духа, который должен через нас, через наше слово, действовать в материальном мире, одухотворяя его. Всё должно совершаться в силе и свободе, которые даёт Дух, а мы должны стать со-творцами, действующими вместе с Духом, Подателем жизни.

Этика творчества Бердяева была особенно важна для Мертона в тот период его жизни. Люди достигают зрелости, становятся теми, кем их задумал Бог, не подстраиваясь под заданный извне статичный образец поведения, а открывая внутри себя резервы роста, внут-

реннюю динамичность, которая помогает им стать свободными в Боге, Его со-творцами. Следовательно, Бог не только постоянно поддерживает бытие Своего творения, но и содействует раскрытию его творческой свободы. Он удаляется от творения, чтобы оно могло стать свободным.

8 июня 1959 года Мертон писал:

Бердяевское различие этики закона и этики творчества очень ценно для меня. Возможно, это искушение, но этика закона велит мне оставаться в Гефсимании, а этика творчества велит уйти и делать то, чего я еще не делал. Этика закона говорит: «Кто такой Бердяев? Разве это авторитет? Он же еретик. Ты проявляешь своеволие. Что такое творчество? Иллюзия, которая, завладев умами, перевернёт все устои. Безопаснее принять то, что уже устоялось, даже если это не очень хорошо. Бог действует в общине и через общину. Индивид должен подчиниться общине, чтобы найти Бога». И так далее.⁸

После этих строк следует очень эффектный абзац: положим, он [индивид] не подчинится. Что тогда? «Лёгче спросить, чем ответить! Что если во мне действительно нет ничего творческого?.. Ну и вопрос! В творчество верит и на него надеется всякий христианин. Иначе Христос напрасно умер.»⁹ Мы видим, какие сомнения терзают Мертона. Отречься от творчества для него — то же, что отречься от Бога, от Христа и Его смерти.

Свои размышления Мертон заканчивает очень интересным, но ещё не вполне определённым выводом, который, впрочем, открывает нам, по какому пути Мертон в конце концов пойдёт. «Тем временем пора выбираться из этой дилеммы. Гефсимания или нет? Ни то ни другое! Должен же быть какой-то способ поднять-

ся над разделением.»¹⁰ С Божией помощью ему удалось это сделать.

II

В те годы Мертон прочёл много книг, написанных русскими богословами из Парижа. В июле 1960 года он начал переписку с Оливье Клеманом, который преподавал в частном парижском колледже и только начал свой путь православного богослова. Мертон пишет о нём как о человеке, «воспитанном в атеистической семье, обратившемся в православие и печатающем «Контакты»»¹¹. «Контакты» — это православный журнал, поместивший статью Мертона о горе Афон и подруживший его с Клеманом, а потом и с о. Софронием (Сахаровым), основателем православного монастыря в Англии.

Неудивительно, что Мертон внимательно читал первую небольшую, но очень важную книгу Клемана «Преображение времени». В своём дневнике он писал: «Книга Клемана просто великолепна. Только сейчас, дочитав до середины, я понял, как много потерял, не уделив ей поначалу должного внимания. Надо перечитать ещё раз. Мало книг, которые стоит читать дважды»¹².

Спустя два дня он понял, что докопался до сути:

Основная мысль Клемана в том, что «падшее время» лишено настоящего и представляет собой чистый переход, где настоящее — всего лишь бессодержательная точка между двумя пропастями — прошлого и будущего. Настоящее возникает из прошлого, чтобы его поглотило будущее. «Падшее время» — это выражение пустоты. Это отсутствие Бога, а потому и отсутствие человека для себя самого и для других. Искуплённое время сконцентрировано на настоя-

щем и рождается от присутствия Бога в нашей горестной бытии, если только мы не поддаёмся унынию, а «увериваемся» в Божественной любви, если можно так связать, становимся смиреннее, приобщаясь жизни воскресшего Господа.

«Держи свой ум во аде и не отчаивайся», — сказал Христос старцу Силуану, «ибо, — поясняет о. Софроний (Сахаров), — осуждая себя на ад и тем убивая всякую страсть, человек освобождает своё сердце для любви Божией».¹³

Мертон добавляет на подъёме: «Замечательное чтение для воскресного дня. Пасха! Обновление во Христе! Слава Тебе, Господи Иисусе Христе, за эту великую милость!»¹⁴

Клеман подчёркивает, что Божественное присутствие, явленное во времени, утоляет нашу жажду по тому состоянию, в котором мы пребывали в раю, и одновременно обращает вперёд, к концу мира, давая нам здесь и теперь вкусить полноты, которая ожидает нас во Втором пришествии. Уже здесь, в этом падшем мире, Божественное прощение и исцеление действуют в нас, увлекая нас в будущее. Божественное будущее само влечёт нас к себе.

Каждая совершаемая на земле литургия — это не бессильное возвращение к началу, а новая встреча с Тем, Кто непрестанно выходит нам навстречу. Каждая Пасха, каждое воскресенье (это ведь малая Пасха) помогают нам вместить в себя таинственную жизнь и делают встречу со Христом более личной.

«Когда вода слёз, пройдя сквозь песок страстей, соединяется с животворящей водой крещения<...>, свет этого уникального праздника, Воскресения, вечной Пасхи, свет Восьмого дня, освещает каждое мгновение нашей жизни.»¹⁵ После знакомства с трудами

Бердяева и Булгакова Мертон писал о властном действии Пятидесятницы в его жизни. После знакомства с книгой Клемана — о вечно обновляющейся Пасхе. В обоих случаях мы имеем дело с характерной для православия эсхатологией.

Ещё двумя днями позже Мертон пытался приложить новое видение к своей жизни и своему призванию:

Важна способность заново передумать то, что волновало людей других эпох и стран. Для меня это — современная Латинская Америка, греческая патристика, гора Афон, китайское конфуцианство, династия Тань, до-сократовская Греция. Уныние оттого, что только ещё пытаюсь по-настоящему познать и понять прошлое и далёкое, наладить с ним общение, — но и чувство, что я должен это сделать, прожить всё это, вместить в себя, впитать, переварить, «запомнить». *Memoria*. Я ещё даже не начал. Смогу ли я вникнуть в их проблемы, смогу ли заново задать вопросы, на которые они пытались ответить? Да и нужно ли это? Разумно ли? Для меня это — выражение любви к Богу и человеку, — то, без чего моя созерцательная жизнь бессмысленна. Я должен поделиться этим с моими современниками.¹⁶

Мы видим, что Мертон начинает понимать вселенскость и универсальность человеческой личности, начинает обретать своё призвание стать — силой Святого Духа — истинно вселенской, универсальной личностью. Его служение — в том, чтобы пересекать границы пространства и времени, вопрошать прошлое, преодолевать барьеры — языковые, культурные, политические, исторические. Он ощущает, что призван вместить внутри себя видение, опыт, мысль разных времён и разных мест, свести их воедино и поделиться ими с современниками.

— Мертон ценил книгу Клемана ещё и потому, что она открыла ему опыт, жизнь и свидетельство старца Силуана, русского монаха с горы Афон, ставшего в 1920-х годах духовным наставником о. Софрония и умершего в 1938 году. О. Софроний счёл своим долгом и призванием рассказать Западу о жизни и писаниях старца. Силуан, русский монах, человек крестьянского происхождения с двумя классами образования, не имевший священного сана, никому толком не известный, стал великим старцем благодаря своей молитве, покаянию, подвигу. Не так давно он был канонизирован Константинопольской, а потом и Московской Патриархиями. О нём узнают все больше людей, у него испрашивают молитвенного заступничества. Что же до Мертона, то он уже в 1960 году чтит память старца Силуана.

Сегодня годовщина смерти святого старца Силуана, монаха монастыря св. Пантелеимона на горе Афон — 11-е сентября 1938 года...

Силуан не хотел умирать в лазарете, где громко тикали часы, мешая ему молиться.

Сидя за одним столом с братией, он отказался вместе с ними критиковать одного из тех, кто не справился с каким-то монастырским заданием.

Его борения и печали. Господь сказал ему: «Держи ум твой во аде и не отчаивайся». Для меня эти слова — свет и утешение. Каким-то непостижимым образом они снимают тяжесть с моего сердца. (Лет десять назад они бы меня только угнетали.)

Коль скоро ад — это отверженность и мрак, некоторые из нас, подобно Иову, должны избрать его как путь к миру. Погружение в ничто, падение в пропасть, в собственную ничтожность, чтобы смириться, чтобы Бог обрёл тебя и спас.

Всё это, наверное, звучит нелепо и даже еретично. Но — нет. Я — тот, кого Бог спас из ада.

Иначе говоря, это моя судьба и моё призвание.

Если я начну твердить: «я спасён», меня одолеет страх. Мне будет казаться, что я отступил; я начну говорить, что не отступал, отречься от того, что на самом деле сделал, и т. д. И никогда не знать, где находишься. Глупое занятие.

Пусть вокруг меня бушует пламя ада, как вокруг Силуана. Я буду надеяться на спасение. Тогда я буду спасён и забуду о себе. Иисус, Спаситель.¹⁷

Итак, Мертон знал о старце Силуане и его духовном свидетельстве во времена, когда тот был практически не известен западному христианскому миру, и понимал, как схож их монашеский опыт.

Мертон очень радовали отрывки из книги о Софрония, где говорится о том, как истинный монах, оставив всё ради Бога, мистически всё находит в Боге:

Порывая вначале с миром, он через Христа снова обретает его в себе, но уже совершенно иным образом, и становится связанным с ним «союзом любви» на всю вечность. Тогда всякий человек, независимо от удалённости места или исторической эпохи, когда он жил, включается чрез молитву в его вечную жизнь. Тогда он познаёт, что сердце его не есть только физический орган или орган психической жизни, но нечто не поддающееся определению, способное соприкоснуться с Богом — источником всякого бытия. В глубоком сердце своём христианин каким-то образом переживает всю историю мира, как свою собственную, и видит не только себя, но и весь мир человеческий, весь комплекс возможных мыслей и духовных переживаний, и нет тогда для него чужого человека, но каждого он любит, как заповедал Христос.¹⁸

В августе 1955 года мне довелось впервые побывать на Афоне. Я приехал в русский монастырь св. Пантелеимона и обошёл его постройки в обществе одного русского мирянина, жившего там вместе с братней. Почти сразу он привёл нас в усыпальницу, где в какой-то момент взял один из черепов и сказал: «Это череп монаха, о котором некоторые отцы говорят, что он святой». Это был череп старца Силуана.

III

До сих пор мы говорили о том, как повлияли на Мертон два духовных писателя первой волны русской эмиграции, Булгаков и Бердяев, а также богослов следующего за ними поколения, француз, принявший православие, — Оливье Клеман.

Для полноты картины нужно упомянуть ещё о двух людях, родившихся в первое десятилетие XX века и покинувших Россию вскоре после революции. Это два выдающихся богослова — Павел Евдокимов и Владимир Лосский.

В одной краткой статье трудно рассказать об обоих сразу, поэтому я остановлюсь на Владимире Лосском. Это связано не с тем, что о Павле Евдокимове меньше материала, — как раз наоборот. В третьем томе дневников Мертон можно найти множество ссылок на него¹⁹, и было бы очень интересно поработать с цитатами из его текстов, вызвавшими отклик Мертон. Скажу только, что Мертон считал Евдокимова священником, и мне пришлось его переубеждать, поскольку и Евдокимов, и Лосский — женатые миряне. Это очень любопытное обстоятельство: в XX веке в России, Румынии и Греции очень важные для православия богословские труды были написаны женатыми мирянами и священниками.

Очень мало было творческих богословов из монашествующих. Этот факт придаёт трудам Мертона особую ценность для христианского мира Востока и Запада.

Судя по дневникам, пик интереса Мертона к русскому богословию приходится на 1958–1961 годы. Позже, начиная с пятого тома, ссылки на русских авторов встречаются реже, но и они очень важны.

В дневниковой записи от 5 декабря 1964 года Мертон ссылаясь на Лосского. Тот декабрь был для Мертона особенно плодотворным и творческим временем. Он на собственном опыте познавал все трудности и дары уединённой жизни. Кроме того, продолжая работать над своими излюбленными авторами, он начал новые изыскания.

«Благодарение Богу! Ионеско избавил меня от Сартра. Не думаю, что Ионеско — великий художник, но он трезв, жив и свободен. Сартр не свободен...» Понятно, почему Мертон предпочёл Сартру румынского драматурга²⁰.

Зимой 1964 года Мертон ощущал нужду в усиленной молитве — той, что рождается от прикосновения к реальности покаяния и смерти. У Томаса Мертона, как и у Ланселота Эндрюса, был свой *Preces Privatae*²¹.

В скиту нужно творить молитву, чтобы не опуститься. Тут нельзя делать вид, будто молишься, равно как и сидеть сложа руки. Молитва должна быть реальной, но что мы можем сделать? Одиночество прижимает тебя спиной к стене (или лицом!), и это хорошо. Ты вынужден молиться о молитве. А ещё тут реальна смерть, стихи Донна²² и Ланселота Эндрюса.²³

Днём раньше он цитировал Ланселота Эндрюса: «Вечер, а сердце лживо насквозь, темно и не прямо. Старина завернут в тысячу одежек»²⁴.

Декабрь 1964 года был временем начинаний не только для самого Мертона, но и для Церкви и всего мира. Сестра Мэри Люк Тобин, одна из первых женщин-наблюдателей на Втором Ватиканском соборе, приехала из Лоретто в Гефсиманию, чтобы побеседовать с монахами о только что закончившейся сессии и рассказать о её успехах и неудачах.

Именно в этой связи Мертон писал 22 декабря: «Наконец-то читаю прекрасную книгу Владимира Лосского “*La vision de Dieu*” и вижу, что лучшее достижение Собора — это его Декларация об экуменизме, в особенности — о восточном богословии»²⁵. Радикально изменив отношение католической Церкви ко всем прочим христианским конфессиям, Собор особо отметил, как важна открытость к традиции и свидетельству восточного православия.

Теперь давайте посмотрим, кто же такой Владимир Лосский. Я довольно близко с ним познакомился, будучи ещё студентом, вскоре после моего рукоположения в священники. Его семья была для меня в Париже едва ли не вторым домом, а его сын и две дочери, которые до сих пор преподают в Париже, стали моими близкими друзьями на всю жизнь.

Владимир Лосский принадлежал к среднему поколению русской эмиграции. Он был на тридцать лет моложе Бердяева и Булгакова. Среди его ровесников — Флоровский и Евдокимов. Правда, в отличие от них, Лосский умер в 1958 году, не дожив до шестидесяти. Его «Мистическое богословие Восточной Церкви» Мертон, как мы видели, прочёл по-французски уже в 1950 году. Многие из трудов Лосского стали доступны читателям только после его смерти. Он был первым православным автором, написавшим об одном из величайших представителей западного христианства

Мейстере Экхарте²⁶ (вторым стал его сын Николай²⁷). Исследование о Мейстере Экхарте очень порадовало Мертона. Даже наукообразный стиль не помешал ему воспринять его, как слово, обращённое лично к нему. 25 июля 1961 года он писал:

Сегодня пришла книга Лосского об Экхарте. Она неслыханно хороша. Для меня она крайне важна, даже промыслительна. Уже в первой главе я нашёл подтверждение моей глубинной интуиции о незнании, которая была истоком моей веры и потом — всей моей жизнью... Не знаю, как Вас благодарить²⁸.

Прямо к нему было обращено не только содержание книги Лосского, но и что-то от духа её автора. Оглядываясь на десятилетия назад, я вижу, что Владимир Лосский имел много общего с Мертоном. Каждую минуту своей жизни он жил в полную силу. После его смерти один из его сыновей говорил мне: «Он не знал, что такое попусту тратить время». Он обладал большим умом и тонким восприятием красоты. Как и Мертон, он не имел жизненных корней: вырос в России, уехал оттуда в Прагу, потом в Париж, пережил все ужасы второй мировой войны и немецкой оккупации. Для него не существовало различия между священным и профанным; он всего себя отдавал жизни по вере. Если Мертон показал нам, каким может быть в XX веке монах, то Лосский дал прекрасный образец того, как значимо свидетельство мирянина, истинного человека Церкви, христианина и мыслителя, всего себя посвятившего служению тайне Бога, открытой во Христе.

Книга Лосского «*The Vision of God*» была опубликована в 1963 году. Она состоит из лекций, которые он читал в Сорбонне двадцатью годами раньше. Это — добросовестное, ясное раскрытие восточной христи-

анской традиции от апостольского периода до XIV века, завершающего историю Восточной христианской империи. XIV век был примечателен богословием св. Григория Паламы, которое подтвердили Константинопольские соборы XIV в. и которое до сих пор мало изучено на Западе как католиками, так и протестантами. Многие западные христиане и сегодня считают его чем-то второстепенным.

Для Мертона учение восточных отцов не было второстепенным. Книга Лосского, как мы видим, побудила его к своего рода личному исповеданию веры, подтверждению традиции, которая стала его жизнью с того самого момента, когда он, ещё будучи студентом Колумбийского университета, обратился и был присоединён к католической Церкви. Вековая традиция Запада и Востока стала для него животворным опытом, а через него и для многих других. В связи с этим я хочу привести длинный отрывок из дневников, важный и как личное исповедание, и как свидетельство о традициях христианского Востока и Запада:

Здесь, в скиту, неизбежно возвращаясь к истокам, я вижу, с чего начинал. Я слышал об Имени и Божестве Христа, проповеданном в храме Тела Христова²⁹. Я слышал и верил. И я верю, что Он из милости восстановил меня к Своей любви и спасению и что в конце (к нему Он направляет всё сущее), по смерти, совлекись тела и восстав вместе с Ним, я увижу Его и в этот последний день *videbit omnis caro salutare Dei* [всякая плоть узрит спасение Божие]. Значит, моя вера эсхатологична, хотя она же ведёт меня к тайне Божественного присутствия в настоящем. Но если моя вера эсхатологична, она и созерцательна, ибо я уже в Царстве и могу «видеть» что-то от его славы и восхвалять Царя. Было бы глупо жить как слепец, не «видя» до той поры, когда

наступит какая-то воображаемая полнота (ведь моё здешнее видение — только начаток реальной и невообразимой полноты). Созерцание и эсхатология составляют одно целое в христианской вере и в посвящении себя Христу. Они дополняют и обогащают друг друга. Моё созерцание и любовь готовят меня к эсхатологическому видению и помогают двигаться к нему всей Церкви, всем людям.

Единство созерцания и эсхатологии явлено в даре Святого Духа. В Нём мы пробуждаемся, чтобы познавать Отца. В Нём мы преображаемся в подобие Сына. Именно в этом подобии Дух в конце концов приведёт нас к ясному видению невидимого Отца в славе Сына, которая станет и нашей славой. Сейчас же именно Дух пробуждает в нашей душе веру и надежду, устремлённые к эсхатологической полноте и видению. Надежда — это и начало, *arrha* [залог] полноты. Вот наше созерцание: осознание и «опыт» животворящего Духа, в котором Отец присутствует для нас через Сына, который — наш путь, истина и свет; осознание, что мы на пути и, поскольку мы на пути, мы в истине, которая есть конец и через которую мы уже обрели полноту и вечную жизнь. Созерцание — это полное любви вкушение этой жизни и вечности, этого присутствия³⁰.

IV

Однажды я уже писал³¹, что, отдавая должное вкладу Мертона в диалог с нехристианскими традициями, не следует недооценивать его вклада в христианский экуменизм. Оба направления его мысли тесно связаны между собой. Неслучайно большая часть книги «Мистики и мастера Дзен» посвящена обсуждению злободневного (хотя и довольно технического) внутрихристианского спора. Всё, что Мертон сделал в этой области, нужно оценить по достоинству, поскольку всё

это — часть его видения. В двух отрывках из его дневников 1964 года, которые я только что процитировал, Мертон говорил о Троице и о воплощении языком христианских традиций Запада и Востока. Более того, он показал нам путь к примирению двух этих традиций: созерцательной и мистической с одной стороны — и пророческой и эсхатологической с другой. К сожалению, их до сих пор ещё считают враждебными друг другу и даже взаимоисключающими. Опыт Мертона, если мы поймём и примем его, поможет нам изменить отношения между католиками и протестантами на христианском Западе.

Нам необходимо учение Мертона не только для диалога с людьми нехристианских традиций, но прежде всего для преодоления центробежных сил, столь очевидных сегодня во всех Церквях — православной, католической, в протестантском мире; оно необходимо для примирения новаторов и традиционалистов. Разве возможен настоящий прогресс, если он не укоренён в вечных реалиях традиции? И что это за традиция, если она мертва, косна, неподатлива, непослушна силе Святого и животворящего Духа? Только через пришествие Духа наша жизнь сможет стать Пятидесятницей, преображением всего творения (внутренним и внешним), явлением света и жизни воскресшего Христа, поправшего смертью смерть.

Примечания:

- 1 Canon A. M. Allchin. *Our Lives, a Powerful Pentecost. Merton's Meeting with Russian Christianity*. Статья опубликована в издании: *Merton & Hesychasm. The Prayer of the Heart*. Ed. by B. Dieker, J. Montaldo, Fons Vitae, 2003 (прим. перев.).
- 2 Thomas Merton. *The School of Charity: The Letters of Thomas Merton on Religious Renewal* (ed. by Patrick Hart). NY, 1990. P. 23-26.
- 3 *An Introduction to Christian Mysticism: From the Apostolic Fathers to the Council of Trent*: лекции, прочитанные в Гефсиманском аббатстве в 1961 году.
- 4 Thomas Merton. *Mystics and Zen Masters*. London, 1965. P. 178-187. В этом эссе о русских мистиках Мертон чётко очерчивает два конкурирующих течения в монашеском обновлении в России в XIX в.
- 5 Сайт Общества: <http://merton.sovintel.ru> (прим. перев.).
- 6 William Shannon. *Silent Lamp: The Thomas Merton Story*. NY, 1992. P. 186.
- 7 Thomas Merton. *A Search for Solitude* (Journals; ed. by Lawrence S. Cunningham). San Francisco, 1995. P. 85-86.
- 8 Ibid., p.288.
- 9 Ibid., p.288.
- 10 Ibid., p.289.
- 11 Thomas Merton. *Turning Toward the World* (Journals; ed. by Victor A. Kramer). San Francisco, 1996. P.23.
- 12 Ibid., p.39.
- 13 Ibid., p.42.
- 14 Ibid.,
- 15 Ibid. Я дополнил цитату из Мертона двумя фразами из Клемена (*Transigurer le temps*, p.162).
- 16 Ibid., p.42-43.
- 17 Ibid., p.44-45.
- 18 Архимандрит Софроний (Сахаров). *Старец Силуан. Жизнь и поучения*. М., 1991. С. 220.
- 19 К сожалению, имя Павла Евдокимова не попало в индекс третьего тома, хотя оно и встречается там на нескольких страницах. Ссылки на русских писателей неполны. На Булгакова, которого называли не Сергием, а Макарием, не хватает порядка десяти ссылок, на Бердяева — примерно пяти.
- 20 Thomas Merton. *Dancing in the Waters of Life* (Journals, ed. by Robert Daggy). NY, 1997. P. 176.

- 21 *Preces Privatae (Private Devotions)* — личная книга молитв и медитаций Ланселота Эндрюса (Lancelot Andrewes), которую он не готовил к публикации, но которая была издана спустя 22 года после его смерти. Написана большей частью по-гречески и на латыни, но есть места и на иврите. Ланселот Эндрюс родился в 1555 г. в Лондоне, знал 20 языков, был выдающимся ученым, впоследствии — епископом. Один из величайших проповедников того времени (прим. перев.).
- 22 Донн (Donne) Джон (1572-1631) — английский поэт. С его именем связана жизнерадостная лирика в духе Возрождения, а также элегии, сатиры, эпиграммы. Религиозно-мистические поэмы Д. Донна «Путь души» (1601), «Анатомия мира» (1611) положили начало «метафизической школе» (прим. перев.).
- 23 Ibid., p.173.
- 24 Ibid.,
- 25 Ibid., p.181.
- 26 V. Lossky. *Theologie negative et connaissance de Dieu chez Maitre Eckhart*. Paris, 1960.
- 27 N. Lossky. *Lancelot Andrews the Preacher (1555—1626): The Origins of the Mystical Theology of the Church of England*. Oxford, 1991.
- 28 Thomas Merton. *The Hidden Ground of Love: Letters of Thomas Merton on Religious Experience and Social Concerns*. Ed. by W.H.Shannon. NY, 1985.
- 29 Corpus Christy Church — храм в Нью-Йорке, где крестился Мертон (прим. перев.).
- 30 Thomas Merton. *Dancing in the Waters of Life*. P. 181-182. Этот отрывок был включен в дневники, опубликованные после смерти Мертона. См.: *A Vow of Conversation: Journals 1964—1965* (ed. by Naomi Burton Stone). NY, 1988. P.116-117.
- 31 См. предыдущую статью А. М. Олчина в данном издании (прим. перев.).

ОСНОВНЫЕ СОЧИНЕНИЯ

ТОМАСА МЕРТОНА

Дневники и автобиография

- The Seven Storey Mountain*. Harcourt, Inc, NY, 1999.
The Sign of Jonas. Harcourt, Inc, NY, 2002.
Conjectures of a Guilty Bystander. NY, 1968.
The Asian Journal of Thomas Merton. New Directions, NY, 1975
The Intimate Merton. (Отрывки из всех дневников). Harper Collins, NY, 2001.

Духовная жизнь

- New Seeds of Contemplation*. New Directions, NY, 1972.
The Springs of Contemplation. Farrar Straus Giroux, NY, 1992.
No Man is an Island. Harcourt, Inc, NY, 2002.
Contemplative Prayer. NY, 1971.
Love and Living. Harcourt, Inc, NY, 2002.
Life and Holiness. NY, 1969.
Mystics and Zen Masters. Farrar Straus Giroux, NY, 1986.

О монашестве

- The Waters of Siloe*. Harcourt, Inc, NY, 1979.
The Silent Life. Farrar Straus Giroux, NY, 1957.
The Monastic Journey. Cistercian Pubns, 1992.

Письма

- The Hidden Ground of Love*. Harcourt, Inc, NY, 1993.
The Road to Joy. Harcourt, Inc, NY, 1993.
School of Charity. Harvest/HBJ Book, NY, 1993.
The Courage for Truth. Harcourt, Inc, NY, 1994.
Witness to Freedom. Harcourt, Inc, NY, 1995.

Поэзия

- Selected Poems of Thomas Merton*. New Directions, NY, 1967.
Collected Poems of Thomas Merton. New Directions, NY, 1980.

Прочее

- Disputed Questions*. Harcourt, Inc, NY, 1985.
Seeds of Destruction. Farrar Straus Giroux, NY, 1964.
Raids on the Unspeakable. New Directions, NY, 1966.
Faith and Violence. University of Notre Dame Press, 1968.
Passion for Peace. Crossroad, NY, 1997.
Contemplation in a World of Action. University of Notre Dame Press, 1999.

Антологии

- Thomas Merton: Essential Writings*. Ed. by Christine Bochen. Orbis Books, NY, 2000.
Thomas Merton: Spiritual Master. Ed. by Lawrence Cunningham. Paulist Press, 1992.
A Thomas Merton Reader. Ed. by Thomas McDonnell. NY, 1974.

***

Публикации на русском языке

- Джим Форест. *Живущий в премудрости. Жизнь Томаса Мертона*. М., издательство «Истина и жизнь», 2000. Пер. А. Кириленкова.
Томас Мертон. *Одинокие думы*. Москва, издательство Францисканцев, 2002. Пер. А. Кириленкова.

Литература о Т. Мертоне

- M. Mott. *The Seven Mountains of Thomas Merton*. Harvest/HBJ Book, NY, 1993.
W. H. Shannon. *Silent Lamp. The Thomas Merton Story*. NY, 1993.
W. H. Shannon. *Something of a Rebel. Thomas Merton: His Life and Works*. St. Anthony Messenger Press, Cincinnati, OH, 1997.

Библиография

- Breit M.E., Daggy R.E. *Thomas Merton: A Comprehensive Bibliography*. Garland, 1986.